

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3

Том 4. История

Санкт-Петербург
2013

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 3 (Том 4) 2013
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
К. Еконен, доктор философских наук, профессор (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
<http://www.lengu.ru>

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

ИСТОРИЯ ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

А. Н. Егоров

Проблема идентификации либеральных политических партий
в общественной мысли России начала XX в. 7

О. А. Патрикеева

Женские организации России начала XX в.:
борьба за политическое равноправие 18

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

О. Ю. Солодянкина

Американская гувернантка семьи Кавос-Бенуа 29

Т. В. Деркач (Егорова)

Вопросы развития образования в Санкт-Петербургской губернии
в годы деятельности III Государственной думы (1907–1912) 35

Ю. Г. Ещенко

Организационно-правовые проблемы развития колледжей
в 1990-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья) 41

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

С. Н. Коробкова

Русские академические организации в Праге
и отечественная наука во второй половине XIX – начале XX в. 49

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

О. Б. Островский

Императрица Мария Федоровна
и русская художественная культура 1801–1825 гг. 59

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. П. Орлова

К вопросу об изучении третьей ревизии 71

И. В. Фролова

Призрение детей и подростков в Российской империи
во второй половине XIX – начале XX в.:
обзор постсоветской историографии 83

С. М. Назария

Июньские 1940 г. события в Бессарабии
и их трактовка в современной историографии 92

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А. И. Бакшеев

Анализ проблем определения функций государства
в период НЭПа 102

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

О. И. Вербовой, В. О. Левашко

Совершенствование противолодочной обороны
на внутренних морских коммуникациях Северного флота
в годы Великой Отечественной войны 111

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Н. В. Алексеева

Исполнение таинства исповеди в крестьянской среде
Европейского Севера России в XVIII–XIX вв.: побудительные
причины, нормы поведения, обряды и ритуалы 120

А. Б. Агафонова

Роль болотных ресурсов в сельском хозяйстве
Новгородской губернии и проблемы их освоения
в последней трети XIX – начале XX вв. 129

Н. А. Портнягина

I Государственная дума в борьбе за власть:
оценка революционного террора 140

Сведения об авторах 151

Contents

HISTORY OF POLITICAL PARTIES AND DOCTRINES

A. N. Yegorov

The problem of identification of the liberal political parties
in the social thinking in Russia at the turn of the XX century 7

O. A. Patrikeeva

The Woman's Organizations in Russia in the Beginning of the
Twentieth Century: the Struggle for the Equal Political Rights 18

EDUCATION HISTORY

Ol. Yu. Solodyankina

American governess of the family of Kavos-Benoit 29

T. V. Derkach (Yegorova)

Problems of the development of education in Saint-Petersburg
province in the years of activity of The III State Duma (1907–1912)... 35

Uy. G. Yeshchenko

Organizational and juridical problems of growth of colleges in 1990s
(on example of the Low Volga region)..... 41

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

S. N. Korobkova

Russian academic institutions in Prague and native science
in the second part XIX century to the beginning XX century 49

PERSON IN HISTORY

Ol. B. Ostrovskiy

The Empress Maria Fyodorovna and Russian Art Culture
(1801–1825) 59

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

A. P. Orlova

To the III Revision study 71

Ir. V. Frolova

Charity for children and adolescents in the Russian Empire
in the second half of the XIX – early XX century: Review
of post-Soviet historiography 83

S. Nazaria

Events in June 1940 in Bessarabia and their treatment
in modern historiography 92

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

A. I. Baksheev

Analysis of the problems of the functions of the state
in the period of the NEP 102

MILITARY HISTORY

O. I. Verbovoy, V. O. Levashko

Improvement of anti-submarine defense on internal sea
communications of Northern fleet during the Great Patriotic War 111

RUSSIAN HISTORY PAGES

N. V. Alekseeva

Execution of sacrament of a confession in the country environment
of the Russian European North in the XVIII–XIX centuries: incentive
reasons, standards of behavior, ceremonies and rituals 120

An. B. Agafonova

The role of wetland resources in agriculture
of Novgorod region and problems of its exploitation
(the last third of the 19th – early 20th centuries) 129

N. A. Portnyagina

The First State Duma in struggle for power:
assessment of revolutionary terror 140

About authors 151

ИСТОРИЯ ПАРТИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

УДК 94(47).083:329

А. Н. Егоров

Проблема идентификации либеральных политических партий в общественной мысли России начала XX в.*

В статье рассмотрена проблема идентификации либеральных политических партий в общественной мысли Российской империи начала XX в. Показано, что термин «либерализм» противопоставлялся демократическим ценностям, рассматривался как идеологическое обоснование господства буржуазии, был одиозным для демократически настроенной общественности и являлся неприемлемым для конституционно-демократической партии, стремившейся опереться на широкие народные массы.

The article regards the problem of identification of the liberal political parties in the social thinking of the Russian Empire at the turn of the XX century. The article shows that the term “liberalism” was set against democratic values, was looked upon as an ideological grounding for bourgeois domination. It was abominable for the democratically minded public and unacceptable for the Constitutional Democratic Party which searched for mass support.

Ключевые слова: либерализм, конституционно-демократическая партия, общественная мысль, публицистика, политические партии, социал-демократия.

Key words: liberalism, Constitutional Democratic Party, social thinking, political journalism, political parties, social democracy.

В годы Первой российской революции на политическую арену вышли различные силы, в центре которых находились партии либерального спектра, стремившиеся реформировать государственный строй России на основе принципов гражданского общества и правового государства. При этом немаловажным является вопрос о том, какие партии современники событий идентифицировали как либеральные? В наши дни подавляющее большинство исследователей к либеральному лагерю относят политические партии от октябристов справа до кадетов слева. Но в общественной мысли России начала XX в. однозначного ответа на этот вопрос не было.

Подавляющее большинство как современников событий, так и историков считают конституционно-демократическую партию основ-

© Егоров А. Н., 2013

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 12-01-00249, тема «Образ либерала в Российской империи XIX – начала XX вв.».

ной партией российского либерализма. Однако сами кадеты не считали себя либералами в классическом смысле этого слова. Испытав на себе сильное влияние социал-демократии, многие из них усвоили марксистский взгляд на либерализм как на идеологическое обоснование господства буржуазии. В соответствии с ним либерализм по своему историческому происхождению буржуазен: в эпоху своего формирования он означал защиту интересов именно буржуа, стесненных оковами феодально-монархических обществ. Следовательно, назвать себя либералами в то время означало признать свой буржуазный характер. Пойти на это кадеты не могли, поскольку считали себя партией не буржуазной, классовой, а надклассовой (внеклассовой), выражавшей интересы всего народа. В своей пропаганде они подчеркивали, что их партия «не является партией класса, как бы многочислен и прогрессивен он ни был, а партией целого, партией государственной и национальной. Выше всего стоит интерес России. Интересы каждого естественно возникшего класса подлежат признанию и защите, поскольку они не противоречат интересам всего государства, а входят частью в общую, гармонически связанную жизнь целого» [2, с. 38]. Отсюда следовала оценка кадетами своей партии не как либеральной, а как оппозиционной, демократической, стоящей в центре общественного движения.

В начале XX в. термины «либерализм» как буржуазная идеология и «демократизм» как воля большинства, народный суверенитет противопоставлялись, что отразилось в энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в которой утверждалось, что либерализм как чисто буржуазное учение ведет борьбу с демократизмом [25, с. 633]. Кадеты совершенно определенно отдавали первенство идеалам демократии. Недаром В.А. Маклаков, говоря о термине «либерализм», отмечал: «Это наименование неясно, а для многих как недостаточно демократическое и одиозно» [8, с. 296]. Другой кадетский публицист, С.И. Тхоржевский, высказывался еще более резко: «Либерализм не выработал своей научной базы, поэтому он измельчал, как-то выродился и в значительной степени потерял былую демократическую окраску» [23, с. 100]. В своих воспоминаниях П.Н. Милюков отмечал: «...говоря в общих чертах, мои взгляды были ближе к либеральному мировоззрению; но в области политической деятельности либерализм представлялся настолько неопределенным, колеблющимся и быстро отживающим течением, что отождествлять себя с ним было просто для меня невозможно. К тому же с самого начала меня отделяло от него более определенное отношение к социальным вопросам, где либерализм сталкивался с демократизмом. В России эти оттенки часто сливались ввиду элементарности политической жизни» [11, с. 232].

Немаловажное значение имел и образ либерала, созданный русской литературой, в основе которого лежали благодушие и мягкотелость, неверие в «темный народ», боязнь революции и вера в благоразумие сверху. Анализ дореволюционной кадетской публицистики позволяет сделать вывод о том, что те кадеты, которые в традициях эпохи противопоставляли «либерализм» и «демократизм», дистанцировались от первого понятия, а кто соединял их – признавали свой либерализм. В 1906 г. П.Б. Струве, характеризуя идейные основы кадетов, писал: «Наша партия *либеральная* (здесь и далее курсив авт. – А. Е.): она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для *всякой* личности и поэтому она *демократична*. И в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а, наоборот, утверждает в своей программе действительную, практическую идею *социализма*. В то же время она есть партия не классовая, а *национальная*» [Цит. по 2, с. 40].

Сами себя кадеты называли либо радикалами, либо конституционалистами. В то же время нельзя сказать, что они всячески открепивались от термина «либерализм». Некоторые из них в своих статьях признавали свою партию либеральной [21, с. 201]. Кроме того, называя себя радикалами, кадеты вольно или невольно признавали свой либеральный характер, поскольку в то время эти термины были взаимосвязаны. В энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона говорилось: «Иногда либерализм (или его крайняя форма, радикализм) идет на уступки демократизму или социализму... и сохраняет до некоторой степени свой прежний демократический характер» [25, с. 633]. Для современников и историков «уступки» кадетов идеалам социализма, выразившиеся в их идеологии и программатике, были очевидны.

Впервые кадеты признали себя либералами лишь в начале 1918 г., когда их партия уже была запрещена большевиками. По воспоминаниям члена ЦК ПНС Л.А. Кроля, на заседаниях ЦК по инициативе П.И. Новгородцева встал вопрос «что же мы, к.-д., за партия: либеральная или демократическая. П.И. Новгородцев доказывал, что английские либералы давно отошли от абсолютного принципа невмешательства государства в отношения между капиталом и трудом, что мы партия – либеральная и на этот путь мы должны твердо стать, стать партией с более широким диапазоном, наподобие английской либеральной партии» [5, с. 15]. Кроль увидел в этом новое, либеральное течение в кадетской партии, которое было своеобразной реакцией на большевистскую революцию.

Рассмотрим либеральную версию расстановки партийно-политических сил. Начиная с Первой российской революции кадеты делили все партии на два больших блока – правые (или правитель-

ственные) и демократические (или оппозиционные). Правые партии, по словам П.Н. Милюкова, «были созданы в значительной степени искусственно, при непосредственном воздействии правительства, которое и помогало им всячески на выборах» [13, с. 146]. Эти партии кадеты делили, в свою очередь, на две группы – правые конституционные и правые антиконституционные. Последние (Союз русского народа и т. п.) мало интересовали кадетов – для них это, по выражению А.А. Кизеветтера, «просто дикое мясо, выросшее на умирающем старом политическом порядке» [3, с. 4], которое нуждается в некрологе, а не в исследовании. К правым конституционным партиям кадеты относили Союз 17 октября, Торгово-промышленную партию и близкие к ним организации.

Союз 17 октября А.А. Кизеветтер определял как «*обывательский*» (курсив авт. – А.Е.) конституционализм» или «уравновешенный конституционализм», идейный капитал которого – «неоформленная смесь кое-каких новых конституционных понятий с обильным остатком чисто обывательского пристрастия к давно нагретой старой лежанке» [3, с. 11]. Октябристы хотят идти вровень с модой, с требованиями века, но чтобы это не влекло для них больших издержек и не затрагивало их коренных интересов. Конституционные принципы для них всего лишь требования хорошего политического тона, не подкрепленные стремлением установить подлинный демократический строй.

Одна из фраз А.А. Кизеветтера хорошо объясняет, почему кадеты не называли себя либералами: «Октябрист – либерал, но он не может быть демократом, поскольку демократы, не разделяя построений утопического социализма, стоят за социальные реформы, идущие вразрез с классовыми интересами командующих владельческих общественных групп» [3, с. 14]. Именно это противопоставление либерализма и демократии было характерно для кадетской публицистики. Как подчеркивал П.Н. Милюков, демократические партии поставили себе целью обслуживать интересы народных масс и защищать идеи нового государственного и общественного устройства. Именно с демократическими тенденциями кадетской партии он связывал ее большую роль в политической жизни дореволюционной России [13, с. 147]. В этой связи стоит обратить внимание на то, что В.И. Ленин всегда стремился доказать антидемократизм и либерализм кадетов, точно так же как кадеты подчеркивали антидемократизм и либерализм октябристов. Это наблюдение еще раз показывает, что в начале XX в. термин «либерализм» был одиозным для демократически настроенной общественности и являлся неприемлемым для той политической партии, которая стремилась опереться на широкие народные массы.

После Февральской революции А.А. Кизеветтер продолжал считать октябристов буржуазной партией, защищавшей классовые интересы «имущих классов», подчеркивая, что кадеты резко отмежевались от октябристов с первого дня их существования. Он не относил Союз 17 октября к оппозиции и сближал его с правыми: «Правые и октябристы стремились заглушить голос оппозиции и превратить народное представительство в чисто внешний придаток к бюрократическому правительственному механизму» [4, с. 25].

П.Н. Милюков также не относил октябристов к демократическим партиям, видя в них группу, искусственно созданную при участии правительства, чья сила заключалась только в поддержке еще более правых групп, которые тоже были искусственно созданы властями [12, с. 4]. Он подчеркивал, что кадеты и октябристы представляли два разных, порою враждебных, течения общественного мнения [14, с. 5].

Связывая термин «либерализм» с буржуазией, кадеты применяли его по отношению к октябристам и близким к ним политическим организациям. Так, В.А. Маклаков в своих дореволюционных статьях называл октябристов партией либеральной буржуазии [16, с. 248]. А.С. Изгоев, оценивая программу Партии правого порядка (ППП), писал, что «перед вами либеральная буржуазная партия, твердо стоящая на конституционной почве и способная смутить своим радикализмом кое-каких умеренных французских республиканцев». Однако, проанализировав деятельность ППП, кадетский публицист доказывал, что ее «либеральный костюм» всего лишь «маскарад» и «надувательство», под которым скрывается антисемитизм и «старый поношенный полицейский мундир» [1, с. 115–117].

Демократические (оппозиционные) партии кадеты делили на два течения: подпольно-революционное и легально-оппозиционное. Разница между ними, по словам А.А. Кизеветтера, в том, что подпольные борцы выступали «мятежниками против всего существующего порядка и стремились к его немедленному насильственному ниспровержению», а представители легальной оппозиции, «дорожившие прежде всего прививкой правовых идей общественному сознанию, наоборот, объявляли реакционную деятельность самого правительства незаконным мятежом против законных общественных прав». Смысл деятельности легальной оппозиции заключался в «проповеди и практическом отстаивании правовых начал непременно на открытой общественной арене» [20, с. 97].

В ноябре 1909 г. в докладе на конференции кадетской партии П.Н. Милюков отнес все политические партии к четырем течениям. Первое – это «демократический монархизм», к которому относились консервативные партии, главная цель которых – сохранение старого политического порядка. Термин «демократический» обозначал

стремление правых опереться на широкие крестьянские массы. Октябристов и близкие к ним группы он назвал «буржуазными конституционалистами», которые не имеют серьезной социальной опоры и поэтому вынуждены искать союза с бюрократией. Свою партию Милюков отнес к течению «демократического конституционализма», для которого характерно «соединение радикальной политической и радикальной социальной программ» [22, с. 240]. Главная цель этого течения – обновление России путем легальной конституционной борьбы, а основная социальная опора – городская демократия. Наконец, четвертое течение – левые партии, которые Милюков не стал подробно разбирать из-за их скромной роли в III Думе.

Таким образом, несмотря на небольшую разницу в терминологии П.Н. Милюкова и А.А. Кизеветтера, их общая позиция оставалась неизменной: на политической арене России боролись четыре группы партий, объединенные в два больших блока – правительственный (правый) и оппозиционный (левый). Эта позиция вполне соответствовала взглядам кадетов о противостоянии в дореволюционной России двух лагерей – власти и общества. Октябристы кадеты всегда относили к правым партиям, хотя и допускали тактические соглашения с ними. Термин «либерализм» кадеты по отношению к своей партии не использовали, а применяли его лишь к октябристам и близким к ним организациям, прежде всего за их буржуазный характер.

Октябристы в свою очередь делили все партии на три большие группы: левые, правые и партии центра посередине. Свою партию они ставили в центре, называя ее конституционно-монархической [18, с. 118]. К своим союзникам октябристы относили Торгово-промышленную партию, Партию правового порядка, Прогрессивно-экономическую партию и другие близкие организации. Кадетов они считали радикалами, относили к левому спектру, к оппозиции, но не смешивали с революционерами. А.И. Гучков называл кадетов буржуазно-радикальной партией [18, с. 160].

На расширенном заседании ЦК октябристов 30 ноября 1906 г. А.И. Гучков назвал кадетов «злейшими врагами обновления России» [17, с. 292]. Высказываний подобного рода можно немало найти в протоколах съездов и заседаний ЦК Союза 17 октября. Основные претензии октябристов к ПНС заключались в том, что кадеты стремились установить парламентский строй, при котором монарх лишится реальной власти, в национальном вопросе они допускали автономию, что могло привести к распаду России, в своей тактике были готовы пойти на союз с левыми партиями, от которых октябристы резко отмежевались. Нет никаких сомнений – октябристы ни в коей мере не относили себя к одному политическому лагерю с кадетами.

В среде октябристов термин «либерализм» также не пользовался популярностью и применялся по отношению к своей партии крайне редко. В агитационно-пропагандистской литературе октябристы, как, впрочем, и кадеты, подчеркивали демократизм и конституционализм своей партии. Лишь А.И. Гучков в своих речах иногда связывал октябризм с либерализмом [18, с. 174]. В то же время бывали случаи, когда на местах в 1905–1906 гг. возникали близкие к октябристам политические организации, использовавшие термин «либерализм» в своем названии: в Омске – Русский либеральный союз, в Перми – Конституционно-либеральная партия [24, с. 93, 126]. Обе они в дальнейшем примкнули к Союзу 17 октября. Позднее, в эмиграции, некоторые октябристы относили свою партию к умеренно-либеральным течениям общественной мысли [19, с. 21].

В 1905–1907 гг. социалисты имели свою версию расстановки партийно-политических сил. Ю.О. Мартов разделил все политические партии на четыре группы. На правом фланге – монархические партии (реакционно-консервативные). К партиям центра он отнес Союз 17 октября, Торгово-промышленную партию и другие политические группировки буржуазии. Среди левых партий он выделял две группы – либерально-демократические (кадеты, Партия демократических реформ) и революционные [9, с. 244]. Очевидно сходство классификации Мартова и Милюкова – у обоих два больших блока (правые и левые), а в них по две группы партий. Разница лишь в том, что для меньшевиков кадеты являются либералами, а для кадетов – октябристы.

Иначе классифицировал партии В.И. Ленин. Разница в подходах вытекала из того, что он классифицировал политические партии по классовому признаку, а Мартов – по отношению к самодержавию. Ленин видел в борьбе партий полное и оформленное выражение политической борьбы классов, а меньшевики – борьбу между разными классами современного общества за свои интересы. Поэтому Мартов объединял либералов и революционеров общим понятием «левые партии», поскольку в 1905–1907 гг. они сходились в своем неприятии существующего строя. Ленин же считал кадетов не либеральными демократами, а либерально-монархической партией. В феврале 1906 г. в проекте резолюций к Объединительному съезду РСДРП он поделил партии на реакционные, либерально-монархические и революционно-демократические. К правому крылу либерально-монархических партий Ленин отнес Союз 17 октября и близкие к нему организации. Все они представляли собой «классовые организации помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, явно контрреволюционные, но еще не заключившие сделки о дележе власти с самодержавной бюрократией». К либерально-монархическим партиям левого толка Ленин отнес кадетов и Пар-

тию демократических реформ, которые не были определенными классовыми организациями и постоянно колебались между «демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной, между стремлением опереться на народ и боязнью его революционной самодеятельности» [6, с. 232–233].

У социал-демократов различных оттенков либерализм кадетов не вызывал сомнений. Иное дело – октябристы. В.И. Ленин, с одной стороны, подчеркивал классовое сходство кадетов и октябристов, близость их друг с другом, а с другой – видел принципиальные различия, относя их к разным типам партий. По мере изменения политической ситуации Ленин называл октябристов то правыми либералами, то черносотенной партией, то помещал их между черносотенцами и либералами (кадетами).

В 1907 г. В. Меч (Мачинский) дал меньшевистское определение либерального движения: «Это – все те прогрессивные направления, которые, борясь с правовыми неравенствами и привилегиями феодального порядка, ограничиваются требованием лишь относительного, "буржуазного" равноправия, не доходя до признания полного общественного равенства, как равенства всех социальных, внеорганизационных условий человеческой борьбы за существование». Меч писал, что либерализм весьма многообразен и в нем возможны «очень многие типы политических стремлений». К умеренному, цензовому либерализму крупной буржуазии и части землевладельцев, выступавших за скромные конституционные политические реформы, он относил Партию правового порядка, Торгово-промышленную и Союз 17 октября. Особую разновидность цензового либерализма составлял славянофильский либерализм некоторых кругов поземельного дворянства, объединившихся в Партию правового порядка и частично в Союз 17 октября: «...это не буржуазный уже, но аристократический либерализм: он строит на своих субъективных и доброжелательных барских чувствах систему объективно-хищную и деспотичную» [10, с. 5, 12].

Другой тип либерализма Меч назвал буржуазно-интеллигентским, главная социальная опора которого – интеллигенция, для которой политическая свобода является «особенно ценной уже и сама по себе, как самоцель, как свобода его деятельности и общественного возвышения» [10, с. 14]. Поэтому политический либерализм этого типа отличается наибольшей непосредственностью и прочностью. Однако, подчеркивал Меч, политическая свобода для интеллигенции является очень умеренной с точки зрения широких народных масс. Поэтому демократизм буржуазно-интеллигентского либерализма является лишь относительным по сравнению с цензовым либерализмом. Выразителем данного типа либерализма является, естественно, кадетская партия. Между умеренным, цензовым

и буржуазно-интеллигентским либерализмом Меч расположил земский конституционализм, выражавший интересы передового землевладельческого дворянства и наиболее обеспеченной группы лиц свободных профессий.

Меньшевистские авторы, как и большевистские, неоднозначно относились к октябристам и близким к ним партиям, то признавая их либеральный характер, то нет. Этот вопрос был подробно рассмотрен в третьем томе «Общественное движение в России в начале XX века» в статье Ф.И. Дана и Н. Черванина (Ф.А. Липкина) о Союзе 17 октября. По их мнению, октябристы, зародившиеся в земско-дворянской среде, вели свое начало от консервативного меньшинства ноябрьского земского съезда 1904 г. После Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в «октябризм» хлынули элементы, «сгруппированные под руководством бюрократии в различные "партии порядка", задача которых – борьба с революционным движением» [15, с. 161]. В то же время в партии октябристов в первое время имелось и либеральное течение, желавшее сочетать поддержку правительства с отстаиванием либеральной программы (Д.Н. Шипов, П.А. Гейден). Но постепенно оно ослабевало: «Умеренный либерализм программы Союза стушеввался перед готовностью активно поддерживать контрреволюцию в ее истребительной войне против народных масс» [15, с. 179]. Летом 1906 г. Шипов, Гейден и их сторонники вышли из Союза 17 октября из-за несогласия с поддержкой А.И. Гуквым репрессивных мер П.А. Столыпина и образовали Партию мирного обновления. После их ухода октябристы окончательно утратили свой либерализм. Сдвиг октябристов вправо Н. Череванин объяснял реакционными настроениями в земстве в 1906–1907 гг., приведя цифровые данные изменения состава председателей земских управ в ходе выборов гласных 1906–1907 гг., из чего сделал вывод, что «новая тактика октябристов получила признание и санкцию со стороны земства» [15, с. 208].

Дальнейшая эволюция октябристов все более превращала их в правительственную партию, поскольку, по мнению меньшевиков, они «гораздо более соответствуют настроению бюрократии, чем крайне правые, т.к. революционная гидра еще как будто не вполне раздавлена, и бюрократии поэтому невыгодно еще становиться на почву ликвидации обещаний Манифеста 17 октября. Позиция октябристов, объявляющая революцию единственным препятствием для установления обновленного строя, чрезвычайно выгодна в данный момент бюрократии, обеспечивая ей при водворении "порядка" сочувствие даже умеренно-конституционных элементов имущих классов». Одобрение октябристами роспуска II Государственной думы завершило их слияние с бюрократией – с этого момента октябристы «теряют свое лицо, сливаются в одну общую реакционную массу с

правыми» [15, с. 223]. Так в итоге меньшевики отлучили октябристов от либерализма.

В отличие от социал-демократов социалисты-революционеры не ставили знак равенства между понятиями «буржуазия» и «либерализм», считая, что со времен Великих реформ буржуазия и власть связаны прочными узами, а значит, политическое освобождение страны – дело русской интеллигенции и рабочего класса. Интеллигенция, по теории эсеров, была внеклассовой политической силой, подразделявшейся на «трудовую», социалистическую, и «нетрудовую», либеральную. Последней отводилась роль носительницы идей либерализма. Эсеры считали российский либерализм внеклассовым, чисто интеллигентским течением, который в какой-то мере отстаивал чисто народные интересы, а с другой стороны, был связан с интересами русской буржуазии. Либерализму отводилось промежуточное место между «рабочим классом» и лагерем контрреволюции, куда включали землевладельцев, буржуазию и чиновничье-бюрократический аппарат [7, с. 101].

Собственно либеральными эсеры считали партию кадетов и близкие к ней организации. Союз 17 октября они не считали ни интеллигентским, ни либеральным политическим течением, относя его к помещичье-буржуазным, антинародным организациям. В отличие от социал-демократов разных оттенков эсеры не видели каких-либо принципиальных отличий между октябристами и правыми консервативными партиями, считая тех и других оплотом самодержавно-полицейского строя.

В основе консервативного взгляда на либерализм лежала системообразующая идея о том, что либерализм как порождение западной цивилизации несвойствен историческим реалиям России, идущей своим путем. Либеральные идеи, пересаженные на российскую почву, оказались догматическими и отвлеченными, их усвоили оторванные от народа чиновники и интеллигенция, взявшие курс на борьбу с исторической властью (монархией). Правая публицистика применяла термин «либерализм» к С.Ю. Витте как автору Манифеста 17 октября 1905 г., чиновникам, выступавшим за кардинальные реформы, октябристам, но не к кадетам, которые рассматривались как радикальная революционная партия. Впрочем, говорить о какой-либо сложившейся системе взглядов консерваторов на либеральные политические партии не приходится.

Таким образом, в общественной мысли России начала XX в. не наблюдалось единства по проблеме идентификации либеральных политических партий. Кадеты дистанцировались от термина «либерализм», социал-демократы связывали его с буржуазией, для консерваторов он обозначал ненавистное им западное влияние «антирусских сил». Отсутствие консенсуса по данному вопросу

лишний раз подтверждает неприятие значительной частью российского социума либеральных ценностей, что исключало для страны саму возможность развития по реформаторскому пути.

Список литературы

1. Изгоев А.С. Маскарад старой России // Без заглавия. – 1906. – № 4. – С. 113–117.
2. Изгоев А.С. Наши политические партии. – Пг., 1917.
3. Кизеветтер А.А. Консерватизм и наши «правые» партии // Свобода и культура. – 1906. – № 1. – С. 3–16.
4. Кизеветтер А.А. П.Н. Милюков. – М., 1917.
5. Кроль Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). – Владивосток, 1921.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 12.
7. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М., 1997.
8. Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. – Париж, 1929. – Т. 38. – С. 276–314.
9. Мартов Ю.О. Избранное. – М., 2000.
10. Меч В. Либеральная и демократическая буржуазия // Борьба общественных сил в русской революции. Вып. IV. – М., 1907.
11. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М., 1990. – Т. 1.
12. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.
13. Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. – 1993. – № 1. – С. 145–182.
14. Милюков П.Н. Три попытки (К истории русского лжеконституционализма). – Париж, 1921.
15. Общественное движение в России в начале XX века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб., 1914. – Т. 3. – Кн. 5.
16. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2002.
17. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. / сост. Д.Б. Павлов. – М., 1996. – Т. 1.
18. Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика) / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. – М., 1996.
19. Савич Н.В. Воспоминания. – СПб.; Дюссельдорф, 1993.
20. Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. / под ред. Д.И. Шаховского. – М., 1911.
21. Струве П.Б. Рабочие и конституционно-демократическая партия // Вестн. Партии народной свободы. – 1906. – № 4. – С. 200–204.
22. Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2000. – Т. 2.
23. Тхоржевский С. К обоснованию программы Партии народной свободы // Вестн. Партии народной свободы. – 1918. – № 4.
24. Шевцов А.В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века: библиограф. указ. – СПб., 2002.
25. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1896. – Т. XVII.

О. А. Патрикеева

Женские организации России начала XX в.: борьба за политическое равноправие*

В статье рассматривается появление первых женских организаций в России в начале XX столетия, их драматическая борьба за политическое равноправие. Особое внимание уделяется дебатам в I Государственной думе России по «женскому вопросу». Статья написана на основе новых архивных документов, материалов периодической печати того времени.

The present article deals with the appearance of the first woman's organizations in Russia in the beginning of the twentieth century, their dramatic struggle for the equal political rights. The article pays serious consideration to the parliamentary debates around the «women's question». The article is written mainly on the basis of the new archival documents, periodical press of the beginning of the twentieth century.

Ключевые слова: женские организации России, «женский вопрос» в России, I Государственная дума Российской империи, борьба за равноправие женщин.

Key words: the woman's organizations in Russia, the «women's question» in Russia, the First State Duma of the Russian Empire, the struggle for the equal rights.

Первые работы по истории российского женского движения были написаны западными исследователями [22; 23]. В СССР до начала перестройки научный интерес к проблемам феминизма практически отсутствовал, поскольку с позиций марксистско-ленинской идеологии освобождение женщин происходило автоматически со сменой капиталистического строя социалистическим. Вследствие этого в нашей стране, в отличие от Запада, «женский вопрос» долгое время не рассматривался в качестве серьезной научной проблемы. Однако с 90-х гг. XX в. отечественные исследователи все чаще обращаются к этой теме [13; 20; 21].

Наиболее заметными женскими организациями в России к началу XX в. были Русское женское взаимно-благотворительное общество, возникшее еще в 1895 г., «Союз равноправности женщин» (СРЖ), созданный в феврале 1905 г., и Женская прогрессивная партия, организованная в декабре 1905 г. «Прежняя индивидуальная

© Патрикеева О. А., 2013

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках выполнения работ по Соглашению № 14.В37.21.0952, от 26.10.12 по теме: «Российская общественность и власть в начале XX в.: реакция на революционный террор».

проповедь женского равноправия сменяется теперь организованным женским движением, облекающимся в форму союзов, лиг, клубов и других коллективных предприятий», – отмечали современники [8, с. 180].

Русское женское взаимно-благотворительное общество решало в основном проблемы улучшения быта женщин, занимаясь политической деятельностью лишь попутно и эпизодически. Участие членов взаимно-благотворительного общества в кампании за избирательные права женщин сводилось в основном к подаче соответствующих петиций в Совет министров и Государственную думу и сбору подписей под ними. «Союз равноправности женщин» и Женская прогрессивная партия с момента своего основания заявили, что являются политическими организациями, ставящими перед собой задачу завоевания женщинами избирательных прав. Наиболее политизированные члены СРЖ сразу же предложили «не тратить сил на столовые, помощь голодающим, заключенным, безработным и т. д.», т. е. отказаться от традиционной женской благотворительности, а «беречь силы и тратить их на агитацию за женские права ввиду важности текущего момента» [18, с. 16].

Программа Союза исходила из либерального тезиса о том, что женщины, как и мужчины, – разумные и самостоятельные личности, поэтому им должны быть предоставлены полные и равные политические права. Причем СРЖ требовал политических прав не просто из соображений абстрактной справедливости, а рассматривал право голоса как реальный способ улучшения жизни женщин, поскольку, по мнению его членов, как только будет достигнуто политическое и юридическое равенство, максимальное использование предоставленных возможностей станет личным делом каждой женщины [16, с. 343].

В Женской прогрессивной партии объединились сторонницы особых прав женщин. В отличие от СРЖ эта партия проводила идею различия между полами. По мнению лидера партии М.И. Покровской, женщины определяют власть и пользуются ею иначе, чем мужчины. Специфические качества прекрасной половины человечества, прежде всего моральное превосходство над мужчинами, должно обеспечивать ей право голоса. Женщины – потенциальные спасительницы нации, и политические права им необходимы для реформирования и оздоровления страны [15, с. 27].

Таким образом, «Союз равноправности женщин», будучи типичной либерально-феминистской организацией, объяснял униженное положение российских женщин исключительно наличием «плохого законодательства». Представительницы Женской прогрессивной партии с позиций радикального феминизма видели причину в наличии «плохих мужчин».

Все эти женские организации действовали достаточно изолированно друг от друга. Первая попытка объединить российских женщин под флагом Русского взаимно-благотворительного общества была предпринята его председателем А.Н. Шабановой еще в 1902 г. Тогда Шабанова обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой разрешить проведение первого женского съезда. Окончательный ответ чиновников министерства был получен только три года спустя. Съезд «русских деятельниц по благотворению и просвещению» разрешался лишь при условии предварительной полицейской цензуры всех подготовленных докладов. От идеи проведения съезда пришлось отказаться.

Вторая попытка объединения была сделана в 1906 г. Инициативу А.Н. Шабановой поддержал «Союз равноправности женщин». Начались новые изматывающие переговоры с правительством. По настоянию Департамента полиции из повестки дня съезда были изъяты наиболее «опасные» пункты: о борьбе за политические и гражданские права женщин в России и за границей и об организации Всероссийского женского совета. Рекомендовалось обсуждать лишь вопросы образования, культуры, охраны здоровья. И вновь созыв съезда был отложен.

Одновременно женщины пытались наладить связи с прогрессивной российской общественностью. Русские либералы впервые столкнулись с так называемым женским вопросом в апреле 1905 г. на съезде земских и городских деятелей, в адрес которого бюро СРЖ направило петицию о включении женщин в число равноправных граждан. Съезд принял заявление «к сведению», но обсуждать его не стал.

Еще более настойчиво требование женщин прозвучало на следующем земском съезде в июле того же года. Тогда на политическом уравнивании полов настаивали 16 отделений СРЖ. Однако и на этот раз съезд признал предоставление женщинам политических прав преждевременным: решение вопроса – дело будущего народного представительства. С подобными заявлениями в губернские земские и городские собрания обращались женщины Петербурга, Москвы, Саратова, Харькова, Киева, Херсона, Вятки. Эти страстные призывы, однако, в основном оставались без ответа. Как отмечала пресса, отношение большинства земств к вновь возникшему вопросу было «или враждебное, или юмористическое» [12, с. 165].

Осенью 1905 г. русские женщины одержали свою первую победу. На сентябрьском съезде земских и городских деятелей, где рассматривался проект «Основного государственного закона», разработанный С.А. Муромцевым, было решено внести в него избирательное право женщин, правда, пока только пассивное, с указанием, что предоставление активного избирательного права – дело

будущего. Поправку о предоставлении женщинам активного права голоса принял ноябрьский земский съезд.

Ожесточенные споры о включении в программу требования избирательных прав женщин разгорелись на I съезде Конституционно-демократической партии в Москве в октябре 1905 г. Убеденным противником женских избирательных прав выступил П.Н. Милюков. Свою позицию лидер кадетов объяснял тем, что программа партии и без того перегружена и «груз может пойти ко дну», что вопрос о женских избирательных правах не слишком актуален и что гораздо более принципиальные вопросы, например, желательная для России форма правления, обойдены или затушеваны в программных формулировках [11, с. 313–314].

Вопрос о включении в партийную программу пункта о женском политическом равноправии был поставлен на голосование съезда. С небольшим перевесом в голосах победили противники П.Н. Милюкова. Павлу Николаевичу удалось отстоять лишь примечание к этому пункту программы, разрешавшее членам партии свободно голосовать по вопросу об избирательных правах женщин.

Противостояние сторонников и противников женского равноправия продолжилось и на II съезде Конституционно-демократической партии в январе 1906 г. П.Н. Милюкова поддержали делегаты от мусульман Российской империи. От их имени татарин Юсуф Акчурин заявил, что женщины-мусульманки не желают равноправия с мужчинами, поскольку это запрещено обычаями ислама. Если конституционные демократы внесут в свою программу требование избирательных прав для женщин, тринадцать миллионов российских мусульман не отдадут им своих голосов на выборах в Думу. Ю. Акчурину резко возражала талантливая журналистка А.В. Тыркова. В своей страстной речи она говорила о том, что нельзя русских женщин «равнять по мусульманкам», надо сделать как раз наоборот: «прояснить сознание мусульман», поднять их женщин до уровня русских женщин, а не тащить последних вниз. «В России до Манифеста 17 октября мужчины и женщины равно не имели политических прав, – заявила она. – Мы вместе мечтали о свободе, о правах и обязанностях гражданина, вместе их добивались. Как же теперь, на полдороге, выбросить женщин из длинного списка прав для всех?» [19, с. 381–382]. В итоге было найдено компромиссное решение: включить в программу требование избирательных прав женщин без всяких оговорок, а для мусульманок разработать «специальную выборную технику» [17, с. 158].

Отношение женских организаций к предстоящим выборам в Думу было неоднозначным. Ни Булыгинская дума, ни Высочайший манифест от 17 октября 1905 г., ни Указ о выборах от 11 декабря 1905 г. не оправдали надежд на включение женщин в списки изби-

рателей. Обиженные активистки взаимно благотворительного общества приняли решение бойкотировать предстоящие парламентские выборы. За бойкот Государственной думы проголосовало также большинство делегатов 2-го съезда СРЖ, состоявшегося в октябре 1905 г. Тем не менее многие местные отделения Союза решили принять участие в думской предвыборной кампании «в целях общего поднятия политического сознания народа и агитации женского вопроса» [18, с. 5].

Основную помощь в избирательной кампании СРЖ оказывал кадетам как единственной из участвующих в выборах партии, включившей в свою программу требование женского политического равноправия. Более умеренные партии либо обходили этот вопрос молчанием, либо выступали за присутствие женщин лишь в органах местного самоуправления. Левые партии, как известно, думские выборы бойкотировали.

После победы конституционных демократов на выборах в I Государственную думу женские политические организации решили «пользоваться отчасти этой партией» для проведения в парламенте вопроса о равноправии полов [18, с. 3]. Центральное бюро СРЖ подобрало специальную литературу по женскому вопросу для кадетской фракции в Государственной думе. Активистка Союза Л.Я. Гуревич составила для депутатов пространную записку с изложением основных аргументов в пользу политического равноправия женщин. По мнению современниц, именно благодаря деятельности СРЖ вопрос равноправия полов был «выдвинут во всей его широте первой Думой» [1, с. 147].

В мае 1906 г. в Государственной думе дважды поднимался вопрос о предоставлении избирательных прав женщинам: 2 мая 1906 г. при обсуждении ответного адреса на тронную речь Николая II и 15 мая при рассмотрении законопроекта о равноправии всех российских граждан.

Ответный адрес Думы был составлен специальной комиссией, в которую входили в основном депутаты от Конституционно-демократической партии. Комиссия представила его в следующей редакции: «...Государственная дума со своей стороны приложит усилия к усовершенствованию начал народного представительства и внесет на утверждение Вашего Величества закон о народном представительстве, основанный, согласно единодушно проявляющейся воле народа, на началах всеобщего избирательного права» [6, с. 5–6].

Левые депутаты потребовали включения в адрес всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права без различия пола, национальности, вероисповедания. За обязательное упоминание в адресе равных политических прав для женщин высказались депута-

ты-трудовики, их поддержали кадет А.С. Ломшаков и социал-демократ Г.А. Алексинский [6, с. 7, 10–12].

Депутаты от правых партий, напротив, считали, что с вопросом о предоставлении избирательных прав женщинам необходимо повременить. Как заявил октябрист граф П.А. Гейден, надо сначала самим мужчинам привыкнуть к парламентской деятельности [6, с. 18]. Мнение основной массы российского крестьянства выразил депутат от Воронежской губернии Кругликов: «Женщины у нас не для избирательного права. Женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой» [6, с. 17]. Сторонники предоставления равных прав женщинам оказались в явном меньшинстве.

Реакция общественности на думский адрес была мгновенной и бурной. Уже 5 мая в Петербурге в Соляном городке состоялся многолюдный женский митинг. Выступавшая перед собравшимися М.И. Покровская обрушилась с резкой критикой на кадетских депутатов Государственной думы, обошедших молчанием в Ответном адресе на тронную речь вопрос о женском равноправии. М.И. Покровская призвала женщин выйти из рядов Конституционно-демократической партии, если последняя не проведет в Думе закон о политическом равноправии женщин [14, с. 154].

Гораздо более радикально проблема всеобщего избирательного права решалась в проекте закона о гражданском равенстве, предложенном на рассмотрение Государственной думы 15 мая 1906 г. Проект был плодом творчества исключительно кадетской фракции, и в нем отразилась партийная точка зрения на этот важнейший для страны вопрос. Сущность предложенного закона сводилась к утверждению: все граждане обоего пола равны перед законом. Чтобы реально воплотить этот тезис в жизнь, предлагалось коренным образом изменить существующие законы. Однако поскольку гражданское неравенство слишком глубоко проникло во все части российского законодательства и охватило все сферы жизни общества, устранить его изданием единого законодательного акта представлялось невозможным. Необходимо было разработать по меньшей мере три пакета законов. Во-первых, уничтожить неравенство сословий. Во-вторых, устранить национальные и религиозные ограничения. И, наконец, уравнивать женщин в правах с мужчинами, в том числе и в области выборного законодательства [2, с. 1006–1008].

Авторы проекта просили признать свое предложение «спешным» и немедленно избрать думскую комиссию из 33 человек для работы над законом. Предложенный проект обсуждался на заседаниях Государственной думы 5, 6 и 8 июня. Вновь жаркие споры вызвал вопрос о политическом равноправии женщин, против которого

высказывались не только правые депутаты, но и политики, считавшие себя либералами. Так, лидер Партии демократических реформ профессор М.М. Ковалевский заявил, что равные права предполагают и равные обязанности, а поскольку женщины не несут воинскую повинность, они не могут рассчитывать на уравнивание в правах. М.М. Ковалевского поддержал П.А. Гейден, призвавший повременить с женским равноправием, поскольку для его введения понадобится переработать все российское законодательство [2, с. 1050].

Наиболее смело и последовательно отстаивал интересы женщин член ЦК Партии народной свободы профессор Л.И. Петражицкий. «Главный и кажущийся наиболее радикальным пункт нашей программы – предоставление женщинам избирательных прав в области местного самоуправления и народного представительства, – отметил он. – Это такой пункт, что защищать его ввиду распространенных предрассудков, значит жертвовать репутацией серьезного политика и даже подвергаться насмешкам». Л.И. Петражицкий особенно подчеркивал моральный аспект этого вопроса. Предоставление женщинам политических прав, по его мнению, стало бы могучим средством заставить людей преодолеть «эгоистическую узость интересов» и подняться на более высокую ступень «радения об общем благе» [2, с. 1060–1061].

12 июня 1906 г. была образована думская «комиссия 33-х». Состав новоиспеченного органа очень беспокоил участниц женского движения, опасавшихся, что депутаты попросту «похоронят» закон, столь необходимый русским женщинам. «Весь наш вопрос теперь в комиссии равноправия. Вы знаете ее состав. Он для нас мало благоприятен, – писала в московское отделение СРЖ одна из столичных активисток Союза Л.Н. Рутцен. – Правая часть комиссии желает по примеру земских съездов сперва выделить наш вопрос, а затем отложить его» [4. Л. 221].

Опасения женщин усиливала некомпетентность комиссии: среди ее членов было немного людей, способных к тонкой и кропотливой законотворческой деятельности. Поэтому, когда по инициативе Л.И. Петражицкого Государственная дума обратилась к СРЖ за помощью в разработке законопроекта о женском равноправии, справедливо полагая, что никто не знает потребности и стремления женщин лучше них самих, Союз откликнулся на предложение с большим энтузиазмом, постановив образовать для этой работы особую юридическую комиссию. От «Союза равноправности женщин» в нее вошли три представительницы петербургского отделения: Е.Н. Щепкина, Л.Я. Гуревич и О.Н. Клирикова. Им в помощь были даны несколько профессиональных юристов – В.В. Исаченко, Я.Г. Фрумкин и И.Ф. Ставрович. Всей работой руководил Л.И. Петражицкий – председатель особой думской подкомиссии по вопросу о

равноправии женщин. Подкомиссия стала составной частью «комиссии 33-х», которой Государственная дума поручила разработку проекта закона о равноправии сословий, национальностей и полов. Практически вся работа по законопроекту о правах женщин была проделана силами и средствами СРЖ, однако в интересах дела члены Союза решили сохранить этот факт в тайне: «Мы должны щадить душевные настроения членов Государственной думы, которым придется взять готовую работу и выдать ее из подкомиссии по равноправию за свою собственную» [4. Л. 1].

Результатом этой работы стал объемный пакет документов, куда вошел проект закона о женском равноправии, содержащий общие положения о правах женщин. Особое место в нем занимало требование активного и пассивного избирательного права для женщин во всех установленных законом выборах – от местных до общегосударственных. Как отмечалось в проекте, «избирательные права являются основными в деле уравнивания женщин, без них все остальные права будут непрочны и могут быть взяты обратно» [9, с. 4]. Текст законопроекта дополняли конкретные изменения в действующие законодательные акты, устраняющие неравноправное положение женщин в различных сферах государственной и общественной жизни. В общей сложности было внесено 199 поправок в 35 уставов и положений российского законодательства. Вся работа была проделана в рекордные сроки, менее чем за месяц, и 7 июля 1906 г. законопроект передали в Государственную думу. Его авторы выражали надежду, что предлагаемые документы послужат «канвой для дальнейшей разработки чрезвычайно важного, запутанного и сложного вопроса о женском равноправии» [5, с. 375]. Однако, как известно, на следующий день последовал роспуск I Государственной думы, и задача комиссии о равноправии осталась невыполненной.

Никогда больше за все время существования дореволюционной Государственной думы вопрос о женском политическом равноправии столь широко не обсуждался в ее стенах. Арест и суд над членами кадетской фракции, подписавшими известный Выборгский манифест, преградил путь в Думу наиболее активным ее участникам и среди них искренним защитникам интересов женщин, таким как Л.И. Петражицкий. В рядах партии не нашлось больше смельчаков, готовых рискнуть своей политической репутацией ради «сомнительного дела» – защиты политических прав женщин. Попытки активисток СРЖ убедить конституционных демократов вновь инициировать вопрос об избирательных правах женщин во II Государственной думе успеха не имели.

Со второй половины 1906 г. в движении за политические права женщин наступил глубокий кризис, преодолеть который в дореволюционный период так и не удалось. Неудачными оказались попыт-

ки русских феминисток наладить связи с международным женским движением. В июле-августе 1906 г. несколько активисток СРЖ приняли участие в Конгрессе Международного союза избирательных прав женщин. Однако плодотворному сотрудничеству с женскими организациями других государств мешало отсутствие в женском движении России единого руководящего центра.

Остались без ответа и призывы феминисток к объединению всех российских женщин независимо от их социального происхождения. Попытки сплотить так называемых буржуазок и пролетарок в едином движении за право голоса натолкнулись на категорический отпор социал-демократов, считавших, что освобождение женщин возможно лишь с изменением социально-экономического строя. Особенно резким нападкам феминистки подверглись со стороны А.М. Коллонтай. «Она была ловким митинговым оратором, – вспоминала А.В. Тыркова, – без своих самостоятельных мыслей, но с большим запасом готовых марксистских истин и изречений, которыми она умело пользовалась» [19, с. 501]. Вслед за известной представительницей германской социал-демократии К. Цеткин А.М. Коллонтай энергично выступала против «мелочного, эгоистичного буржуазного женского движения», требуя заменить его классовой пролетарской солидарностью мужчин и женщин. По мнению А.М. Коллонтай, для женщин-«буржуазок» политическое равноправие – средство разделить с мужчинами своего класса выпавшие на долю последних классовые привилегии и жизненные блага, вернейший способ закрепить за собой преимущества, достоящиеся одним мужчинам буржуазного класса. Если для «пролетарок» политические права – лишь орудие борьбы с существующим капиталистическим строем, то для «буржуазок», наоборот, они являются новым способом утвердить свое классовое господство. Женщина-«пролетарка» будет угнетаться политически свободной буржуазной женщиной так же, как угнетается политически свободный пролетарий политически свободным буржуа [10, с. 241].

Напрасно русские феминистки пытались доказать, что избирательное право не является конечной целью их движения, что оно – только ближайшая задача. Главная же цель, по их убеждению, заключается в том, чтобы при участии женщин в общественной и государственной жизни внести справедливость в человеческие отношения, что одинаково важно для всех женщин, богатых и бедных, без исключения. «Разве птица, сидящая в золотой клетке, счастливее свободной?» – задавали они вопрос [7, с. 3]. Но Коллонтай была непреклонна: классовый антагонизм, разделяющий «буржуазок» и «пролетарок», с особенной силой скажется именно тогда, когда женщины добьются права голоса [10, с. 243].

А.М. Коллонтай резко критиковала «Союз равноправности» за сотрудничество с кадетской фракцией в Государственной думе: по ее мнению, «равноправкам» надлежало искать поддержки у рабочих-депутатов [10, с. 317]. Еще сильнее доставалось от нее членам Женской прогрессивной партии за их решение «держаться строго легальной почвы» в борьбе за права женщин: «Даже в период относительной свободы, когда собрания сплошь и рядом организовывались явочным порядком, "прогрессистки" бегали за разрешением в градоначальство и настаивали на присутствии во время их заседаний чинов полиции» [10, с. 335]. Женское взаимоблаготворительное общество она вовсе не воспринимала всерьез, презрительно называя его «организацией с ярко выраженной дамской физиономией» [10, с. 340]. «К какой из этих организаций может "пролетарка" подойти с доверием?, – спрашивала Коллонтай. – Ни одна из перечисленных организаций буржуазных женщин не в силах ответить на насущные запросы работниц» [10, с. 341]. Что бы ни говорили феминистки, считала она, классовый инстинкт всегда оказывается могущественнее благих порывов в области внеклассовой политики, а потому общий фронт «пролетарок» с буржуазными феминистками невозможен.

Передовые россиянки все больше осознавали тщетность своих усилий получить права легальным парламентским путем. Репрессивная политика властей усугубляла ситуацию. Запрет на создание Всероссийского женского совета привел к «отсутствию общих руководящих начал и невозможности пользоваться полезными примерами деятельности женских международных обществ». Закрытие полицией ряда провинциальных отделений СРЖ, арест некоторых наиболее активных его членов привели к тому, что одни женщины вообще отошли от активной деятельности, другие занялись вопросами благотворительности. Наиболее непримиримые активистки движения пополнили ряды крайних социалистических партий, становясь на революционно-террористический путь борьбы за свои права.

Список литературы

1. Волькенштейн О.А. Итоги первого Всероссийского женского съезда // Рус. мысль. 1909. Кн. 2. – С. 146–153.
2. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. 2. – СПб., 1906.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 516. Оп. 1. Д. 18. Письма к М.А. Чеховой. 1905–1910 гг.
4. ГАРФ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Юридическая комиссия Центрального бюро «Союза равноправности женщин».
5. Гуревич Л.Я. Проект законоположений о женском равноправии // Первый женский календарь на 1907 год. – СПб., 1906. С. 374–379.

6. Женский вопрос в Государственной думе. (Из стенографических отчетов о заседаниях в Гос. думе). – СПб., 1906.
7. Кальманович А.А. Конечная цель женского движения // Союз женщин. – 1908. – № 9. – С. 2–6.
8. Кизеветтер А.А. Женское дело // Русская мысль. 1910. Кн. 6. – С. 180–182.
9. Клирикова О.Н. Законопроект о равноправии женщин // Союз женщин. – СПб., 1907. – № 1. – С. 3–5.
10. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. – СПб., 1909.
11. Милюков П.Н. Воспоминания. – Т. 1. – М., 1990.
12. Минович Н. [Иванова З.С.] Съезды земских и городских деятелей и вопрос об избирательных правах женщин // Рус. мысль. – 1905. – № 12. – С. 164–171.
13. Патрикеева О.А. Русские либералы и русские феминистки: неудавшийся роман // Материалы Всерос. науч. конф. – СПб., 2003. – С. 144–153.
14. [Покровская М.И.] Женский митинг // Женский вестн. – 1906. – № 5. – С. 154.
15. Программа Женской прогрессивной партии // Женский вестн. – 1906. – № 1. – С. 27–28.
16. Союз равноправности женщин // Женский вестн. – 1905. – № 11. – С. 343–344.
17. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 1. – М., 1997.
18. Равноправие женщин. Отчеты и протоколы 1906 г. – СПб., 1906.
19. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе: Воспоминания. – М., 1998.
20. Шведова Н.А. Дочери или падчерицы России // Политические исслед. – М., 2002. – № 2. – С. 159–183.
21. Юкина И.И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: Материалы к библиографии. – СПб., 2003.
22. Edmondson L.H. Feminism in Russia. 1900–1917. – Stanford, 1984.
23. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930. – Princeton, 1978.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37.018.17(05)(47)«18»

О. Ю. Солодянкина

Американская гувернантка семьи Кавос-Бенуа

В статье рассказано о редком персонаже в системе домашнего образования в дореволюционной России – американской гувернантке семьи Ц.А. Кавоса. На фоне достаточно распространенных в России французских, швейцарских, немецких и британских гувернанток эта американка была исключительным явлением. Среди ее учеников – известнейший художник и организатор в области искусства А.Н. Бенуа.

The article is devoted to the rare character in the system of home education in pre-revolutionary Russia – to the American governess of Cavos family. Foreign governesses, especially French, Swiss, German and British ones, were rather popular at that time. But American governess was very rare phenomenon. Among her pupils was A.N. Benois, the famous artist and manager in the field of art.

Ключевые слова: история образования, домашнее образование, русско-американские культурные связи.

Key words: history of education, home education, Russian-American cultural relations.

В дореволюционной России домашнее воспитание детей не было редкостью в семьях деятелей искусства; не являлась исключением и знаменитая семья Кавос-Бенуа-Лансере. Многочисленные представители этой семьи, для которых Россия стала новым домом, внесли значительный вклад в развитие архитектуры, живописи, музыки, театра и других областей культуры [1; 3; 5; 8; 9]. Иностранные гувернеры и гувернантки поколение за поколением учили детей в этом доме, прививая им хорошие манеры и знание иностранных языков, что для представителей этой семьи как носителей нерусских фамилий было просто предписано. Однако в традиционной схеме воспитания с использованием иностранных наставников и учителей здесь имело место редкое исключение: английскому языку

юных Инну и Марию Кавос¹, а также их кузена Александра Бенуа² учила американка, миссис Кэв.

Обычно главным иностранным языком в России считался французский, и в качестве гувернанток в русские семьи брали француженок или швейцарок. Немки также встречались достаточно часто, но британские гувернантки (в силу значительно меньшей распространенности английского языка и большей платы за их услуги) были редки [4, с. 74–77]. Представительницы других европейских стран (шведки, итальянки etc) практически не трудились гувернантками в силу не востребованности их языков и некоторого сомнения в наличии необходимых для воспитания качеств – в частности, должных манер [7]. На этом фоне присутствие американской гувернантки в семье Ц.А. Кавоса является совершенно исключительным фактом. Итак, как же попала в семью Кавос американка, и какие качества отличали ее как гувернантку?

Главным источником информации о личности и деятельности миссис Кэв служат воспоминания одного из ее учеников, Александра Бенуа [2].

Миссис Кэв относилась к наиболее котирующейся и высокооплачиваемой категории гувернанток – она была вдовой, благодаря чему, собственно, и оказалась в России. Американка из Бостона, как сообщает А. Бенуа, «попала она в Европу <...> при весьма странных и романтических обстоятельствах. Ее муж, англичанин, но родом из России, скончался в молодых годах и перед смертью высказал пожелание быть похороненным на родине. Исполнение такой воли было в сущности невыполнимо, но сознание своего вдовьего долга помогло миссис Кэв добиться своего и, истратив на подкуп нескольких лиц из пароходной прислуги массу денег, она сумела таки перевезти труп через океан в качестве своего багажа» [2, с. 145]. Для посвятивших свою жизнь искусству членов семьи архитектора Кавоса «это плавание через море в обществе покойника придавало миссис Кэв <...> романтический ореол» [2, с. 145]. Однако все средства отнюдь не старой еще вдовы ушли на выполнение воли покойного мужа, и в Петербурге она осталась без средств к существованию. Традиционно иностранцы в России рассчитывали на помощь земляков; не была исключением и миссис Кэв. Ее поддержал британец Мэттью Эдвардс, ранее трудившийся гувернером в семье Бенуа, а затем женившийся на старшей сестре Александра Бенуа Камилле. Благодаря рекомендации М. Эдвардса миссис Кэв

¹ Дочери Цезаря Альбертовича Кавоса (1824–1883), известного архитектора, учредителя Общества российских архитекторов.

² Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

получила работу гувернантки в семье овдовевшего архитектора Цезаря (Сезара) Кавоса, где она занималась воспитанием двух девочек, Инны и Марии. Порукой высоких моральных качеств гувернантки служила ее фанатическая преданность католической церкви, но жившая в России семья Кавосов, свободолюбивых выходцев из Венеции, не была католической, поэтому одним из главных условий к гувернантке было требование, «чтобы она отнюдь не пыталась воздействовать на религиозные взгляды порученных ее воспитанию девушек» [2, с. 145], православных в соответствии с волей матери.

Миссис Кэв, начав свою карьеру гувернантки, обладала традиционным набором качеств – как внешних, так и внутренних, присущих иностранным воспитательницам: «дама она была уже немолодая, некрасивая, с горбатым «римским» носом, выдержки образцовой и в то же время очень сердечная» [2, с. 145]. Многочисленные факты свидетельствуют, что иностранные гувернантки, как правило, были немолодыми и некрасивыми [6, с. 87–90]. Что касается характера, то вначале иностранные гувернантки отличались строгостью и твердостью, а затем стали славиться добротой и выдержкой [7]. Миссис Кэв как раз относилась к этой генерации гувернанток – «у нее все естественно выходило мягко и тактично» [2, с. 145]. Главной задачей миссис Кэв в семье Кавос было обучить девочек английскому языку. Летом на даче к кузинам присоединился юный Александр Бенуа, и миссис Кэв учила английскому также и его. Видимо, преподавательская манера американки была эффективной, поскольку Александр делал быстрые успехи в языке. Вот как он сам описывал педагогический процесс с миссис Кэв: «Уже до того, что я стал пользоваться обществом миссис Кэв и практикой с ней английского языка, я кое-что понимал и читал по-английски, но я почти не говорил по-английски. Напротив, проведя летние месяцы 1879, 1880 и 1881 г. на даче дяди Сезара, я приобрел в общении с миссис Кэв такую беглость в изложении своих мыслей по-английски, что не только мог участвовать в беседах, ведшихся на этом языке, но мог и писать по-английски письма как моим кузинам, так и той же гувернантке, письма, приводившие эту добрую даму в восхищение. "My sweet Shoura, you are such a clever boy", – писала она мне в ответ» [2, с. 145]. За счет каких приемов достигался такой эффект? Во-первых, обучение языку шло в постоянных разговорах, так что языковой барьер у Александра Бенуа был давно перейден и больше не возникал. Умение поддерживать беседу было характерной чертой многих гувернанток, но миссис Кэв овладела этим искусством, по оценке ее ученика, в совершенной степени: «никто так не умел "завести" разговор и не давать ему иссякнуть, как именно миссис Кэв» [2, с. 145].

Вторым приемом было приобщение к чтению книг на английском языке. В выборе литературы для чтения американское происхождение миссис Кэв проявлялось со всей полнотой: «Самые книжки, которые она нам читала или давала читать, были всегда очень милые, забавные и не страдали той шаблонной приторностью, которая часто портит литературу. Но почему-то она недолюбливала Диккенса, да и вообще предпочитала американских авторов. Иные, и как раз очень страшные рассказы Эдгара По, я узнал из ее живых, несколько измененных пересказов, но о том, что это были именно произведения По, я не имел понятия. Иной такой рассказ длился часами, и в осеннюю пору, когда в наступившей на дворе тьме бушевал ветер и по окнам хлестал дождь, эти повествования приобретали особую силу. Подчас нам становилось до того жутко, что никто не решался один пройти хотя бы в соседнюю комнату. Я и заснуть после таких рассказов не мог иначе, как при обязательном условии, чтобы дверь моей комнаты оставалась открытой в смежную спальню Инны и Маши. И уже лежа в своих постелях мы переключались, отчасти чтобы придать друг другу смелости, отчасти, чтобы вспомнить еще какую-либо подробность. Со строго педагогической точки зрения такая система должна казаться предосудительной, но... для практики английского языка она приносила несравнимую пользу» [2, с. 146].

Типичная французская, швейцарская, немецкая или британская гувернантка, знакомая с методическими пособиями и рекомендациями о том, как правильно воспитывать детей, не стала бы читать (пересказывать) такие будоражащие воображение произведения существам с неустоявшейся психикой, но миссис Кэв стала гувернанткой случайно, в силу обстоятельств, и выбирала для чтения те тексты, которые были интересны ей самой. По прошествии многих лет оценивая эту встретившуюся ему в детстве американку, А. Бенуа писал: «Вообще миссис Кэв вовсе не напоминала классических, чопорных, сухих гувернанток, а потому все дети, попадавшие в ее круг, быстро привязывались к ней, да и она несла свою, подчас не очень легкую службу, не как обузу, а как бы своего рода светское развлечение» [2, с. 146]. Вот это отношение к гувернерской службе как к светскому развлечению было еще одним «фирменным знаком» американского происхождения гувернантки, сумевшей создать себе другой настрой, иную мотивацию своей педагогической деятельности в отличие от педантичных европейских коллег.

Разница между британским и американским вариантами английского языка была очевидна и в XIX в., причем американский вариант воспринимался его носителями как несколько «порченный» относительно эталонного британского. О речевом поведении миссис Кэв Александр Бенуа писал: «Говорила она отчетливо, не слишком

скоро и без тех вульгарных гримас, которые сейчас в моде у американцев, даже хорошего общества. Американизм в ее произношении сказывался только в своеобразном произношении некоторых слов и что th она <...> выговаривала почти как "д". Но она сама каялась в дефектах своего произношения и следила, чтобы мы их не перенимали. Что же касается стиля ее изложения, то он не был лишен известной живописности, а юмор ее так и искрился» [2, с. 145–146].

Умея со всеми выстроить хорошие отношения, миссис Кэв не справилась только с одной персоной, но зато очень влиятельной в доме овдовевшего Кавоса – его экономкой Талябиной. Гувернантка занималась воспитанием дочерей, а экономка вела дом. Как вспоминал А. Бенуа, «ненавидели эти особы друг друга от всего сердца, но, пока был жив дядя, взаимная их неприязнь не дерзала проявляться наружу. Когда же девушки остались одни, то один домашний кризис следовал за другим. Что-то окончательно возмутительное произошло однажды из-за жареной корюшки ("курошка" – как выговаривала Талябина), которой что-то уж очень много наложила себе на тарелку англичанка. Драма эта через несколько недель осложнилась до того, что миссис Кэв предпочла покинуть дом» [2, с. 144]. Конфликты с другими представителями обслуживающего персонала были нормой в гувернерской жизни, но в данном случае конфликт осложнялся полным отсутствием мужского начала в доме. Кроме того, миссис Кэв была истовой католичкой и, «уступая непоборимому влечению, она переселилась в Лурд, откуда первое время она нам писала довольно часто, приглашая и нас приехать, чтобы убедиться, какие чудеса творит вера и в наши дни» [2, с. 146]. Визит в Лурд Кавосы-Бенуа не совершили, но пребывание миссис Кэв там оказалось неожиданно полезным. Дело в том, что сестра Александра Бенуа Екатерина Лансере оказалась жертвой типичного мошенничества: рано овдовевшая женщина получила письмо от якобы представителей «каких-то родственников Лансере, оставивших после себя миллионное наследство. Надлежало только выслать известную сумму денег для некоторых формальностей, причем надлежало хранить всё это в абсолютной тайне» [2, с. 146]. Екатерина «переслала по сообщенному адресу какого-то священника несколько довольно крупных взносов. Когда же никаких миллионов из Испании в ответ не прибыло, не прибыла и "та сиротка-племянница", воспитанием которой должна была заняться моя сестра, то у нас зародилось подозрение, не кроется ли под всем этим мошенничеством. Об этих подозрениях мы сообщили миссис Кэв, она же потрудились поехать в Мадрид, и по наведенным там справкам выяснилось, что наша бедняжка Катенька сделалась жертвой самой банальной и прямо даже классической проделки, известной под техническим названием "испанское наследство"» [2, с. 146–147]. Как

видим, мошенничества для «раскручивания простаков» давно практикуются в человеческих сообществах. Но эта история показала, что деловые качества миссис Кэв по-прежнему были на высоте, и она продолжала сохранять добрые отношения с семьями прежних воспитанников. Однако с течением времени религиозный фанатизм привел к необратимым результатам, о которых А. Бенуа горестно написал: «письма от миссис Кэв стали приходить реже, они всё более пропитывались специфическим Лурдским духом, не встречавшим в нас живого отклика, и, наконец, переписка с ней прекратилась вовсе» [2, с. 147].

Вот таким интересным, неоднозначным оказался опыт привлечения американки в качестве гувернантки. Будучи яркой, неординарной личностью, она пробудила в воспитанниках интерес к языку, носителем которого являлась, смогла верно оценить «американские шероховатости» в собственном английском и предотвратить появление тех же недостатков произношения у своих учеников. Миссис Кэв завоевала любовь и уважение всей семьи, в которой она трудилась, а сама ее достойная кинематографического воплощения биография будоражила умы воспитанников. В формировании культурного феномена российской семьи Кавос-Бенуа-Лансере есть и ее скромный вклад.

Список литературы

1. Бартенева М.И. Николай Бенуа. – СПб., 1994.
2. Бенуа А.Н. Мои воспоминания: в 5 кн. / изд. подгот.: Н.И. Александрова и др.; предисл. Д.С. Лихачева. – М., 1980. – Т. 1. – Кн. 1, 2, 3.
3. 200 лет семье Бенуа в России: Юбилейный сб. / С.-Петербург. о-во "Дом Бенуа", Гос. музей истории Санкт-Петербурга; [ред.-сост., авт. вступ. текстов В.А. Фролов]. – СПб., 1994.
4. Лесгилье А. Руководство для гувернеров и гувернанток: На рус., нем. и фр. яз.: Необходимая настольная кн. для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. 2-е изд. – СПб., 1870.
5. Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа. – СПб., 2003.
6. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): моногр. – М., 2007.
7. Солодянкина О.Ю. Стереотипы восприятия иностранных воспитательниц в имперской России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «История и политические науки». 2006. № 1. – С. 73–83.
8. Эрнст С. Александр Бенуа. – М., 2004.
9. Эткин М.Г. А.Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX века. – Л., 1989.

Т. В. Деркач (Егорова)

Вопросы развития образования в Санкт-Петербургской губернии в годы деятельности III Государственной думы (1907–1912)

В статье рассмотрены проблемы развития образования в Санкт-Петербургской губернии в годы деятельности III Государственной думы. В работе определяется уровень развития образования в Петербургской губернии в начале XX в., анализируются законопроекты о народном образовании, которые обсуждались на заседаниях III Государственной думы.

The scientific article is devoted to problems of the development of education in the St. Petersburg province in the years of activity of The III State Duma. In this article the level of development of education is defined, laws of national education which were discussed by The State Duma are analyzed.

Ключевые слова: образование, III Государственная дума, Санкт-Петербургская губерния, учебный округ, учебные заведения, Царскосельское городское училище, Ямбургское коммерческое училище, коммерческие училища в г. Сестрорецке и пригороде Петербурга «Лесное».

Key words: Education, The III State Duma, Saint-Petersburg province, educational district, schools, Tsarskoselskoe commercial school, Yamburgskoe commercial school, commercial schools in Sestroretsk and in Petersburg`s suburb «Lesnoe».

III Государственная дума вошла в историю как дума народного просвещения и образования.

В начале XX в. продолжалось развитие образования в Санкт-Петербургской губернии. Все учебные заведения в губернии были подчинены Санкт-Петербургскому учебному округу, основанному в 1803 г. Он был создан в числе первых шести учебных округов в Российской империи, в состав которого входило несколько губерний, в том числе и Петербургская. Несмотря на то, что все учебные заведения подчинялись одному учебному округу, состояли они в ведении различных министерств и ведомств. Отсутствовало единство в общем руководстве образованием. Существовали земские, церковные, частные школы, каждая со своими правилами и уставами.

Наибольшее количество учебных заведений принадлежало земству. В начале XX в. в подведомственных училищным советам заведениях обучалось примерно 80 % всех учащихся. Земства стали выдавать сельским обществам беспроцентные ссуды и пособия на открытие новых народных школ. Данные мероприятия привели к быстрому росту народных школ в уездах Петербургской губернии. С

каждым годом открывались новые учебные заведения, увеличивалось количество учащихся. За счёт своих средств земства содержали школы. Согласно данным отчёта начальника Санкт-Петербургской губернии за 1901 г. «народное образование поставлено в Санкт-Петербургской губернии в исключительно благоприятные условия. Земство ежегодно уделяет значительную часть своих доходов на увеличение числа земских учебных заведений» [10. Л. 12]. Наиболее высокий уровень грамотности был в Петербургском и Петергофском уездах. Большое внимание уделялось практическому обучению и, прежде всего, обучению основным навыкам ведения сельского хозяйства.

Но, несмотря на определённые успехи в народном образовании, количество малообразованного населения было достаточно велико, особенно среди женщин. Грамотность в Петербургской губернии была распространена не везде одинаково. По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи «в общем среди всего губернского населения обоего пола число грамотных определялось в 55,1 %» [1, с. xi].

Недостаточное внимание уделялось учительскому персоналу. Из доклада земских представителей в губернском училищном совете Петербургскому губернскому собранию о состоянии народных училищ Санкт-Петербургской губернии на 1906 г. можно сделать вывод «о тяжёлом, во всех отношениях, положении народного учителя, мы много раз говорили: материальное положение его всё ещё недостаточно обеспечено, несмотря на принимаемые уездами частичные мероприятия» [3. Л. 144]. Число учителей, получивших специальное образование, было сравнительно невелико. Нищенски было обеспечено большинство начальных училищ. Здания школ не соответствовали самым элементарным требованиям гигиены.

В начале XX в., несмотря на столичность губернии, состояние народного образования оставалось сложным. Существовало много проблем.

Одной из главных причин медленного развития просвещения была «скупость казённых ассигнований» [2, с. 16]. Поэтому перед III Государственной думой встала задача выработки и осуществления более определённых планов по развитию народного образования: увеличение кредитов на школьное дело, улучшение материального положения учащихся, увеличение числа преподающих, общее улучшение обстановки.

Прежде всего, сохранялись проблемы в управлении народным образованием. Необходимо было улучшить материальное положение чиновников Санкт-Петербургского учебного округа. В начале XX в. с быстрым ростом учебных заведений назрела необходимость учреждения новой должности окружного инспектора. Министр на-

родного просвещения констатировал тот факт, что «педагогическое руководство и контроль за учебным делом в Санкт-Петербургском учебном округе остаётся не усиленным в продолжение почти 25 лет. Между тем число средних общеобразовательных учебных заведений за указанный промежуток времени сильно возросло» [5. Л. 3]. В компетенцию окружного инспектора входило: посещение и осмотр учебных заведений в часы для преподавания, надзор за учебными заведениями, присутствие на экзаменах в качестве депутатов от учебного округа. Из отчёта министра народного просвещения следовало, что чины Санкт-Петербургской окружной инспекции не могли справиться со своими обязанностями «в виду необходимости затраты времени для переездов из города в город, притом далеко не всегда по усовершенствованным путям сообщения» [5. Л. 4]. Особенно ощущался недостаток в окружных инспекторах в весеннее время, во время экзаменов. Поэтому министр народного просвещения обратился в Государственную думу с просьбой о рассмотрении вопроса о создании новой должности окружного инспектора и увеличении жалованья окружным инспекторам. После его обсуждения в комиссии по народному образованию законопроект был принят в трёх чтениях. 18 марта 1909 г. вышел закон об учреждении дополнительной должности окружного инспектора в Санкт-Петербургском учебном округе «с содержанием в год 1978 руб. 88 коп. и об увеличении кредита на 500 руб. на разъезды по делам службы» [5. Л. 34].

После издания закона было несколько улучшено положение окружных инспекторов в Санкт-Петербургском учебном округе. Однако это была временная мера, которая не решала главной проблемы. Во-первых, продолжался рост новых учебных заведений, а это бы потребовало создания новых должностей инспекторов. Во-вторых, пути сообщения, которыми пользовались окружные инспекторы во время переездов, оставались на прежнем уровне, и доступ к отдалённым населённым пунктам продолжал оставаться достаточно сложным. В этой связи руководство Министерства народного просвещения вынуждено было констатировать, что «вследствие продолжающегося роста учебных заведений, ... и в минувшем [1907] году образовались дефициты по содержанию управлений» [6. Л. 5].

Из-за подорожания предметов первой необходимости руководство ведомства вынуждено было испрашивать единовременные дополнительные кредиты для Санкт-Петербургского учебного округа. В результате принятия закона 1909 г. «на наём писцов было выделено 1000 руб., на канцелярские и хозяйственные нужды – 2000 руб» [6. Л. 6]. В целом же содержание управлений Петербургского учебного округа было улучшено.

Одним из направлений деятельности III Государственной думы в Петербургской губернии было улучшение финансового положения

коммерческих и казённых учебных заведений. Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа обратился в Министерство народного просвещения с предложением об отпуске средств на строительство здания для Царскосельского четырёхклассного городского училища. До постройки нового здания Царскосельское училище помещалось в наёмном доме, которое «по своей ветхости и антисанитарным и антигигиеническим условиям представляется небезопасным для здоровья учащихся и учащихся и неудовлетворяющим нуждам учебного заведения». На постройку нового здания было выделено 94,409 руб. 66 коп. Частное лицо приняло на себя подряд по постройке здания, 8 % от сметной суммы, и общий расход составил 86,856 руб. 94 коп.» [4. Л. 12]. Средств на покрытие этого расхода училище не имело. Согласно принятому Государственной думой закону от 6 июля 1908 г. на строительство нового здания Царскосельского городского училища было выделено 60 тыс. р. Остальная сумма была выделена из специальных средств министерства народного просвещения в форме ссуды при условии её погашения.

Средства для постройки нового здания были выделены и Ямбургскому коммерческому училищу. Училище было открыто в 1907 г. обществом «Просвещение» и функционировало в 1908–1910 гг. в составе приготовительного и первых четырёх классов, имея 172 учащихся обоего пола. И предоставляло образование за «сравнительно невысокую плату ... вследствие мало состоятельности местного населения». Согласно сообщению управляющего учебным отделом министерства торговли и промышленности «из общего числа учащихся в училище детей лиц почётных граждан и купцов обучается около 8 %. Дети купцов и почётных граждан составляют в коммерческих училищах далеко не подавляющее большинство» [8. Л. 5]. Это училище помещалось в двух наёмных домах «ввиду невозможности найти в городе подходящее для училища здание». Такое размещение училища в разных зданиях, не удовлетворяющих к тому же потребностям учебного заведения, представляло «громадные неудобства» [8. Л. 7].

Большую роль в организации строительства сыграли общественные организации и частные лица. Ямбургским городским общественным управлением был бесплатно отведён в лучшей части города участок земли, часть строительных материалов закупило общество «Просвещение», собирались пожертвования. В результате обсуждения этого вопроса в Государственной думе «попечительному Совету Ямбургского коммерческого училища из казны было выделено 8,000 руб. на постройку нового здания с обязательством погашения этой суммы равными частями в течение 20 лет, начиная

с 1912. Кроме того, на содержание этого училища с 1911 в течение пяти лет отпускалось 3000 руб.» [8. Л. 10].

Пособие на содержание было вновь выделено коммерческим училищам в г. Сестрорецке и пригороде Петербурга «Лесное». Попечительные Советы коммерческих училищ ходатайствовали о том, что «прекращение казённой субсидии привело бы учебные заведения в крайне тяжёлое положение, при котором продолжать их деятельность было бы затруднительно. Между тем училища уже достаточно развились и привлекают к себе учеников не только местных и петербургских, но и из далёких окраин» [9. Л. 4]. Эти училища были единственными средними учебными заведениями в данной местности. Они обслуживали в основном небогатые слои населения. Из отчёта по содержанию коммерческого училища в Лесном следует, что «на содержание требовалась ежегодная сумма в 43 тыс. руб.; 33.000 руб. поступало от платы за обучение, и таким образом, на содержание училища не доставало 9,400 руб.» [9. Л. 6]. Общество распространения коммерческого образования не могло отпускать училищу всей указанной суммы. Поэтому попечительный совет ходатайствовал о назначении училищу начиная с 1912 г. ежегодного пособия от казны в размере 7,500 р. в год. Законопроект был представлен на обсуждение Государственной думы. После рассмотрения этого вопроса в бюджетной комиссии необходимая для училищ сумма была уменьшена.

Более того, Сестрорецкому коммерческому училищу было отказано в беспроцентном кредите на расширение училищного здания и устройство ветряного двигателя для подъёма воды. Причиной отказа стали, во-первых, проектируемая рассрочка погашения ссуды – на 20 лет, а также то, что начало возврата ссуды лишь с 1920 г. «совершенно не отвечают по своей длительности установленной практике в отношении подобного рода ассигнованиям» [7. Л. 9]. Во-вторых, расходы казны на содержание этого училища значительно больше, чем расходы на другие училища того же типа. Законопроект был отклонён, чтобы «не обременять казну новыми издержками» [7. Л. 11].

Большая роль в развитии образования отводилась различным общественным организациям. Многие училища открывались за счёт пожертвований населения, «сочувствовавших делу просвещения». Средств, которые выделялись различными общественными организациями и частными лицами на содержание училищ, часто не хватало. Расход училищ превышал доход. Но и выделенные казной средства можно считать временной мерой, которая была направлена на удовлетворение самых необходимых нужд. Согласно мнению заведующего делопроизводством III Государственной думы октябриста барона А.Н. Роппа «все вопросы были решены Думой в очень

умеренном направлении» [2, с. 240]. Он обобщил результаты деятельности думской комиссии в отдельном исследовании «Что сделала третья Государственная дума для народного образования?» В целом, по его мнению, несколько улучшилось материальное положение народной школы, наметился стабильный рост кредитов на школьное дело. Принятые III Государственной думой законопроекты в области народного образования требовали дальнейшего своего развития.

Список литературы

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Санкт-Петербургская губерния.
2. Ропп А.Н. Что сделала третья Государственная дума для народного образования. – СПб., 1912.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 934. Оп. 2. Д. 194.
4. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 146.
5. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 563.
6. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 920.
7. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1323.
8. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1334.
9. РГИА Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1812.
10. Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 253. Оп. 7. Д. 48.

Организационно-правовые проблемы развития колледжей в 1990-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья)

В статье анализируются организационные проблемы развития колледжей. На примере учебных заведений Нижнего Поволжья показана роль интеграции разноуровневых учебных заведений в решении задач организационно-методического и материального обеспечения учебного процесса. Автором подчеркивается, что бессистемность в присвоении квалификаций, смешение уровней образования и типов образовательных учреждений были прямым следствием непродуманной законотворческой деятельности.

In this article analyzed organizational problems of development of colleges. The author showed the role of integration of educational institutions in the solution of the organizational-methodical and the financial support, on an example of educational institutions of the Low Volga region. The author underlines, that unsystematic character in assignment of qualifications, mixture of educational levels were a direct consequence of unreasoned legislative activity.

Ключевые слова: колледж, средние специальные учебные заведения, среднее профессиональное образование, интеграция, Нижнее Поволжье.

Key words: college, secondary specialized educational institutions, secondary vocational education, integration, the Low Volga region.

В настоящее время потребность модернизации профессионального образования в целом и среднего профессионального в частности осознается как общественностью и профессиональным сообществом, так и органами государственного управления. Происходит процесс активизации деятельности центральных и местных властей, направленный на создание целевых долгосрочных программ федерального и регионального масштаба по развитию образовательного пространства.

В этих условиях немаловажное значение для формирования дальнейшей стратегии развития среднего профессионального образования имеет анализ исторического опыта реформаторских трудностей и достижений недавнего прошлого.

Характерной тенденцией современного этапа развития среднего профессионального образования является его ориентация на региональные условия и кадровые потребности. В связи с этим немаловажную роль приобретает изучение регионального опыта

реализации государственной политики по отношению к среднему профессиональному образованию.

Еще в советский период было дано начало эксперименту по созданию учебных заведений нового типа (согласно приказу Государственного комитета СССР по образованию от 30 ноября 1989 г. № 879 «Об организации в порядке эксперимента средних специальных учебных заведений повышенного типа»). Реализация эксперимента в Нижнем Поволжье привела к организации интегрированных учебных заведений, дававших повышенный уровень профессионального образования. Таким типом в системе среднего профессионального образования стал колледж.

Переход техникумов на новую ступень обучения был нелегким процессом, требовавшим переработки существовавших методико-организационных основ обучения, расширения учебно-производственных баз, модернизации оборудования и компьютерной техники. Часто получение средним специальным учебным заведением статуса колледжа происходило при поддержке высших образовательных учреждений и заинтересованных организаций.

Так, в конце 1980 – начале 1990-х гг. Астраханский автомобильно-дорожный техникум тесно сотрудничал с Волгоградским инженерно-строительным и Московским инженерно-мелиоративным институтами. С их помощью были обновлены базы практик, заключены договора о продолжении обучения выпускников автомобильно-дорожного техникума, организованы повышение квалификации преподавателей и обмен опытом с учебными заведениями других городов. Это взаимодействие оказалось весьма результативным. И уже в 1990 г. Российский государственный концерн «Росавтодор» издал приказ о преобразовании Астраханского автомобильно-дорожного техникума в Астраханский автомобильно-дорожный колледж [2. Л. 24].

В соответствии с требованиями к качеству подготовки специалистов со средним профобразованием повышенного уровня актуальным оставался и вопрос материально-технического обеспечения образовательного процесса. Необходимость создания материальной базы заставляла искать новые формы сотрудничества с предприятиями и организациями, заинтересованными в подготовке кадров определенной квалификации. Так, Астраханский колледж вычислительной техники, Астраханский государственный университет и ОАО «Московский завод тепловой автоматики» заключили сначала соглашение, а потом и договор о создании региональной отраслевой лаборатории «Энергосберегающие технические средства автоматизации малой и средней энергетики» [1, с. 25]. На имевшейся в лаборатории технической базе проходили производственную практику студенты Астраханского колледжа вы-

числительной техники. Лаборатории и кабинеты Саратовского филиала Вольского технологического техникума были оборудованы с помощью завода «Техстекло», большую часть сотрудников которого составляли выпускники техникума [9, с. 33].

Помимо проблем в организации учебного процесса существовали неясности и в определении того, какой уровень образования мог давать определенный тип учебного заведения. Так, согласно Временным положениям, регламентировавшим деятельность образовательных учреждений (документ действовал до принятия Типового положения об образовательном учреждении среднего профессионального образования в 1994 г.), колледж предусматривался сразу в двух уровнях образования.

Во Временном положении о профессиональном учебном заведении в РСФСР предполагалось получение среднего специального образования в ряде учебных заведений, в том числе и в «высших профессиональных училищах (профессиональных лицеях, колледжах)». Согласно п. 15 данного положения определялся перечень квалификаций, которые возможно было получить в данных образовательных учреждениях. К их числу относились «квалификация рабочего, получение которой было возможно на базе основного (базового) образования, квалификации рабочего по сложным или особо сложным профессиям и мастера производственного обучения на базе общего среднего (полного) образования» [7, с. 2–6].

С другой стороны, колледж был определен как тип образовательного учреждения, дававший среднее профессиональное образование. Однако перечень квалификаций, которые могли получить выпускники колледжей и других типов средних специальных учебных заведений, не нашел отражения во Временном положении о среднем специальном учебном заведении РСФСР. Декларировалось, что среднее специальное учебное заведение «любого типа могло открывать новые специальности, утвержденные его советом, и вести по ним подготовку с присвоением соответствующих квалификаций по согласованию с местными органами власти» [7, с. 2–6]. Таким образом, колледж мог давать и начальное профессиональное образование, и среднее специальное.

В условиях же эксперимента, когда такой тип образовательных учреждений, как колледж, получил право на обучение по программам среднего профессионального образования повышенного уровня, стал непонятен статус и уровень квалификации выпускников по отдельным специальностям колледжей. Так, Волгоградский политехнический колледж в 1991 г. получил государственную лицензию и «осуществил в 1994 г. выпуск 25 бакалавров по специальности "Техническое обслуживание и ремонт оборудования предприятий химической промышленности"» [3, с. 47].

Отсутствие четкой законодательной базы и нормативно-правовых документов, регламентировавших деятельность образовательных учреждений среднего профессионального образования, приводило к тому, что колледжи начали претендовать на несвойственный им вид образования – неполное высшее образование, или бакалавриат.

Ряд колледжей начали осуществлять подготовку специалистов по многоступенчатой схеме «рабочий – техник – младший инженер». В связи с отсутствием разработанных учебных планов и квалификационных характеристик младшего инженера существовал ряд особенностей в деятельности колледжей в начале 1990-х гг.:

- учебные планы и программы дисциплин формировались на стыке высшего и среднего специального образования и представляли собой усеченную версию вузовских программ подготовки кадров;
- в большинстве колледжей обучение студентов всех ступеней в течение первого года (или двух, в зависимости от специализации учебного заведения) велось совместно;
- отсутствовавшая дифференциация программ дисциплин для начального и среднего профессионального образования исключала преемственность между данными степенями обучения.

Таким образом, в начале 1990-х гг. в колледжах начинается подготовка специалистов с присвоением таких квалификаций, как младший инженер и бакалавр, статус которых так и не нашел отражения в нормативно-правовой базе среднего профессионального образования.

В 1995 г. был принят закон, разрешавший получение среднего профобразования в профессиональных лицеях (многие из которых были сформированы на основе профессионально-технических училищ), осуществлявших подготовку в рамках начального профессионального образования. Вводились процедуры лицензирования и аккредитации образовательных программ среднего профессионального образования в данных образовательных учреждениях [8, с. 2–4]. Действие нормативно-правовой базы среднего профессионального образования теперь распространялось и на профессиональные лицеи, осуществлявшие подготовку специалистов среднего звена.

Пройдя процедуры государственной аккредитации и получив лицензии на право присвоения квалификаций специалистов среднего звена, профессиональные лицеи стали набирать абитуриентов по программам среднего профессионального образования. Так, студенты, поступившие в 1996 г. в Высшее профессионально-техническое училище № 1 г. Астрахани, в случае успешного завершения обучения получали квалификации техник-электрик, техник-механик, техник-строитель [4, с. 82], а в Профессиональный лицей

водного транспорта – квалификации «Техник-судоводитель», «Техник-технолог», «Техник-судомеханик» [4, с. 96–97].

Согласно ст. 23, п. 3 «Закона об образовании» «среднее профессиональное образование могло быть получено в образовательных учреждениях среднего профессионального образования (средних специальных учебных заведениях) или на первой ступени образовательных учреждений высшего профессионального образования» [5, с. 17–27]. Но в Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [11] отсутствует понятие «первой ступени» образовательных учреждений высшего профессионального образования, которая «завершалась бы освоением образовательной программы среднего профессионального образования». Низшей ступенью высшего образования являлся бакалавриат, не имевший отношения к среднему профессиональному образованию [6, с. 210].

Таким образом, получение среднего профессионального образования было возможно только в средних специальных учебных заведениях или в структурных подразделениях высших учебных заведений при наличии у последних соответствующей лицензии. Получение среднего профессионального образования в образовательных учреждениях начального профессионального образования противоречило указанной статье закона «Об образовании».

Для упорядочения «подготовки специалистов со средним профессиональным образованием в профессиональных лицеях приказ Министерства образования Российской Федерации «О реализации интегрированных образовательных программ начального и среднего профессионального образования в профессиональных лицеях» был признан утратившим силу в 1997 г. В целях сохранения права студентов на получение диплома того уровня профессиональной подготовки, на который студент поступал и по программам которого обучался, было разрешено продолжать реализацию программ среднего профессионального образования (без права нового набора абитуриентов) в учреждениях начального профессионального образования до окончания срока действия лицензий (согласно приказу Министерства общего и профессионального образования РФ от 29.05.1997 г. № 1042).

Первые выпуски специалистов с повышенным уровнем подготовки в регионе поставили задачу продолжения их обучения на высшей ступени образования. С учетом государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования проводился анализ учебных планов и программ университетов, колледжей, техникумов, между которыми предполагалось заключить договоры о подготовке кадров. Отдельно разрабатывались учебные планы для сокращенной подготовки специалистов, имевших сред-

нее профессиональное образование по профилю университета, после окончания техникума или колледжа. В такие учебные планы не включались дисциплины, пройденные студентом по учебным планам техникума или колледжа и совпадающие по названию и объему часов.

Астраханский морской колледж благодаря договору с Новороссийской государственной морской академией осуществлял подготовку кадров по схеме «колледж – академия». В середине 1990-х гг. началась подготовка к переходу на трехступенчатую модель морского образования. Она включала в себя три уровня: лицей, колледж, академия. Колледж также предполагал и подготовку рабочих кадров. При нем специально создавались учебные центры с целью подготовки кадров рабочих профессий для морского дела. Это позволяло сэкономить средства, значительно повысить качество обучения специалистов, сократить сроки обучения [10, с. 14].

Договор Астраханского автомобильно-дорожного колледжа с Московским гидромелиоративным институтом предоставил возможность выпускниками колледжа получать высшее образование по выбранной специальности в данном институте.

Таким образом, среднее профессиональное образование региона оказалось постепенно вовлечено в систему взаимодействий с разными образовательными уровнями. Это создало объективные предпосылки для интеграции образовательного пространства.

Дифференциация содержания и форм образования также поставила задачу обеспечения преемственности между отдельными уровнями образования. Решением данной проблемы стало создание многофункциональных учебных, научно-производственных и иных типов комплексов. Чаще всего они объединяли однопрофильные профессиональные учебные заведения, связанные договорами на подготовку и продолжение обучения выпускников предшествующего уровня. В их состав могли входить специализированные научные центры, учебные заведения общего среднего образования, дошкольные воспитательные учреждения и пр. Еще одним положительным моментом такого симбиоза можно назвать снижение остроты вопроса обеспеченности образовательного процесса (особенно по специальностям технического профиля) материально-технической базой и современным лабораторным оборудованием. Взаимодействие было весьма эффективным, так как позволяло координировать деятельность учебных заведений, рационально использовать имеющиеся базовые учреждения. В то же время все образовательные учреждения сохраняли свой независимый юридический статус. Создание преемственности и единой образовательной линии среди членов комплекса позволяло учащимся легче продвигаться от одного уровня образования к другому.

Еще одним положительным моментом являлась возможность для педагогов средних профессиональных учебных заведений повышать научный уровень в магистратуре, аспирантуре, совершенствовать методические навыки на курсах повышения квалификации и переподготовки кадров на базе высших учебных заведений, с которыми были заключены договоры о сотрудничестве.

Система среднего профессионального образования в 1990-х гг. характеризовалась следующими особенностями:

- повышенной законотворческой активностью с целью формирования унифицированной, внутренне непротиворечивой нормативно-правовой базы деятельности образовательных учреждений системы среднего профессионального образования;

- многовариантностью подходов к определению сущности колледжей как образовательных учреждений, их задач и функций.

- началом разработки системы государственного контроля с целью обеспечения качества среднего специального образования, формирования единой государственной политики в сфере образования, установления общих требований ко всем образовательным учреждениям;

- обновлением и стандартизацией содержания образования каждого уровня в рамках создания непрерывной образовательной модели.

1990-е гг. – время становления такого типа образовательного учреждения, как колледж. Хронический недостаток финансирования наблюдался в рассматриваемый период практически во всех образовательных учреждениях. Но перед колледжами стояли проблемы и иного рода.

Первая из них – несформированность правовой базы – носила, естественно, общегосударственный характер. На примере Нижнего Поволжья показано, что предоставленная учебным заведениям свобода в организации учебной деятельности привела к бесконтрольному выпуску специалистов. Отсутствие законодательного определения некоторых квалификаций привело к тому, что получившие их выпускники оказались неконкурентоспособны на рынке труда.

Вторая была связана с организацией учебного процесса, с поиском своего места в уже существующей структуре профессионального образования, с выстраиванием договорных связей с профессионально-техническими и высшими образовательными учреждениями. Эта задача решалась каждым учебным заведением самостоятельно, в зависимости от региональной специфики спроса на те или иные направления подготовки, наличия у колледжей кадровых, методических, материально-технических и прочих возможностей. В Нижнем Поволжье училища, которые смогли

интегрироваться с другими учебными заведениями, смогли обеспечить себе и наиболее выгодные условия для образовательной деятельности.

Результатом интеграционных процессов в образовательной среде в Нижнем Поволжье стали многоуровневая подготовка специалистов, развитие системы дополнительного профессионального образования, системы переподготовки и повышения квалификации специалистов среднего звена, внедрение в образовательный процесс новых информационных технологий, а заключение договоров и соглашений с высшими учебными заведениями позволило студентам колледжей получать высшее образование по выбранной специальности в сокращенные сроки, расширило материально-техническую базу учебных заведений.

Список литературы

1. Астраханский колледж вычислительной техники: 40 лет. – Астрахань, 2004.
2. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). Ф. Р-3923. Оп. 1. Д. 85.
3. Горина И.И. Среднее профессиональное образование России в условиях системных реформ (1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004.
4. Государственные, муниципальные и негосударственные образовательные учреждения г. Астрахани и Астраханской области. – Астрахань, 1996.
5. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30.
6. Комментарий к закону Российской Федерации «Об образовании» / отв. ред. проф. В.И. Шкатулла. – М., 1998.
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 23 февр. 1991 г. № 119 «О Временных положениях, регламентирующих деятельность учреждений (организаций) системы образования и подготовки кадров РСФСР» // Вестн. образования. – 1991. – № 5.
8. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 19.12.1995 г. № 628 «О реализации интегрированных образовательных программ начального и среднего профессионального образования в профессиональных лицеях» // Рос. вести. – 1996. – № 15.
9. Среднее специальное образование. – 1991. – № 6.
10. Средние специальные учебные заведения г. Астрахани и Астраханской области. – Астрахань, 1997.
11. Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Рос. газета. – 1996. – № 164.

УДК [001:061](091)(437:47)«1864/1923»

С. Н. Коробкова

Русские академические организации в Праге и отечественная наука во второй половине XIX – начале XX в.

В статье проанализированы российско-чешские отношения в области науки и образования в период с середины XIX до начала XX в. Главная идея, выраженная автором, заключается в том, что основные научные и философские тенденции, зародившийся в России в 60-х гг. XIX в., в XX в. продолжили свое развитие в период «русского зарубежья». Российско-чешские отношения в обозначенный период показывают пример внешнеполитического, высокоразвитого культурного и научного обмена с целью прогрессивного развития как российско-го, так и чешского общества при сохранении национальной идентичности.

This article provides a brief historical review of the Russian-Czech relations in the field of science and education, and covers the period from the middle XIX century. to the beginning XX century. The main idea expressed by the author is that the major scientific and philosophical trends that originated in Russia in the 60s of XIX century were developed further during the "Russian Abroad" in the XX century. Russian-Czech relations in that period was an example of non-political, highly developed cultural and scientific exchanges with a view to the progressive development of both Russian and Czech society, the preservation of national identity.

Ключевые слова: естественно-научный реализм, «русское зарубежье», наука, академические организации, славянский съезд, «славянская взаимность», «русская акция».

Key words: Natural-scientific realism, "Russian abroad", science, academia, Slavic Congress, "Slavic mutuality", "Russian action."

Задача, которую в настоящее время ставит правительство перед современной наукой – активизация фундаментальных исследований и развитие прикладных исследований с целью повышения качества жизни наших сограждан, – успешно решалась во второй половине XIX в. Русская наука в этот период, возможно, переживала свои лучшие времена. В результате общественных изменений внутри страны и активного обмена информацией с европейскими научными центрами в России родилась целая плеяда ученых (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Д.И. Менделеев, А.Н. Бекетов, И.И. Мечников, Н.А. Умов, В.М.Бехтерев и др.), которые внесли существенный вклад в развитие мировой науки в области физики, химии, физиологии, биологии. Специфика их личности и деятельности

заклучалась не просто в отдельных научных исследованиях, а в попытке решить с помощью науки и точного знания актуальные вопросы общественной жизни в России (тактическая задача) и определить место человека в меняющемся мире: человек на рубеже веков, на границе мира и войны, в условиях социально-экономических преобразований (стратегическая задача). Такое соединение научных исследований и социально-философских рефлексий предлагаю трактовать как естественно-научный реализм.

С момента возникновения в русской мысли реалистического умонастроения (А.И. Герцен «Письма об изучении природы») взаимную связь получили три аспекта: укрепление реализма, успехи естествознания и прогрессивное развитие России.

Достаточно четко философское кредо естественно-научного реализма выразил один из сторонников реалистического мировоззрения – химик Д.И. Менделеев: реализм выражается «...в согласовании слова (отвлечений, абстрактов) с делом (действительностью, конкретом) и в умении, насколько то доступно людям, предвидеть предстоящее на основании существующего и прошлого» [3, с. 182]. Определяющую роль в этом деле Менделеев отводил высшим учебным заведениям.

Вопрос об усилении в России естественно-научного знания еще в 60–70 гг. XIX в. выразился в печати в споре о классическом и реальном образовании, который предшествовал появлению нового устава Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г. Этот образовательный устав предполагал усиление естественно-научного направления в школах и в вузах (изучение механики, технологий, медицины). «Московские ведомости» в это время вели активную пропаганду классического образования, связывая научный реализм, на котором должны базироваться реальные училища, с неизбежным движением к атеизму, анархизму, революционным настроениям, т. е. к разрушению привычного и ценного. В это же время Европа расценивала «любовь» к классическому как привязанность к старине, тормозящей «рациональное образование» и развитие в целом.

Опасаясь укоренения «грубого материализма» на русской почве, который ассоциировался с нравственным упадком и общественной деградацией, Министерство народного просвещения отдало продвижение точной науки «на откуп» общественным организациям. С подачи попечительских советов образовательных учреждений естественно-научные предметы были внедрены, но в очень ограниченном количестве. При этом было рекомендовано создать «особые реальные школы», которые бы готовили «ремесленников» (специалистов) для различных отраслей экономики.

Ученые делали ставку на просвещение народных масс с тем, чтобы жизненные преобразования осуществлялись не интуитивно, а под руководством научного закона. Регулярный съезд естествоиспытателей (первый состоялся 12 мая 1867 г. в Санкт-Петербурге) также есть пример общественной инициативы по распространению научного знания. Кроме просвещенческой задачи, у съезда была цель объединить научные силы внутри страны и установить постоянные контакты с зарубежными коллегами.

Именно благодаря академической мобильности, активным связям русских ученых с зарубежными научными центрами и лабораториями (преимущественно в Германии и Франции) был обеспечен рост отечественной науки в рассматриваемый период. На этот факт обращал внимание и основатель русской физиологической школы И.М. Сеченов в работе «Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию». Он констатировал, что «облегчение выезда частным лицам за границу ...на казенный счет» способствовало продвижению отечественного естествознания [7, с. 5].

Однако российское государство недолго благоприятствовало развитию объективной науки. В связи с революционными событиями начала XX в. ситуация кардинально поменялась, и часть ученых вынуждена была эмигрировать. Чехия была одной из первых европейских стран, которая приняла у себя в 1918 г. беженцев из России. Вряд ли можно говорить о случайности этого исторического факта. Российско-чешские научные отношения имели к обозначенному моменту свою историю.

Современные исследователи [5] выделяют три этапа развития чешско-русских связей во второй половине XIX в. Три десятилетия (50–70 гг. XIX в.) эти отношения развивались активно: чехи искали в российском государстве внешнеполитического союзника, российские общественные деятели, «спасая» чехов от немецкого господства, решали «славянский вопрос» в вечном споре славянофилов и западников, а также другие политические задачи.

Особый интерес для данной работы представляет второй период (60-е гг. XIX в.), который обозначен расширением информационного обмена и сотрудничеством в образовательной сфере. Знаменательным событием позитивного развития чешско-русских отношений в это время стал славянский съезд 1867 г. в Москве и Петербурге. Он был инициирован профессором С.-Петербургского университета, «панславистом» В.И. Ламанским и приурочен к организации Всероссийской этнографической выставке в Москве. Цель съезда – культурно-научный обмен. Чешская делегация была самая многочисленная (27 чел. из 80 представителей славянских стран) и возглавлялась «хранителем чешской истории» – Ф. Палацким. Среди других участников делегации можно назвать ведущих деятелей

науки и культуры того времени: ученого и библиотекаря чешского национального музея В.Я. Вртятко, лингвиста и историка литературы А. Патера, историка и поэта К.Я. Эрбена (чл.-корр. Петербургской АН 1856 г.). В настоящее время имена этих людей, сыгравших значительную роль в установлении внеполитических российско-чешских контактов, незаслуженно забыты.

Поскольку съезд проходил при поддержке славянского благотворительного общества в России, без участия государства, заявлен был его аполитичный характер и красной линией на встречах и в дискуссиях проходила идея «славянской взаимности», т. е. взаимной поддержки в сохранении национальной идентичности, национальной культуры и национального языка. Открывая этнографическую выставку, где широко были представлены славянские народы, Ламанский в своей речи обозначил суть события: «Где наука, там свобода убеждения, свобода мысли и слова. Связывая славянских представителей во имя науки, Москва... собирает славян под знамя свободы... Москва соединяет славян, не стирая, не уничтожая их племенных особенностей, разнообразия, напротив признавая их народные и исторические права» [цит. по 1, с. 103].

Для массового сознания чехи в России позиционировались как «просвещенный народ», который благодаря своему ревностному приобщению к знанию и науке добивается для себя лучшей жизни.

В 1901 г. в Москве вышла книга в серии «Популярно-научная библиотека А.Ю. Монацковой» «Чехия и чехи» (для юношества и самоучек). Гл. IX под названием «Народное образование: газеты, библиотеки, музеи» начиналась так: «Чехию можно причислить к самым просвещенным странам Европы. Богатый или бедный, но с семилетнего возраста он должен посещать школу...» [8, с. 43]. И далее: «Естественно, что просвещенный народ живет иначе, чем темный, так как образованный человек имеет другие удовольствия, другие стремления, чем необразованный. Необразованному человеку достаточно для развлечения беседы о каких-нибудь пустяках...; поэтому он охотно прибегает к спиртным напиткам и всякую свободную минуту от скуки проводит во сне. Образованный же человек развлекается иначе. Правда, каждый чех не прочь выпить, повеселиться, потанцевать, но прежде всего он любит читать, узнать что-нибудь интересное, научиться чему-нибудь новому» [8, с. 45]. Как видим облик образованного чеха далек от идеального, но каждый раз подчеркивалась его трудолюбие, старательность, любознательность. Любознательность удовлетворялась чтением книг: «...издание книг ...поставлено в Чехии очень хорошо. ...Несмотря на то, что там книги дороже наших, они расходятся очень быстро. Чему приписать это? Чехи не богаче нас, но книги стали для них хлебом насущным, без которого нельзя жить. Чех будет экономить

на одежде, на еде, на питье, пройдет десять верст пешком, вместо того, чтобы удобно проехать по железной дороге, но книжку купит, на книжки и газеты денег не пожалеет. Из книжек и газет чехи научаются многому – и недурно им живется...» [8, с. 68]. Заканчивался очерк словами о том, что ни один из славянских народов «не может сравняться с Чехией ни образованностью, ни обеспеченностью и даже богатством, отличающим жизнь чехов» [8, с. 74]. Таким образом, для русского народа устанавливался образец того, что личное и общее благополучие зависит от степени приобщения к знанию, науке. И.М. Сеченов высказывал следующую мысль: «Наука всегда и везде представляет кульминационный пункт духовного развития, всегда и везде служит самым верным пробным камнем на культурность расы. Раз такая проба выдержана, раса сама собою вступает в семью культурных народов» [7, с. 13].

После революции ситуация в России для думающих людей сложилась трудная: часть ученых и мыслителей вынуждены были выехать за рубеж, чтобы продолжать свои исследования. Здесь Чехия сыграла существенную роль. Как уже говорилось, она приняла первую волну русской эмиграции. «Русское дело» в Праге, начатое первым президентом Чехии Т. Масариком и организованное под руководством министра иностранных дел Э. Бенеша, считается одной из значимых страниц истории международных отношений и не получило еще должной исторической оценки. Эти политические лидеры встали во главе так называемой «русской акции» и разработали план материальной и духовной помощи русским беженцам. В Праге возникло государство (русскоязычных ученых) в государстве при полной поддержке и лояльности чешской власти к дружественному славянскому народу.

Лояльность народа и правительства ученые-эмигранты объясняли гуманистическими традициями чешской мысли. Среди значимых деятелей, сформировавших сознание (ментальность) чехов, они отмечают Я. Гуса, Ф. Палацкого, К. Гавличка, первого президента Т. Масарика.

В. Архангельский писал: «Естественное чувство гуманности и сострадания к русским беженцам, пережившим глубочайшие духовные и материальные потрясения, чувство благодарности к русскому народу, отдавшему во время великой войны лучших своих сынов на борьбу против Германии и Австрии, и глубоко заложенная в культурной и политической традиции чехословацкого народа тяга к великой северной державе, России, долженствующей играть провиденциальную роль в судьбах славянства, уже в значительной мере подготовили почву для расцвета в Чехословакии "русского дела". К широкой постановке "русской акции" в Чехословакии приводил и тот круг философских, моральных и политических идей,

который по традиции передавался в чехословацком народе от одного поколения к другому и обнаружил свое несомненное влияние на направление внешней и внутренней политики молодой республики. Имевшие глубокое значение для духовного развития чехословацкого народа идеи Палацкого, Гавличка и ... Т. Масарика, выдвигавшего на первый план в качестве нравственного долга и исторического призвания чешского народа на борьбу за гуманность и восполнение материальной культуры духовным содержанием, служили довольно сильным стимулом к возможно более широкой помощи той части русского народа, которая революционными бурями была оторвана от родной почвы... Руководители молодой республики по самым основам своего философского, морального и политического мирозерцания не могли отказать в приюте и первоначальной помощи политическим эмигрантам, каковы бы ни были их политические убеждения» [6, с. 243].

Аполитичность, как отмечал Архангельский – одна из характерных черт «русской акции». Симпатизируя «демократическим группировкам», помощь оказывалась всем по степени нужды, с одним лишь условием, не превращать организации, осуществляющие поддержку, в орудие политической борьбы и пропаганды каких бы то ни было политических идей. Помощь осуществлялась преимущественно через русские организации и учреждения, созданию которых способствовало Чехословацкое правительство. Репатриацию и денационализацию оно не считало выходом в решении проблем беженцев. И нашло третий выход – создание социальной инфраструктуры, где беженцы из России могли бы наладить самостоятельно свой быт и не зависеть от внешних фактов – количество выделенных денег на обучение, жилье, питание и другие бытовые нужды. Были организованы школы, профессиональные артели, архивы, исследовательские институты, медицинские организации и т. п. Этот метод разрешения «беженской проблемы...создали Чехословакии в глазах всей Европы большой авторитет» [6, с. 249].

Другие европейские государства под влиянием Чехословакии пересмотрели свою политику в отношении беженцев из России. Следующая волна эмиграции (1922 г.) прибыла в Париж и Берлин уже на подготовленную почву. Архангельский писал: «...в памяти русского народа навсегда останется благодарность чешскому народу, сумевшему не только оказать существенную помощь его сыновьям в тяжелую годину исторических испытаний, но и поставить вопросы русского беженства на высоту международной проблемы» [6, с. 252].

Итак, на территории Чехословакии была создана не только социально-экономическая инфраструктура для успешной ассимиляции русскоязычного населения, но и плодотворная научно-культурная

среда. В 20-х гг. XX в. в ЧСР действовали различные общественные и научные организации. Обобщенно их цели и задачи можно сформулировать так: продолжая писать для России, внести вклад в развитие культуры Чехии. Среди академических учреждений и обществ особенно ярко себя проявили Русская академическая группа, философское общество, Народный университет, Русский институт, Русский заграничный исторический архив (РЗИА).

Русская академическая группа в ЧСР возникла, как свидетельствуют источники, осенью 1921 г. и располагалась по адресу Praga II, Lazarska 11/V, rokoj 4. Почетным председателем группы был избран инженер, профессор А.С. Ломшаков (впоследствии – главный технический консультант промышленного предприятия «Шкода»), первым председателем – правовед Н.И. Новгородцев (после него Академическую группу возглавляли П.Б. Струве, затем Е.В. Спекторский и В.А. Францев). Деятельность группы была направлена на пополнение научного сообщества новыми членами, в силу чего она сводилась «к производству испытаний на ученые степени и устройству диспутов для защиты диссертаций» [6, с. 38]. Например, были защищены: диссертация Г.В. Флоровского «Историческая философия Герцена» на степень магистра философии, В.А. Погорелова «Из наблюдений в области древне-славянской переводной литературы» на соискание степени магистра всеобщей истории и ряд других по естествознанию (ботанике, зоологии, химии). При Академической группе была учреждена комиссия для проведения испытаний по курсу историко-филологического факультета русских университетов.

Вся русская учебная деятельность обеспечивалась членами данной организации: на русском юридическом факультете лекции читал Новгородцев, в Карловом Университете на философском факультете – В.А. Францев, А.А. Кизеветтер, Н.Л. Окунев, на юридическом факультете – Е.В. Спекторский, на философском факультете Масарикова университета в Брне – С.Г. Виленский, на философском факультете университета Коменского в Братиславе – В.А. Погорелов, в пражском политехникуме – А.С. Ломшаков. Русская академическая группа активно сотрудничала с другими обществами – Русское историческое общество, философское общество, общество юридических и общественных знаний, общество русских врачей.

Философское общество в Праге возникло в конце 1924 г. как отделение «Общества русской философии» в Берлине (1922). Позже стало самостоятельной организацией. На 1928 г. в философском обществе состояло 29 чел., из них 17 жили в Чехословакии и 12 вне ее пределов. В разное время в правление входили Н.О. Лосский, С.И. Гессен, Д.И. Чижевский, И.И. Лапшин. Как декларировали сами организаторы, «задачей общества является научное общение рабо-

тающих над философскими вопросами ученых разных специальностей. ... Участие в заседаниях общества и прениях по докладам не только философов, но и представителей конкретных наук, не только русских, но и ... ученых иных славянских национальностей...» [6, с. 62]. С этой задачей общество успешно справлялось и тем самым выполняло функцию объективного осмысления научных исследований, что было важно для развития реалистического умонастроения, но что невозможно было по идеологическим соображениям в самой России. Наряду с этой основной задачей философское общество стремилось к популяризации философских знаний как синтетическому знанию, которое способствует целостному пониманию действительности. Исходя из этого стремления, правление общества почти все заседания делало открытыми для публики. Значительное число докладов было опубликовано в русских, чешских, немецких, французских и английских журналах.

Собственно образовательные функции выполнял Русский народный университет (основан в 1923 г.). РНУ – чешско-русское просветительское учреждение, ректором которого основное время был русский ученый, зоолог М.М. Новиков. В РНУ работало пять отделений: 1) общественных наук (председатель проф. Н.С. Тимашев), 2) историко-философское (проф. А.А. Кизеветтер); 3) естественных и прикладных наук (Н.М. Могилянский); 4) по изучению Чехословакии (проф. Ю.И. Поливка); 5) курсов русского и иностранных языков (проф. Е.А. Ляцкий). Слушатели Народного университета пользовались лабораторной базой Карлова университета (для естественного отделения). В состав народного университета входило философское общество. Работали также кружки и семинарии: по отделению историко-философскому: 1) семинарий по изучению Ф.М. Достоевского (А.Л. Бем), 2) семинарий по изучению Л.Н. Толстого (Е.А. Ляцкий); 3) кружок ревнителей русского слова (руководитель С.В. Завадский); кружок по психологии творчества (И.И. Лапшин). Кроме прямой своей задачи – обучение – Народный университет преследовал цель культурного сближения чешского и русского народов. Эту же цель преследовал и открытый на заседании Второго съезда представителей Русских академических организаций за границей Русский институт (16 октября 1922 г.). Русский институт предлагал слушателям (чешским и русским) лекции и циклы лекций по литературе, философии, праву, искусству. Некоторые лекции собирали большое количество слушателей. Например, на лекции проф. А.К. Кизеветтера о русском театре и о Сергия Булгакова «У стен Херсонеса» (философские диалоги) присутствовало свыше 150 слушателей. А на торжественном собрании, посвященном памяти академика Н.П. Кондакова и Ф. Палацкого, было до 300 слушателей [6, с. 233]. В качестве лекторов в Русском институте выступали такие известные в истории русской мысли личности, как проф. С. Бул-

гаков, Г.В. Фроловский, В.В. Зеньковский, академик П.Б. Струве, проф. И.И. Лаппо, академик В.А. Францев, проф. Н.О. Лосский, проф. И.И. Лапшин, проф. А.А. Кизиветтер.

Труды упомянутых ученых и мыслителей были объединены в издании под названием «Ученые записки» (1924–1928 г.) в 3 т.: 1-й том – гуманитарные науки (философия, история, филология), 2-й – математические науки, физика, химия, техника, 3-й – биология и медицинские науки (3-й том не был опубликован по причине отсутствия финансирования). Эти труды на настоящий момент мало изучены и достойны отдельного исследования.

Значительная часть ценного исторического материала эмигрантской русской науки находилась в Русском заграничном историческом архиве (РЗИА), который был основан в 1923 г. как архив русской революции. Как писали сами участники этих событий «Инициаторов создания ...Архива одухотворяло стремление (полное значение не только для настоящего времени, но и для самого отдаленного будущего) предохранить от распыления и гибели, столь возможных в условиях пребывания русской эмиграции, те исторически-архивные ценности, утрата которых была бы невознаградимой для истории такого исключительного периода, как мировая война, революция и гражданская война в России» [6, с. 43–44]. Архив возглавлял (до 1939 г.) чешский историк и публицист Ян Славик, научная и профессиональная карьера которого пострадала из-за его оппозиционности советской власти, выступлений против большевизма и приверженности делу сохранения русского наследия. В 1945 г РЗИА был расформирован, и Я. Славика запретили публично выступать и печатать статьи.

В настоящее время интерес к архивным материалам возрос: активизировался процесс так называемого эмигрантоведения (в публицистической литературе появился такой термин) с целью объективного изучения наследия «русского зарубежья». В 2011 в Праге при совместной работе пражской Славянской библиотеки (туда передана часть РЗИА) и Государственного архива Российской Федерации издан полный каталог собраний документов, отражающих обсуждаемый период русской истории. «Обнародование» архивных документов позволяет открыть другую, альтернативную историю русской общественной и научной мысли, отличную от так называемой «официальной версии».

Таким образом, у российско-чешского сотрудничества есть научные и исторические перспективы. Изучение историко-культурного и научно-философского наследия русского зарубежья, сохранившегося в Чехии, будет способствовать определению российской национальной идентичности в глобализирующемся мире и, возможно, создаст предпосылки для рождения той самой национальной идеи, которая является предметом множественных современных дискуссий.

Список литературы

1. Досталь М.Ю. Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. – М., 1998.
2. Кин Н. Современная западная наука на русской почве (по поводу первого съезда русских естествоиспытателей) // Отечеств. записки. – 1868. – № 2 (февр.). – Т. CLXXVI.
3. Менделеев Д.И. Заветные мысли // Собр. соч. Т. 23. – М.-Л., 1952.
4. Оноприенко В.И. Русская наука в изгнании // Вестн. АН СССР. – 1990. – № 5. – С. 65.
5. Протасова Е.Ю. Русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии: автореф. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2012.
6. Русские в Праге 1918–1928 / ред.-изд. С.П. Постников. – Прага, 1928. Репринт. – СПб., 1995.
7. Сеченов И.М. Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию. – СПб., 1883.
8. Чехия и чехи. – М., 1901.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).072:008

О. Б. Островский

Императрица Мария Федоровна и русская художественная культура 1801–1825 гг.

В статье рассмотрена культурно-историческая роль вдовствующей императрицы Марии Федоровны (Софии Доротеи Вюртембергской) в годы правления ее старшего сына Александра I. В статье рассматриваются: эстетические вкусы и приоритеты императрицы; ее деятельность по руководству женскими учебными заведениями; методы и результаты воспитания (в том числе эстетического) собственных детей; ее роль как мецената, владелицы Павловска и Елагина острова, хозяйки самого престижного литературного салона, главного вдохновителя культа «Александра Благословенного».

The article is dedicated to the widow empress Maria Fyodorovna (Sophia Dorothy of Wurtemberg) and the cultural and historical role she played in the reign of her elder son Alexander I. In the article the following is analysed: aesthetic tastes and priorities of the empress; her activities as a manager of educational institutions for female; methods and results of education (including aesthetic education) of her own children; her role as a patron of arts, the owner of Pavlovsk and Elagin Island, the hostess of the most fashionable literature salon, the main inspire of the cult of Alexander the Blessed.

Ключевые слова: императрица Мария Федоровна, Александр I, русская история, русская культура.

Key words: empress Maria Fyodorovna, Alexander I, russian history, russian culture.

В годы правления Александра I второй фигурой, оказавшей влияние на парадно-официальную сторону русской культуры, являлась императрица *Мария Федоровна (1759–1828)*. Ее личности и деятельности посвящены панегирическая книга Е.А. Энгельгардта [19], бесстрастная работа Н.Ф. Дубровина [6], разделы в трудах М.И. Богдановича, К. Валишевского, Н.К. Шильдера, вел. кн. Николая Михайловича, а самое полное и подробное исследование – монография Е.С. Шумигорского [18]. Интересные сведения о педагогических воззрениях императрицы и их реализации содержатся в очерке Н.С. Карцева о Мариинском (Екатерининском) институте [8], а также в монографии Н.П. Черепнина об обществе благородных девиц [17].

Популярной компиляцией этих работ является книга И.Б. Чижовой («Императрица Мария Федоровна») и другие ее публикации («Пять императриц», «Судьба придворного живописца. В.Л. Боровиковский в Петербурге», «Хозяйки литературных салонов»), проникнутые гламурно-монархической ностальгией по «блестящему Петербургу». Значение художественных пристрастий императрицы там явно преувеличивается, а личные качества, деятельность по руководству благотворительными и женскими учебными заведениями предстают в сентиментально-патетическом ореоле. Статистика говорит о другом: в РГИА (Ф. 759. Оп. 1. Ч. 1, 2) из 7796 документов 1801–1825 гг., адресованных Марии Федоровне и ее секретарю Г.И. Вилламову, с художественной культурой связано 29 (0,4 %). В основном это счета за купленные произведения и просьбы об оплате труда игравших для нее музыкантов. Примерно такую же картину представляет фонд Г.И. Вилламова в рукописном отделе РНБ (Ф. 143). С вопросами художественной культуры там связано три единицы хранения из почти четырехсот. Даже если учесть, что Николай I сжег личный архив матери для сокрытия фактов, компрометирующих ее супружескую верность и содержащих тайну рождения младших детей, вряд ли в число уничтоженных попали документы, связанные с эстетическими пристрастиями императрицы.

«Мария Федоровна была женщина добрая, благотворительная, недалёковидная и ограниченная, немка в душе, пропитанная всеми династическими и аристократическими предрассудками» [5, с. 234]. «Она была до того бережлива, что, <...> не колеблясь, присвоила себе все старые платья, оставшиеся от первой жены Павла, и не стеснялась требовать у камеристок даже башмаки покойной: “столь она скупа” <...> Рядом с этим она любила до страсти пышность, внешний блеск, церемониальные празднества и торжества, но также и мелкие придворные интриги» [3, с. 23–24]. Подобным же образом в художественных пристрастиях Марии Федоровны эклектично смешивались идеи просветительского реализма, сентиментализма, рококо и классицизма. Культурно-историческая роль Марии Федоровны видится в следующем.

1. *Мать, озабоченная воспитанием детей, повлиявшая на их эстетические вкусы.* «Любящая мать с несколько сентиментальной позой» [4, с. 30] была грозой своих детей. Для них визит или пребывание в Павловске были тяжким испытанием. На первой стадии обучения императрица сама давала детям уроки французского, а играть на арфе училась одновременно с дочерьми. Под ее руководством ставились домашние комедии и «антологические интермедии». С детства детей водили в театр и на придворные маскарады. Однако эстетическое воспитание удалось только в отношении дочерей.

Что касается воспитания младших сыновей, то эту сторону деятельности Марии Федоровны вряд ли можно признать удачной. Она упорно противодействовала их милитаристским склонностям, игнорируя и пытаясь переломить их интересы. По признанию Николая I, «Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор <...> страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум» [10. Т. 1, с. 82]. «Строгая к этикету» [10. Т. 2, с. 10], она с утра до вечера была затянута в парадное, церемониальное платье, принуждая к тому же приближенных. «Ее отличала строгость ко всему, что касалось этикета <...> и отвращение к малейшей фамильярности ее сыновей с частными людьми» [10. Т. 1, с. 214]. При этом она делала им замечания в присутствии посторонних лиц и дам. Деспотическую власть над младшими сыновьями государыня сохраняла и позднее, упрекнув, например, Николая с женой в том, что они нанесли визит императрице Елизавете Алексеевне, не спросив на то разрешения у Марии Федоровны.

Как показала история, попытки матери привить Николаю и Михаилу либерально-просветительские представления, гуманитарные знания и «правильные» эстетические вкусы окончились крахом. Николай I, описывая интерьеры Зимнего дворца, где прошло его с Михаилом детство, признался: «Комната была оштукатурена с богатой живописью фресками в античном вкусе по золоченному фону; такой же был и карниз; паркет великолепного рисунка был сделан из пальмового, розового, красного, черного и другого дерева, в некоторых местах сильно попорченный ружейными прикладами и эспантонами моих старших братьев, – изъян, который Михаил и я с тех пор старались усугубить, свалив, конечно, все это на наших братьев» [10. Т. 1, с. 74]. Став императором, Николай I с той же «любовью к искусству» брал из эрмитажных кладовых пейзажи ненавистных ему фламандцев и голландцев и вписывал в них стройные ряды войск в исправной амунии. Вопреки матери, художественные вкусы Николай Павловича, не без влияния его жены Александры Федоровны и ее учителя В.А. Жуковского, склонялись к англо-немецкому романтизму с его тягой к рыцарскому средневековью.

О вкусах Михаила Павловича говорить не приходится. «Михаил лишь только сдал последний экзамен, заколотил огромным гвоздем свой шкаф с книгами» [5, с. 295]. Владелец шедевра ампириной архитектуры – Михайловского дворца работы К.И. Росси, учившийся графике у О.А. Кипренского, в Лувре «Михаил Павлович подходил к Репнину и признавался, что он большой невежда в картинах и совсем не понимает, что хорошо, что дурно; это примечательно в человеке, воспитанном возле Эрмитажа» [16. Л. 13]. То же и с

музыкой: на концерте Анжелики Каталани – самой высокооплачиваемой певицы Европы, Михаил и Константин Павловичи «весь вечер... между собою разговаривали; обыкновенные, ничего не значущие шутки и более ничего; ни один не сказал ни слова об искусстве музыки и пения» [9, с. 353]. Завещая младшему сыну Павловск, Мария Федоровна, помня об отсутствии у него вкуса, благоразумно оговорила: «...с условием, чтобы дворец, сады, парки, оранжереи, <...> и прочие могущие впредь основаться заведения, одним словом, чтобы все угоды этого прекрасного имения сохранились хорошо и в том же виде как в настоящее время» [7, с. 119–120]. «После перехода Павловска в собственность вел. кн. Михаила Павловича (по смерти Марии Федоровны в 1828 г.) музыкальная жизнь во дворце надолго замерла. На плацу теперь ежедневно гремели барабаны на парадах, которые устраивал великий князь. В дурную погоду учения переносились внутрь дворца, и под духовой оркестр солдаты маршировали в Тронном зале. В праздничные дни в парке, на возвышениях в Больших Кругах, у подножий статуй Мира и Правосудия, играла тоже только "военная музыка"» [12, с. 21]. Подобное происходило и в Михайловском саду Петербурга.

2. *Теневой* и «превосходный», по мнению Н.М. Карамзина, «*министр народного просвещения*», «министр благотворительности», «мать всех сирот» (М.И. Богданович). После смерти Екатерины II государственные женские учебные заведения, институты глухонемых и слепых, воспитательные дома и приказы общественного призрения перешли в ведение Марии Федоровны. На ее личные средства Д. Кваренги построил в столице здание Мариинской больницы для бедных. С 1802 г. в ведомство Марии Федоровны отчислялось 10 % от сборов всех театральных трупп. В отличие от Екатерины II, цель женских учебных заведений государыня видела не в создании особой породы дворянок, интеллектуальной и высоконравственной, а в воспитании примерных жен, матерей и хозяек ("Kinder, Kuche, Kirchen"). Основное место в учебном плане отводилось Закону Божьему, литературе (преимущественно французской), иностранным языкам, рукоделию, музыке, танцам. Развлечения стали редкими и скромными.

Эти принципы были распространены на Смольный, Екатерининский и Патриотический институты. «Их воспитанием руководит сама императрица и доставляет им все, что может дать богатая семья своим детям. Порядок и изящество замечаются даже в мелочах жизни институтской, и в основу преподавания изящных искусств положены религия и нравственность» [1, с. 56]. Восхищение мадам де Сталь прогнозируемо, поскольку с попустительства Марии Федоровны развилась показуха, ставшая с тех пор устойчивой чертой системы народного образования, особенно в закрытых заведениях.

Принципом институтской педагогики была «демонстрация успехов». Чтобы не испортить картины успеваемости, на уроках плохих учениц не вызывали. Перед экзаменом каждая заранее получала вопрос и тщательно его репетировала. За неопрятность наказывали строже, чем за невыученные уроки. Классные дамы хранили и по своему усмотрению распоряжались деньгами учениц, контролировали каждый их шаг, круг чтения, имели право вскрывать и читать их письма. Воровство администрации имело такой масштаб, что бывшие смолянки всю жизнь с содроганием вспоминали мерзкую пищу и холод в спальнях.

Императрица с наслаждением составляла сама и заставляла преподавателей составлять особые таблицы лекций с исчислением количества часов занятий подневно, понедельно, помесечно. Подобные таблицы были введены во всех учебных заведениях ее ведомства. С тех пор подобная канцелярщина культивируется бюрократическими структурами народного образования в ущерб реальному процессу образования, воспитания и развития подрастающих поколений.

3. *Владелица шедевров русского искусства – Павловска и Елагина острова*, где в полной мере проявились ее художественные вкусы. Резиденции императрицы для многих в России являлись образцом дворцовой и усадебной жизни. В Павловске, который Екатерина II подарила великокняжеской чете по случаю рождения Александра I, Мария Федоровна стремилась создать особую художественную среду, во многом противоположную официально насаждаемому классицизму. Для некоторых мастеров искусств поэтизация Павловска стала почти беспроектным ходом в поисках благоволения императрицы. Павловск – крупнейший русский пейзажный парк XVIII в., где воплотились принципы европейского паркостроения, навеянные эстетикой рококо, просветительского реализма и сентиментализма. Облик дворцово-паркового комплекса отразил эволюцию вкусов хозяйки с 1779 по 1828 г., которые в свою очередь являлись отражением эстетических приоритетов эпохи. В этой связи в развитии ансамбля можно выделить следующие этапы: 1) 1779–1786 гг. – палладианский период, связанный с творчеством Ч. Камерона. Он создал Дворец, храм Дружбы, храм Аполлона, Собственный садик и другие сооружения, ставшие образцом изящества, чувства меры, гармонии природы и архитектуры. «Бунтарь» по натуре, Камерон с иронией относился к эклектичным вкусам Марии Федоровны, что, вероятно, и послужило основной причиной его увольнения в 1786 г. «за нерасторопность»; 2) 1786–1801 гг. – эклектический период, связанный с деятельностью В. Бренны, готовым строить все, что угодно и в каком угодно вкусе; 3) 1801–1828 гг. –

ампирный период, связанный с творчеством А.Н. Воронихина (1803–1814), К.И. Росси (1815–1828) и П. Гонзага.

Апофеозом культурной жизни Павловска стало торжество 27 июля 1814 г. в иллюминированном Розовом павильоне по случаю возвращения из Франции российских войск. В подготовке праздника участвовали Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, Ю.А. Нелединский-Мелецкий и др. Музыка сочиняли Д.С. Бортнянский, Ф. Антолини и, возможно, С.И. Давыдов, а исполняли лучшие певцы русской оперы – В.М. Самойлов, П.В. Злов, Н.С. Семенова в сопровождении двух хоров Придворной певческой капеллы. Декорации написал П. Гонзага. В числе многочисленной блестящей публики находились привезенные из Царского Села лицеисты.

Последний масштабный праздник состоялся в Павловске 6 июня 1816 г. по случаю свадьбы вел. кн. Анны Павловны и принца Оранского. В постановках была задействована балетная труппа Ш. Дидло, более ста воспитанников театральной школы, десятки музыкантов и певчих. Солистки Е.С. Сандунова и Н.С. Семенова пели русские песни. Для хороводов из окрестных деревень доставили две сотни крестьянских девушек и парней. У Розового павильона П. Гонзага создал декорацию швейцарской деревни на фоне гор. Перед ней на лугу разбили «лагерь союзных войск», где разместились гвардейские полки. Праздник, начавшийся в 20 часов, продолжался при свете костров до утра. Меланхолический лирик Ю.А. Нелединский-Мелецкий, опасаясь, что его стихи не понравятся императрице, пришел за советом к Н.М. Карамзину, а тот отправил его в Лицей к юному Пушкину. Согласно преданию, лицеист написал стихи за два часа. Он присутствовал на празднике, который совпал с его семнадцатилетием. Возможно, именно в этот день поэт вынес для себя судьбоносное решение: никогда больше не писать по заказу двора. Императрица вскоре прислала ему золотые часы, но Пушкин их «разбил нарочно о каблук». Позднее он каялся: «Простите мне мой страшный грех, поэты, / Я написал придворные куплеты».

В 1818–1821 гг. К.И. Росси построил для Марии Федоровны на Елагином острове ансамбль, который сразу заставил говорить об авторе как о Воронихине, Захарове и де Томоне в одном лице. Создавая семь служебных павильонов, зодчий придал каждому неповторимые индивидуальные черты, а в их расположении отошел от классицистической симметрии, применив принцип свободной планировки. Масштаб предпринятых им земляных работ по рытью каналов и изменению очертаний берегов был беспрецедентен. Совместно с Д.-И. Бушем Росси создал уникальный островной пейзажный парк, в структуру которого были включены рукава Невы, Финский залив, естественные и искусственные пруды и протоки, зе-

ленные массивы, система аллей и дорожек. Идеально найденные масштабы и ритм позволяли обозревать парковые пейзажи и архитектурные мотивы с наиболее эффектных точек.

Воронихин и Росси, верные «большому стилю», планировали весь интерьер, вплоть до мельчайших деталей мебели, посуды, тканей. Их работы в этой области считаются высшим достижением европейского ампира. Однако Мария Федоровна из экономии неоднократно заказывала дешевую мебель у модного Гамбса [14. Оп. 1. Ч. 2. Д. 282. Л. 38].

4. *Заказчица произведений и покровительница мастеров искусств.* На досуге, наряду с рукоделием, императрица занималась миниатюрной живописью и медальерным делом под руководством академического резчика К. Либрехта. Интерес к глиптике она унаследовала от свекрови. Но если Екатерина II своим художественным увлечениям отдавалась со страстью дилетанта, то Мария Федоровна – с приземленной немецкой методичностью. Столь же рациональны ее живописные вкусы. В каталогах Павловского дворца-музея среди картин, купленных «супругами Северными» во время полуторалетнего европейского вояжа, лишь одно небольшое полотно восхищает фактурной живописью и внутренней экспрессией – «Св. Варфоломей» Х. Риберы. Все остальное – холодная академическая школа, просветительская бытописательность и дидактизм.

Подобно тому как в облике Павловского парка сентиментальные черты сменялись ампирами, в живописных предпочтениях Марии Федоровны сентиментализм (Ж.-Л. Вуаль, Э. Виже-Лебрен, И.-Б. Лампи, В.Л. Боровиковский) уступил место ампиру (А.Е. Егоров, В.К. Шебуев, Г.Г. Угрюмов). Она увлеклась творчеством немецкого скульптора И.-Х. фон Даннекера и способствовала его избранию вольным общником Императорской академии художеств [14. Оп. 1. Ч. 1. Д. 159. Л. 35–37, 78; 13. Оп. 16. Д. 130. Л. 1–3]. В архитектурных пристрастиях Марии Федоровны просматриваются два подхода: 1) личный – привлечение к строительству и оформлению ее резиденций лучших зодчих (Камерон, Бренна, Воронихин, де Томон, Росси), оплата, скрепя сердце, их дорогостоящих затей; 2) служебный – привлечение к сооружению зданий для учреждений ее ведомства архитекторов с противоположными качествами – склонных к суровой простоте, дешевизне, функциональности, принципиальных врагов ампира (Кваренги, Михайлов-первый, Стасов). «При открытии второго училища солдатских дочерей, в Большой Конюшенной, государыня жестоко сердилась на архитектора, который далеко пошел за смету» [5, с. 289]. Показательна в этой связи неудача Д. Кваренги при сооружении невиского фасада Смольного института, совершенно очевидная в сравнении с построенными в те же годы фасадами Биржи Ж.-Ф. То-

ма де Томона. Неудача, порожденная сочетанием скупости императрицы и старомодного палладианского вкуса зодчего.

Готовя в 1801–1802 гг. дочь Марию к роли герцогини Веймарской, Мария Федоровна стала устраивать семейные чтения произведений немецких писателей. В это время, с опозданием в 20 лет, она открыла для себя Ф. Шиллера. Императрица послала автору перстень, прониклась к нему симпатией, а после личного знакомства Шиллер стал для нее живым классиком. Именно классиком, поскольку со смертью поэта (1805) ее интерес к романтизму угас. Охладев к В.Л. Боровиковскому, Мария Федоровна заказала у модного О.А. Кипренского портреты вел. кн. Николая и Михаила. На фоне творческого кризиса художника эти работы были вполне удачны, но больше заказов от царского семейства Кипренский не получал. К Дж. Доу она тоже не проявляла интереса, то ли по причине неприятия его свободного романтического письма, то ли из-за дороговизны его портретов. Любимым портретистом императрицы был посредственный немец Г. Кюгельхен. Она наградила перстнем живописца такого же ранга Мюллера [14. Оп. 1. Ч. 1. Д. 158. Л. 33] и оплачивала обучение в Академии некоего Збруева [15. Оп. 1. Ч. 2. Д. 343. Л. 1–3].

Переломным стал 1812 г. Смертельно напуганная императрица и ее двор (даже при беглом знакомстве с камер-фурьерскими журналами двора Марии Федоровны бросается в глаза гораздо больший, чем у ее сына, процент немцев – около половины) неоднократно пытались склонить Александра I к переговорам с Наполеоном. В 1812 г. ей писали донесения генералы М.Б. Барклай де Толли, Ф.Ф. Винценгероде, П.Х. Витгенштейн, И.Д. Иловайский, М.И. Кутузов, М.И. Платов, А.П. Тормасов, П.В. Чичагов, Ф.Ф. Штейнгель, Ф.Ф. Эртель. В 1813 г. страх прошел, Мария Федоровна вспомнила об этикете и стала переписываться только с главнокомандующими. Отечественная война и заграничные походы породили у нее идею-фикс войти в историю в качестве матери «Агамемнона Европы», «восстановителя царств» и «сокрушителя Наполеона». Ей нужны были мастера искусств, способные достойно эту идею воплотить. В 1812–1815 гг. она настойчиво приглашает ко двору или оказывает знаки внимания Н.И. Гнедичу, К.Н. Батюшкову, И.А. Крылову, В.А. Жуковскому, Г.И. Угрюмову, А.Е. Егорову, В.К. Шебуеву, В.П. Стасову, И.Г. Гомзину. Ее фрейлинами стали дочь Н.М. Карамзина, жена П.А. Вяземского, девица Матильда Бетанкур.

В 1815 г. императрица вместе с вел. кн. Анной Павловной нанесла визит в Академию художеств. Выразив благоволение Академии, она перешла к главной цели: «пожаловала оной собственных трудов своих большую Золотую медаль, посвященную Государю-

императору, которую ея императорское величество соизволила сама положить на стол в конференц-зале» [15. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2510. Л. 1]. На медали под всевидящим оком красовались надписи: «Избавитель народов», «Александру Благословенному», дата капитуляции Парижа – 19 марта 1814 г. Так Академии подсказывалась главная тематика творчества.

Особая роль в этих планах отводилась Н.М. Карамзину. Императрица вступила с ним в активную переписку, мотивируя свой интерес в следующих выражениях: «Я весьма радуюсь однако успешному ходу ваших трудов, ибо надеюсь что вы тем скорее приметесь за наше достопамятное время, превосходящее все прошедшие чудесными происшествиями <...> и Розовый Павильон, в котором я праздновала возвращение Императора с победителями, возымеет может быть приятное влияние на историографа их славных подвигов» [11. Ф. 143. Д. 165. Л. 4]. Однако переход от средневековья к современности противоречил научным интересам Карамзина и ставил под сомнение его репутацию человека «самых честных правил». 4,5 года историк оборонялся вежливыми отписками, уклоняясь от личной встречи с императрицей.

Ничего не вышло и с И.А. Крыловым, который явился к «строгой до этикета» императрице в новом сюртуке, «забыв» снять с пуговиц бумажные обертки. В отношении Н.И. Гнедича и К.Н. Батюшкова она, видимо, не очень-то и старалась. Зато ей вполне удалось «приручить» В.А. Жуковского, который стал придворным чтецом Марии Федоровны, благодаря «Посланию Императору Александру». Это произведение обычно не включают в собрания сочинений Жуковского, чтобы не портить его имидж. По выражению А.А. Бестужева, «Из савана оделся он в ливрею, / На пудру променял свой лавровый венец, / С указкой втерся во дворец / И там, пред знатными сгибая шею, / Он руку жмет камер-лакею». Подтверждением тому являются альманах «Fur Wenige» (1818) и «Павловские» стихи (1819–1820), вызвавшие осуждение даже друзей поэта за ничтожность тематики и «поэтический маньеризм».

Видимо, следует согласиться с К. Валишевским, видевшим роль «идиллической и элегической, но, в сущности, очень прозаической владелицы Павловска» лишь в спонсировании строительных и садово-парковых работ. Ряд фактов говорит о черством ее отношении к мастерам искусств. Мария Федоровна несколько раз увольняла «за ненадобностью» и бросила на произвол судьбы Ч. Камерона. В.Л. Боровиковский годами не получал денег за выполненные портреты. По утверждению М.П. Погодина, императрица стала виновницей преждевременной смерти Н.М. Карамзина: «14 декабря провел почти весь день в Зимнем дворце и на Дворцовой и Исаакиевской площадях, куда императрица-мать посылала его в мундирном одея-

нии, в башмаках, шелковых чулках, узнавать о ходе рокового события. В него кидали камнями. К концу дня он изнемог и уже не был в силах <...> За тем императрица-мать ежедневно звала его к себе, и тут он в присутствии Николая Павловича говорил смело и решительно про ошибки предыдущего царствования, должен был вступить в споры с Мариєю Федоровною. Эти поездки в Зимний дворец подорвали здоровье Карамзина» [10. Т. 1, с. 136].

5. *Хозяйка самого престижного литературно-художественного салона.* С момента основания Павловска там сложилась любительская труппа из придворных дам и фрейлин, камергеров и камерюнкеров. Они ставили отрывки из французских и русских комических опер, интермедии-пасторали, восхвалявшие семейные добродетели великокняжеской четы, пели и играли на музыкальных инструментах под руководством Д.С. Бортнянского. В конце 1780-х гг. труппа «благородных» актеров распалась.

В 1801–1825 гг. в Павловске изредка выступала с балетами и комическими операми придворная французская труппа. В 1812 г. был представлен первый русский водевиль («Казак-стихотворец» А.А. Шаховского и К.А. Кавоса). Музыка постоянно звучала «по вечерам в летнее время», за обедами, на балах и приемах, во время пышных прогулок Марии Федоровны со свитой. Однако она служила лишь фоном среднего уровня. В штатных расписаниях двора музыкантские должности не указаны. Приглашались придворные музыканты из Царского Села и Петербурга, роговые оркестры гвардейских полков. Музыкальную жизнь Павловска представляли ничего не говорящие фамилии Ф.-А. Тица (Дитца), И. Кирнбергера, И. Плейеля и т. п. Такой же серостью, по мнению компетентного мемуариста [2, с. 325–356] и музыковедов, отличаются объемистые сборники увертюр к французским и итальянским операм, нотный материал, хранящийся во дворце-музее. В океане этой продукции крохотными островками выглядят отдельные симфонии Ф.-Э. Баха, Й. Гайдна, В.-А. Моцарта. После Отечественной войны Мария Федоровна стала предпочитать итальянской и французской опере русские песни и дивертисменты в исполнении русской оперно-балетной труппы и Придворной певческой капеллы.

В своих литературных вкусах императрица разделяла отвращение Павла I к энциклопедистам, но немецкая романтическая поэзия тоже осталась ей чуждой. Круг ее чтения идентичен с кругом чтения Татьяны Лариной, иронически описанным Пушкиным в главе 3 «Евгения Онегина». Русской литературы она не знала и не интересовалась ею. Камер-фурьерские журналы в качестве редких ее гостей фиксируют фамилии «века минувшего»: Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, М.Н. Муравьев, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, М.М. Херасков. Н.И. Греч вспоминал: «Когда меня представили ей, она заговорила

со мной по-французски; я отвечал ей так же. Потом попросила меня начать упражнения и, когда я скомандовал: "Смирно!", – изумилась и сказала: "Как вы хорошо говорите по-русски!" Модерах подошел к ней и сказал: "Как господину Гречу не говорить по-русски: его дед был моим профессором в кадетском корпусе, и сам он русский писатель и грамматик". Государыня спросила меня о моем происхождении и, узнав, что оно большей частью немецкое, изъявила свое удовольствие» [5, с. 288–289]. Показательно, что до марта 1820 г. императрица даже не слышала фамилии издателя самого популярного русского журнала 1812 г.

Н.Н. Врангель [4, с. 29–38] описал типичную литературную забаву – шараду (живые картины), устроенную Марией Федоровной с помощью Ш. Дидло 4 февраля 1822 г. в Эрмитаже в честь Марии Павловны, герцогини Саксен-Веймарской. Шарада в аллегорической форме восхваляла: 1) А.Д. Кантемира; 2) М.В. Ломоносова; 3) А.П. Сумарокова; 4) «Россияду» М.М. Хераскова; 5) Д.И. Фонвизина; 6) Г.Р. Державина; 7) Е.И. Кострова и В.П. Петрова – переводчиков Гомера и Вергилия; 8) «Душеньку» И.Ф. Богдановича; 9) «Дидону» Я.Б. Княжнина; 10) басни И.И. Хемницера; 11) «Димитрия Донского» В.А. Озерова; 12) «Пожарского» М.В. Крюковского. За ними следовали аллегории поэтов герцогства Саксония-Веймар: Х.-М. Виланда, И.-Г. Гердера, Ф. Шиллера, И.-В. Гете. Данная забава демонстрировала принципиальный уход от современной русской литературы и поэзии: все восхваляемые авторы, кроме Гете, были «покойниками» из школьной хрестоматии.

«Иногда, для забавы общества, приглашались проезжие фокусники с учеными обезьянами, собаками <...> иногда было литературное чтение; читали: Жуковский, Уваров, Плещеев; дамы занимались вышиванием, а великий князь читал карикатуры <...> Но эти вечера были не часты и, кажется, немногие их любили. Чаще всего играли в фанты и в так называемые *charades en action*» [10. Т. 1. С. 11–12]. Периодическое присутствие при дворе скованных этикетом И.И. Дмитриева, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Н.И. Гнедича, И.И. Крылова, Д.С. Бортнянского, А.Н. Оленина не меняло общей пустоты великосветской жизни. По духовному и культурно-интеллектуальному уровню двор Марии Федоровны и близко не стоял с салонами Строгановых, Карамзиных, Муравьевых, Олениных, Е.И. Голицыной, З.А. Волконской.

Список литературы

1. 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. – Л., 1991.
2. (Арнольд Ю.К.) Воспоминания // Русский архив. – 1891. – Кн. 2.
3. Валишевский К. Сын великой Екатерины. – М., 1993.

4. Врангель Н.Н. Художественная забава императрицы Марии Феодоровны // Врангель Н.Н. Свойства века: Статьи по истории русского искусства. – СПб., 2000.
5. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М., 2002.
6. Дубровин Н.Ф. Императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ее биография. Т. 1. – СПб., 1892.
7. Завещание императрицы Марии Федоровны. 1 ноября 1826 г. // Рус. старина. – 1882. – Т. 33.
8. Карцев Н.С. Мариинский институт (1797–1897). Исторический очерк. – СПб., 1897.
9. (Михайловский-Данилевский А.И.) Из воспоминаний // Рус. старина. – 1897. – Т. 92.
10. Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. – М., 2000. – Т. 1–2.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 143. № 165.
12. Розанов А.С. Музыкальный Павловск. – Л., 1978.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733.
14. РГИА. Ф. 759.
15. РГИА. Ф. 789.
16. Тургенев С.И. Дневник // ОР РНБ. Ф. 585. № 5712.
17. Черепнин Н.П. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк (1764–1914): в 3 т. – СПб., 1914–1915. Т. I.
18. Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна. Ее биография: в 2 т. – СПб., 1892.
19. (Энгельгардт Е.А.) Императрица Мария Федоровна в богоугодных ее заведениях. – СПб., 1832.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) «1763/1765»(093)

А. П. Орлова

К вопросу об изучении третьей ревизии

В статье исследованы массовые исторические источники по истории населения России. На примере изучения материалов третьей ревизии 1765 г. по селению Кузьмино в предместье Санкт-Петербурга рассмотрены важные вопросы информационного потенциала первых ревизий и их взаимосвязи с источниками церковного и административного учета.

Research of historical mass sources on history of Russian population in the XVIII century is in the focus of the article. Example of the study of III Revision materials of 1765 on village Kuzmino nearby Saint-Petersburg is concentrated on important aspects revealing informative potential of first revision documents and their links with church and administrative records.

Ключевые слова: изучение источников, структура населения, ревизия.

Key words: source study, structure of population, revision.

Административный учет населения России был организован с начала XVIII в. по указам Петра I. С введением подушного налогообложения большую часть населения России стали фиксировать ревизии. Ревизская душа считалась единицей налогообложения до следующей ревизии и в случае смерти человека. Крестьяне, купцы, мещане были обязаны выплачивать подати государству и записывались в ревизские сказки. Неподатные сословия – духовенство, ямщики, дворяне и чиновники, армия и флот, иностранцы в перепись включались редко. Ревизии не проводились в Польше, Финляндии, Закавказье, а в первой, второй и шестой ревизиях не учитывали женщин.

Первичными источниками для исследования истории населения считаются ревизские сказки, куда записывали личные сведения о человеке, его семье, социальном статусе. Обычно составлялись два экземпляра сказки: один отправлялся в казенную палату, второй – в местное казначейство. Обобщающие материалы ревизий включают генеральные таблицы и окладные книги. Генеральные таблицы подготавливались на момент окончания ревизии. С четвертой ревизии были введены окладные книги, которые содержат итоговые сведения о численности населения по сословиям. Проверка данных ревизских сказок возможна по исповедным росписям и метрикам как материалам текущего церковного учета, рекрутским спискам и полицейским отчетам.

В качестве примера исследования материалов первых ревизий можно избрать ревизские сказки третьей ревизии по дворцовому с. Кузьмино, поселению поблизости с Царским Селом и Санкт-Петербургом.

Первая официальная ревизия Ингерманландии состоялась в 1732 г., и сегодня ее материалы хранятся в РГАДА Москвы. При исследовании источников административного учета по истории Царского Села в РГИА и ЦГИА Санкт-Петербурга в фонде Царскосельского дворцового правления выявлены ревизские сказки селения Кузьмино за 1763–1765 гг. [7].

По шведскому описанию в подаренных Екатерине Алексеевне мызах до их заселения числилось 47 деревень. Жители некоторых из них не покорились новым властям. Для безопасности Царского Села из его окрестностей началось выселение местных жителей. «Для заселения слободы Пулково было разорено и сведено в леса 11 латышских деревень, для села Царского – 10, слободы Кузьминой – более 15 деревень» [1, с. 102]. Часть жителей получила новые наделы в лесистой и болотистой местности. Непогодородные земли вскоре были заброшены, крестьяне бежали в Восточную Финляндию. Другие были переселены в деревни вблизи Гатчины.

Первая половина XVIII в. характеризуется конфликтами местных жителей с переведенными крестьянами. «В 1717 г. крестьяне слободы Кузьминой в прошении в дворцовое Царскосельское правление жаловались, что "маймисты не дают нам запахивать свои бывшие земли и косят луга сами"» [1, с. 102]. Финны-ингерманландцы разорялись и уходили в город на заработки. Дворцовой администрации приходилось мириться с этим и переводить их на денежный оброк. И все-таки в XVIII–XIX вв. дворцовое с. Кузьмино, как и Пулково, выросло в несколько поселений. Благодаря росту населения рядом с Большим Кузьмино появились Малое, Редкое и Верхнее Кузьмино.

Что привело в столь сложных и противоречивых условиях к расцвету эти поселения и благополучию их жителей? Чтобы ответить на данный вопрос, исследуем ревизские сказки 1763–1765 гг. Однако сначала стоит обратить внимание на название поселения, которое не встречается в источниках до начала XVIII в. Рассмотрим несколько версий. В XIX в. считали, что: «Селение получило свое название от какого-то Кузьмы, первого здешнего поселенца, современника Петру Великому» [2, с. 449]. Из Царского Села в с. Кузьмино в 1747 г. была переведена Успенская церковь со старого Царскосельского кладбища. «Так как кладбище находилось вблизи дворца и плач по умершим тревожил сердце и слух императрицы Елизаветы Петровны, то кладбище было закрыто. Успенская церковь была перенесена в Кузьмино, и там стали хоронить покойников из Царского Села до 1783 г., когда устроено нынешнее кладбище на

месте гибели Ланского» [2, с. 351]. В 1785 г. в с. Кузьмино была построена каменная церковь Благовещения.

По церковным материалам начала XVIII в. можно уточнить происхождение названия этой местности. Сведения о числе церквей за 1722 г. были подготовлены священнослужителями Санкт-Петербурга и губернии по приказу Петра I. Рукопись датирована 10 марта – 5 апреля 1722 г. Материалы о числе церквей, их приделах, причте указывалось «взять в тиунскую кантору» [8. Л. 2]. Каждый ответ, отправленный менее чем в течение месяца, охватывает от одного до нескольких храмов в приходе и составлен с обязательным описанием расположения храма, «где в урочищах, и в уездах, где чья вотчина» [8. Л. 2]. Все ответы написаны в одной форме: реестр церквей и подпись. Сведения о церквях будущего Царскосельского уезда включены в состав описания Копорского уезда. По материалам описания можно установить, что большая часть православных церквей Копорского уезда была воссоздана в центрах прежних погостов и мызах, а новые освящались как домовые в поместьях. После характеристики старинных церквей в мызах Копорского уезда в деле приведен список по Царскому Селу и ближайшим поселениям. Отдельно составлен реестр храмов Петербурга и Царского Села:

- Церковь Преображения Господня, что на кирпичных заводах;
- Церковь великомученицы Екатерины, что в дворцовом Селе Красном.
- Церковь Успения Пресвятыя Богородицы, что в Селе Сарском, при той церкви поп Козма Васильев;
- Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, что в вотчине графа Гаврила Ивановича Головнина Копорского уезду в селе Благовещенском» [8. Л. 20 об.].

Список датирован 10 марта 1722 г. По этому реестру можно предположить, что село получило устойчивое название после переноса церкви по имени священника – Кузьмы Васильева.

Из материалов по истории населения с. Кузьмино до 1770 г. метрик не дошло. Метрические книги с. Кузьмино (в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга) с лакунами охватывают 1770–1911 гг., а исповедные росписи – 1773–1864 гг. [9]. Сохранились только ревизские сказки по третьей ревизии, в которой впервые стали учитывать всех жителей – и мужчин, и женщин [7]. Для мужчин, кроме фамилии, имени и отчества, фиксировалось сословие, сколько лет по последней ревизии «состояло и после оной прибыло», «из того числа выбыло» (отметка о годе смерти) и «ныне на лицо». Также в сказку заносились перемены места приписки, работы и сословия. Для женщин записывалось семейное положение и его изменения, а также переезд и возраст – «во временной отлучке с котораго времени и ныне на лицо (лета)» [7. Л. 3], здесь же уточнялись случаи смерти среди женщин и детей.

Сведения о каждом хозяйстве записывались на отдельный бланк под ревизским номером, служившим связью ревизской сказки и рекрутского списка для того, чтобы уточнить состав семьи возможного рекрута. Ревизские сказки собирались все вместе, сверялись. В течение ревизии в сказки вносились изменения о прибывших и убывших. Сказки с. Кузьмино были составлены в 1763 г. и исправлены через два года в 1765 г.

Сведения о жителях поселения охватывают время от предыдущей ревизии – 1744 г. до 1765 г. Исправления за 1763–1765 гг. отражают данные о родившихся и приехавших, присоединившихся к сельской общине, о девушках, которые вышли замуж за кузьминских крестьян из других поселений. Внесены в сказки и отметки об убыли жителей за эти годы из-за смерти, отъезда или переводе на работы в Царское Село. В сказки вписаны 574 чел. Только для двух человек внесена правка как о прописных душах. Незаписанными по прошлой ревизии оказались крестьяне – один – двадцати лет – новорожденный при второй ревизии, – а второму в 1744 г. было 52 года и в 1763 г. исполнился 71 год.

Информационный потенциал ревизских сказок с. Кузьмино позволяет рассмотреть состав населения по полу и возрасту как по третьей, так и по второй ревизии. Косвенно – по поправкам, внесенным в графу об убыли из-за смерти и выезда и с учетом родившихся между ревизиями – по возрасту детей и молодежи м.п. до 20 лет можно рассчитать и возрастной состав мужчин с. Кузьмино на 1744 г. Для 141 крестьянина в 1744 г. большей части населения села – записи уточняют возраст от полугода до 82 лет.

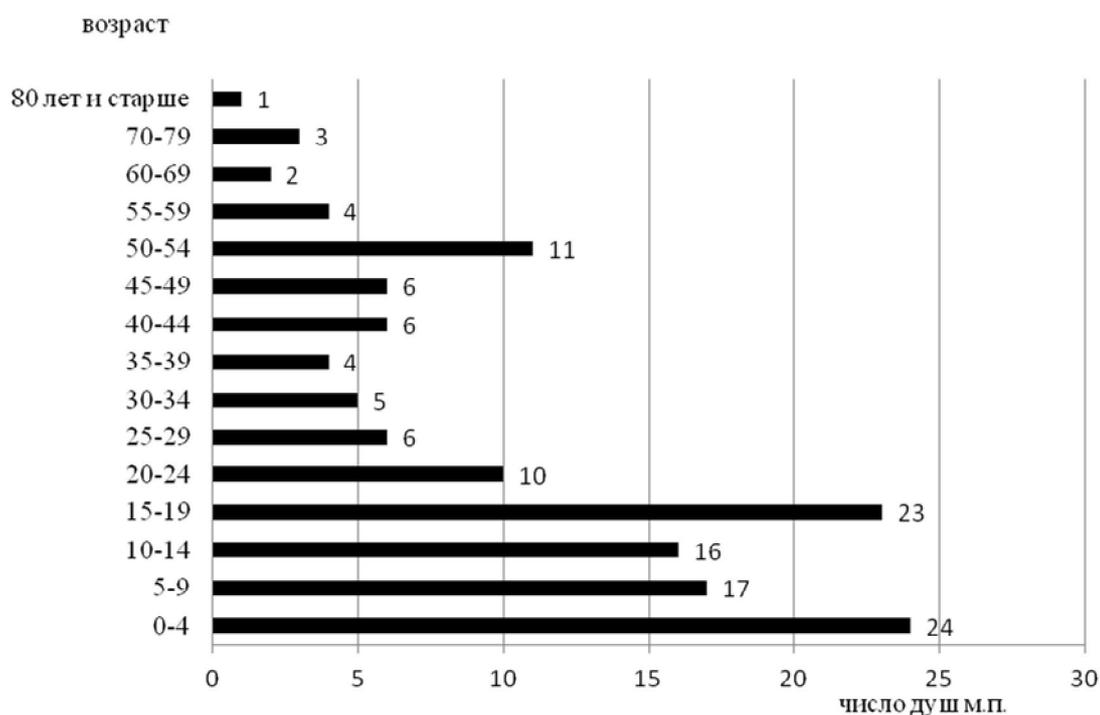

Рис. 1. Распределение по возрасту мужского населения с. Кузьмино в 1744 г.

К 1744 г. прошло только время одного поколения с момента переселения на новые земли. Поэтому можно предположить, что структура мужского населения дворцового села по возрасту (рис. 1) немного увеличилась за счет детей, родившихся после переезда, но в целом сохранила очертания первоначальной. Молодежь в 1744 г. насчитывала 96 чел. (41 ребенок до 10 лет, 39 чел. 10–19 лет и 37 двадцатилетних мужчин). Основа крестьянского населения – работники с 30 до 60 лет – насчитывала 36 хозяев, а к людям старше 60 лет относились 6 чел. в 1744 г. По сравнению с пирамидой третьей ревизии (рис. 2) в 1740-е гг. население было не только меньше по численности, но и меньше по числу детей, подростков и мужчин старше 60 лет. К третьей ревизии 1763–1765 гг. мужское население Кузьмино с учетом убыли достигло 190 чел.: от 3 недель до 77 лет.

Смертность за 1744–1765 гг. изменялась следующим образом: самыми опасными в 1740-е гг. стали 1745 и 1746 гг. – с 1744 до 1750 г. в с. Кузьмино записано 9 случаев смерти, тогда как за следующее десятилетие – 22, а в 1760–1765 гг. – 9, еще одна помета о смерти очень нечеткая – её можно прочесть и как 1765 г., и как 1769 г., что изменяет датировку всего дела на 1769 г. Средняя продолжительность жизни мужчин за 1744–1760-е гг. по ревизским сказкам Кузьмино составила 46,5 лет. Самая ранняя смерть записана для ребенка 2,5 лет, а самая поздняя для долгожителя с. Кузьмино 86 лет.

К третьей ревизии структура населения существенно изменилась благодаря значительному приросту детского населения. Возраст долгожителей среди мужчин уменьшился до 77 лет. За счет перехода 40 и 50-летних жителей в следующие возрастные группы (соответственно 60 и 70-летних) выросла доля лиц старшего возраста. Дети от 3 недель и подростки до 15 лет составили большую часть жителей с. Кузьмино, с 15 до 30 лет – 53 чел., а с 30 до 60 лет – 43 души м.п. За счет увеличения числа детей в семьях снизился средний возраст мужского населения: в 1744 г. он был равен 23,5 годам, а к 1763 г. «помолодел» до 22,8 лет.

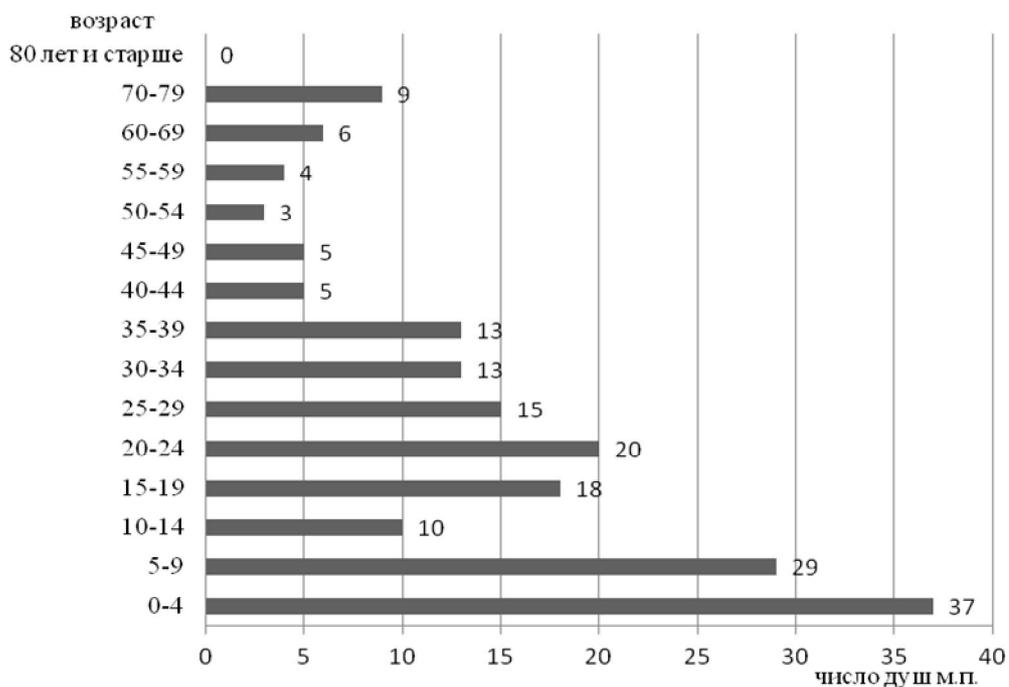

Рис. 2. Распределение по возрасту мужского населения с. Кузьмино 1763–1765 гг.

В ревизских сказках третьей ревизии появляются записи о женском населении с. Кузьмино. В ревизской сказке записи о женах следуют только после характеристики взрослых мужчин – ревизских душ. В сказке одного хозяйства вначале кратко заносились сведения о главах семей, их возрасте, прозвищах, данных по второй ревизии, и отметки об убыли, и только после этого внимание обращалось на жен и детей мужского и женского пола до 20 лет. Несмотря на выезд многих дочерей при замужестве в другие поселения, сведения о них фиксировались в с. Кузьмино. Поэтому при анализе возрастного состава женского населения в с. Кузьмино необходимо уточнять семейное положение и новое поселение, где живут женщины. С учетом «брачной миграции» в 1763 г. в с. Кузьмино жили 169 женщин, тогда, как всего из 427 изученных записей 193 относятся к душам женского пола. Для сопоставления возрастной пирамиды мужчин и женщин на примере с. Кузьмино необходимо работать только с данными о тех, кто на момент ревизии проживал в поселении, что отражено на рис. 3.

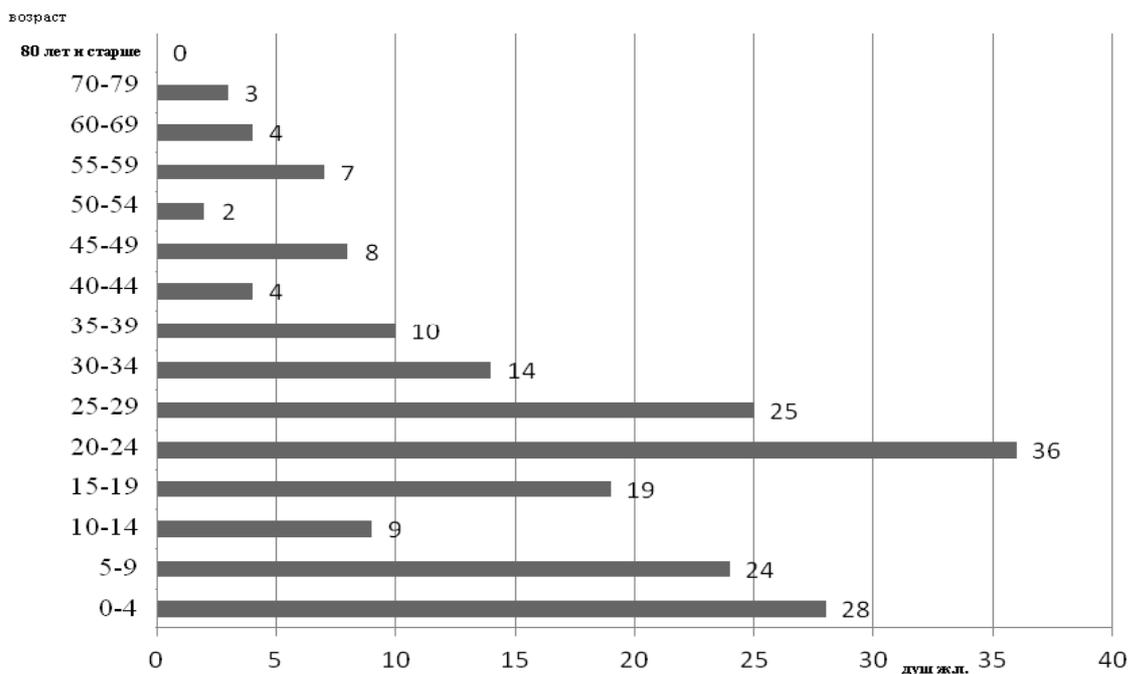

Рис. 3. Распределение по возрасту женского населения с. Кузьмино в 1763–1765 гг.

По ревизским сказкам большая часть девушек вышли замуж и уехали из с. Кузьмино в 20–22 года. Одновременно с этим встречаются в сказках записи о женщинах 26–30 лет, недавно взятых замуж в Пулково, сл. Рыбную, Красное Село, Ижору и Усть-Ижору. На рис. 4 показано количество женского населения в сравнении между собой (проживавшие в Кузьмино и все ревизские души ж. п.) и в сопоставлении с возрастной структурой мужского населения. При общем сравнении численности душ мужского и женского пола видно превышение числа мальчиков до 9 лет над числом девочек, постепенное выравнивание групп к возрасту первого брака и значительный перевес женского населения с учетом выехавших для 20–29-летних жителей с. Кузьмино. С небольшим превышением доли женского населения отмечены 40 и 50-летние крестьяне, несмотря на то, что при переселении в 1708–1730-е гг. число мужчин в семьях переведенцев преобладало.

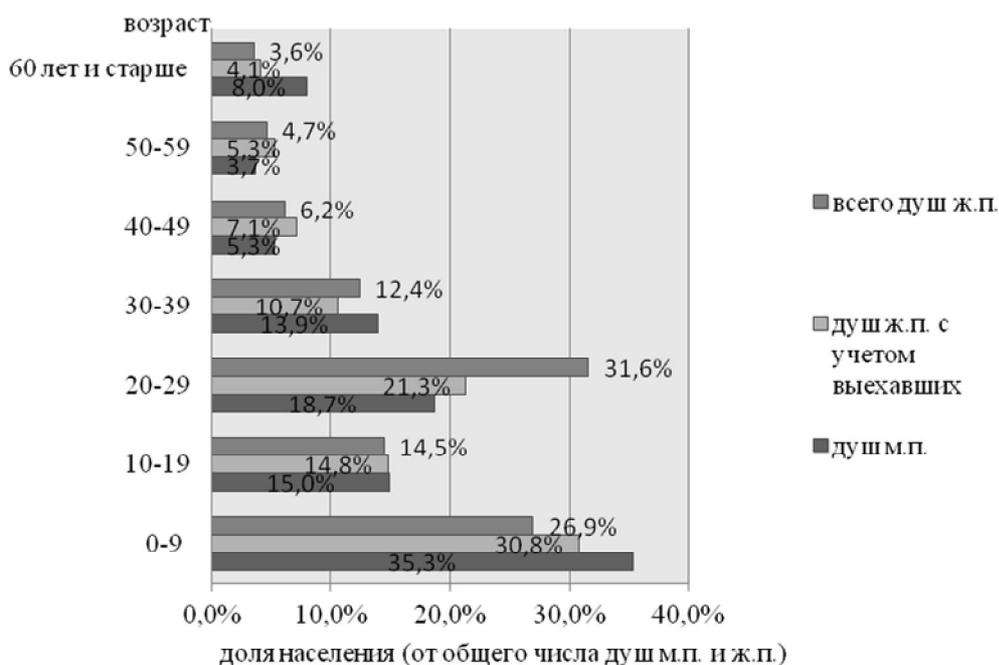

Рис. 4. Распределение по возрасту мужского и женского населения с. Кузьмино в 1763–1765 гг.

При описании женского населения стоит отметить, что 18 девушек были взяты замуж крестьянами с. Кузьмино из других селений. Одна из них к 20 годам родила двух сыновей, старшему из которых на момент ревизии исполнилось четыре года. Следовательно, женщина могла выйти замуж в 15–16 лет. Из семей местных крестьян 34 девушки вышли замуж и уехали в другие поселения. О семьях и детях таких крестьянок в ревизских сказках с. Кузьмино нет записи. Скорее всего, женщины записаны еще раз вместе со своими мужьями в ревизских сказках Пулково, Красного Села, Тярлево и Рыбной слободы. Зачастую сестры из семей в Кузьмино выходили замуж за братьев или друзей в семьях Пулково, за ямщиков Московской-Ямской слободы, Рыбной слободы или уходили за мужьями-каменщиками на плитные ломки.

В сравнении с женской «брачной миграцией» ревизские сказки очень слабо отражают переезды крестьян с. Кузьмино. Из всех отметок об убыли только две записи свидетельствуют о том, что двое мужчин переехали в Царское Село и Пулково на работы: в зверинце зверовщиком и для работы в саду. Один из них при переезде в Пулково вышел из ведомства Царского Села. Записи также свидетельствуют о двух мужчинах, ушедших из Кузьмино. Для 36-летнего крестьянина, который переселился в Славянку, причина не указана, а для другого, мужчины 33 лет, мотивом переезда стала больная мать-вдова в другом селе. В материалах сказано, почему он уехал из Кузьмино, а не куда. Возможно, это был столь редкий и общеиз-

вестный случай переезда взрослого сына к матери, что не было необходимости указывать поселение.

По характеристике населения, отраженной в ревизских сказках, можно предположить, что за счет «брачной миграции» женщин выезд из слободы практически в два раза превышает въезд. Без её учета ревизия 1763 г. даёт общую картину населения в с. Кузьмино (рис. 5).

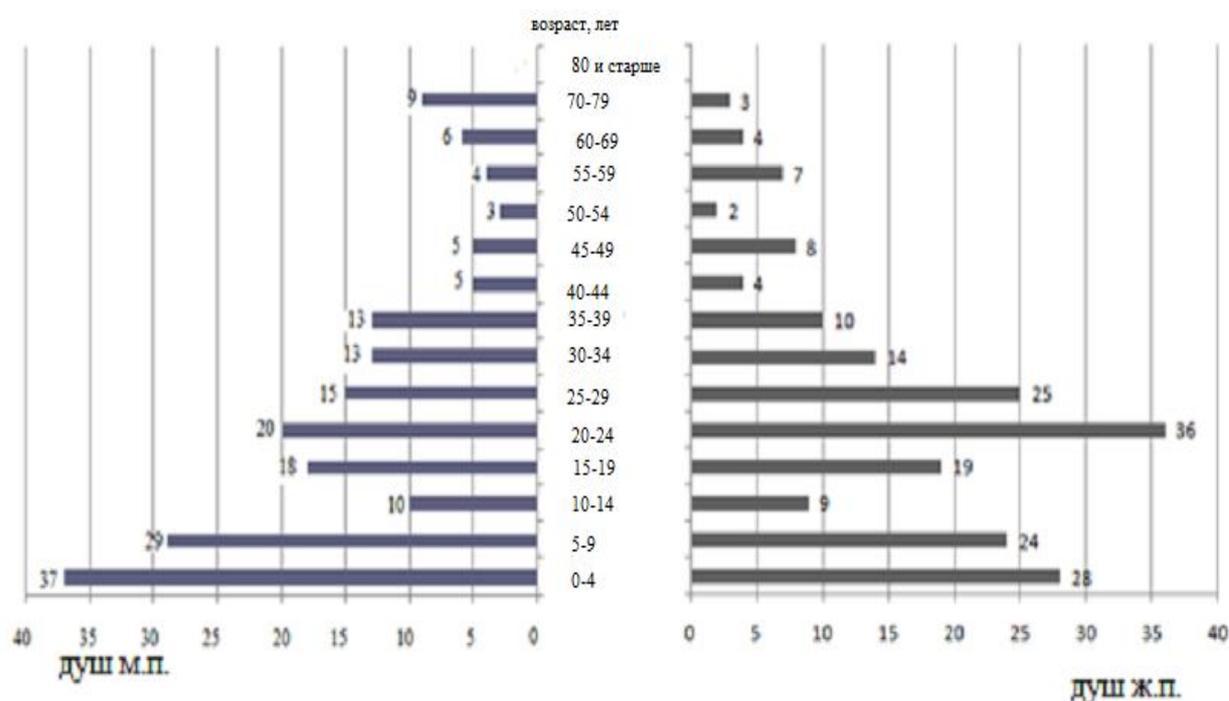

Рис 5. Структура населения с. Кузьмино в 1763–1765 гг. по данным третьей ревизии

По рис. 5 видно превышение числа мужчин с рождения до 14 лет среди сорокалетних и старше 60 лет. Заметно уменьшение численности населения в с. Кузьмино – «поясок» на пирамиде приходится на детей 10–14 лет обоего пола, что говорит об увеличении детской и младенческой смертности в 1750–1752 гг., смертность взрослых мужчин в эти годы в три раза выше (10 записей в графе об убыли), чем в 1753–1756 гг. (3 случая).

Итак, ревизские сказки дают возможность проанализировать состав населения по возрасту и полу. Сведения первых ревизий также отражают некоторые аспекты истории семьи XVIII в. Например, по данным ревизий можно описать возраст вступления в брак и семейное положение мужчин и женщин, число детей, порядок деторождения и частоту рождений в одной семье. При этом стоит упомянуть, что различие в возрасте жениха и невесты при вступлении в брак точнее всего отражается в церковных источниках: венечных памятях, метриках и исповедных росписях.

Среди материалов ревизии с. Кузьмино записи о браке отмечены для 99 мужчин и 112 женщин (без учета выезда). Для одиноких характерно отсутствие каких-либо сведений о семье – имя взрослых крестьянина или крестьянки вписывалось в сказку на небольшом расстоянии от других семей. Сразу после имени человека могли указать на потерю мужа или жены – записать вдова, вдовец, имя ушедшего супруга зачастую пропускалось у женщин после 50 лет. Не всегда вдовство уточнялось и для мужчин. Единственная запись после имени отца «а у него дети» – по принятому в Кузьмино порядку всех детей в полной семье записывали после имени матери, – говорит о ее смерти.

По возрасту старшего сына или дочери в семье можно выяснить возраст родителей при вступлении в брак. По возрасту детей, названных после имени матери, возможно изучить порядок рождения в семье и количество детей. При работе с данными о семьях можно охарактеризовать структуру семьи и домохозяйства, которое, как правило, в XVIII в. состояло из нескольких семей разных поколений (таблица).

Структура крестьянских семей с. Кузьмино в 1744–1765 гг.

Соотношение семей и детей	Количество детей в семьях							
	1	2	3	4	5	6	8	9
Количество семей по ревизии	20	22	15	17	11	5	2	1
Количество детей в таких семьях	20	44	45	68	55	30	16	9
Процент от общего числа семей	22	24	16	18	12	5	2	1
Процент от общего числа детей	7	15	16	24	19	10	6	3

Как выявлено из таблицы, к 1760-м гг. в с. Кузьмино в семьях русских переселенцев чаще всего было от 1 до 5 детей (92 % всех полных и неполных семей). Девять детей было только в одной семье, а по восемь – в двух, т. е. в трех многодетных семьях воспитывали 25 детей (9 % от всех детей села). Больше всего детей приходится на полные семьи с четырьмя детьми (преобладали мальчики). Максимум детей в общей численности населения сложился благодаря семьям с 4–6 детьми. В период ревизии в таких семьях (35 % от числа всех семей) росли 153 ребенка (53 % от числа всех детей).

Рассмотрим различия между женами и мужьями по возрасту при вступлении в брак. В 64 семьях выявлен большой разрыв в возрасте от 1 до 14 лет в пользу мужей. Различие в возрасте мужа и жены на примере с. Кузьмино основано на старшинстве мужчины на 1–4 года и встречено в 40,6 % семей. При разнице от 5 до 9 лет доля браков составляет 20,3 %, а при разнице более 10 лет – 13–14 лет – только 6 %. На браки ровесников приходится 9,3 % от числа всех семей.

Среди женщин есть те, которые вышли замуж дважды до 30 лет из-за смерти мужей, но случаев замужества, в которых невеста старше жениха, немного – только 17,2 % браков с разницей в два года в пользу невесты и 4,7 % (три брака) с превышением возраста невесты на 10–11 лет. Для девушек средний возраст вступления в брак составил 19–20 лет, а для юношей – 22–23 года. Однако для дочерей, которые только записаны по ревизии за семьями своих родителей, но вышли замуж и жили в Пулковом и других селениях, средний возраст первого брака равен 25,5 г. Молодым женам, которых крестьяне с. Кузьмино взяли замуж из соседних селений, в среднем было только 23,3 г. Все это обеспечило быстрый прирост населения в с. Кузьмино во второй половине XVIII в.

По сравнению с третьей ревизией на примере сказок с. Кузьмино главное отличие в материалах четвертой ревизии состоит в выделении граф для записи возраста женского населения по предыдущей и новой ревизии, о случаях выбытия. При записи в ревизскую сказку после перечисления детей, которые родились до ревизии, отмечаются рожденные в следующие после ревизии годы (до 17 лет) [6]. В поселениях при Царском Селе в 1796 г. (при переходе после смерти Екатерины II к новому владельцу) вновь определялись тягла – земля и крестьяне, выполнявшие повинности. В Кузьмино насчитывалось 342 тягла, а в Малом Кузьмино – 23 тягла [3, с. 440]. По ревизии 1802 г. население Кузьмино выросло до 812 душ м. п. (268 дворов). В Малом Кузьмино на 23 двора приходилось 62 души м. п. [3, с. 473]. Дошедшие до нашего времени материалы ревизий [5] и рекрутских списков 1844–1848 гг. по с. Кузьмино [4] важны для продолжения исследования. Изученные ревизские сказки помогают раскрыть на примере с. Кузьмино особенности движения населения и расцвета поселений в XVIII–XIX вв. вблизи с Царским Селом и Санкт-Петербургом.

Список литературы

1. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России: Первая половина XVIII века. – М., 1964.
2. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. – СПб., 1884. – Вып. 8.

3. История Села Царского. – СПб., 1833. – Т. 3.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 487. Оп. 9. Д. 875. Призывной список молодых людей из семейств, состоящих из трех и более работников [Б.д.].
5. РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 8721. Ревизия Кузьминковой части 2-го участка 1834 г.
6. РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 900. Ревизские сказки 1782 г.
7. РГИА. Ф. 487. Оп. 9. Д. 899. Ревизские сказки селения Кузьмино 1-го участка. 1765 г.
8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 1. Д. 162. Сведения о числе церквей и приделов, их местоположении, числе священников в Санкт-Петербурге, Ямбурге, Выборге, Копорье, Шлиссельбурге и уездах. 10 марта 1722 – 23 апреля 1722 г.
9. ЦГИА СПб. Ф. 19.

И. В. Фролова

**Призрение детей и подростков в Российской империи
во второй половине XIX – начале XX в.: обзор
постсоветской историографии***

В статье рассматриваются основные направления в развитии отечественной постсоветской историографии по вопросу об общественном призрении детей и подростков, с учетом общероссийской и региональной специфики.

This article considers the main directions of development of post-Soviet historiography of our country on the issue of public care of children and teenagers, with the account of the all-Russian and regional aspects.

Ключевые слова: историография, благотворительность, социальное призрение детей, история России, история Новгородской губернии.

Key words: historiography, charity, social care of children, history of Russia, history of Novgorod province.

Современным ученым, занимающимся изучением истории призрения детей и подростков, а также тесно связанной с ней темой становления и развития благотворительной системы в Российской империи, отечественная дореволюционная историография оставила богатое наследие в виде значительного статистического, описательного материала, а также наметила основные направления исследований. Обобщая изученный материал по данной проблеме, условно можно выделить три этапа в её развитии: а) начало XIX в. – 1917 г.; б) 1917 г. – конец 1980-х гг.; в) начало 1990-х гг. – по настоящее время. Задача же этой работы состоит в том, чтобы рассмотреть, как вопрос, касающийся призрения несовершеннолетних в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., отражается в отечественной историографии постсоветского периода.

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в российском обществе в начале 1990-х гг. и продолжающиеся до сих пор, привели к тому, что изучение российского исторического опыта в организации общественного призрения самых незащищенных слоев населения (в том числе и детей) приобрело особую актуальность. Поиски новой концепции создания многоуровневой структуры социальной поддержки, включающей в себя государственные и не-

государственные институты, активизировали научную деятельность, пополнив российскую историографию целым рядом обобщающих работ, в которых периоды становления и развития социального призрения детей и подростков получают новое историческое осмысление.

В начале 1990-х гг. проблемы российской благотворительности и призрения детей и подростков эволюционировали от отдельных статей и очерков публицистического характера [16; 22; 45] к профессиональным научным исследованиям [14; 15; 37; 41; 43; 44; 70]. При этом попытки детального рассмотрения вопроса социальной защиты конкретных категорий детей и способов оказания им помощи оставались в отечественной историографии крайне редкими [10; 36; 38; 65; 68]. На этом фоне особое внимание стоит обратить на работу В.Н. Егошиной и Н.В. Елфимовой [23]. Этот труд в настоящее время является, по сути дела, единственным, который в обобщенном варианте освещает исторический опыт детского призрения начиная с X и до 30-х гг. XX в., даёт характеристику общественного призрения детей в указанный временной промежуток, их положения в условиях трансформации российского общества в разные исторические периоды.

Во второй половине XIX в. в благотворительный процесс были вовлечены многочисленные правительственные и неправительственные организации, использующие всё новые способы поддержки детей. Этому способствовали проводимые Александром II либеральные реформы и учреждение земств, работа которых в современной историографии привлекает внимание историков, социологов, педагогов, экономистов. Исследования Н.А. Емельянова, В.Ф. Абрамова, В.В. Еремяна, Л.А. Жуковой, Л.Е. Лаптевой, М.В. Федорова и др. [1; 19; 24; 25; 26; 34; 35; 71], обобщая опыт деятельности и оценки практической значимости земств, затрагивают вопрос об их вкладе в дело защиты института детства. Однако эти ученые делают акцент на рассмотрении организационной роли местных органов управления, в первую очередь, в сфере здравоохранения и образования.

В современной историографии научный интерес вызывает тема социальных аномалий и путей их разрешения (в том числе проблема детской преступности в Российской империи) [28; 32; 58]. Региональный опыт, позволяющий представить особенности развития института воспитательно-исправительных заведений в Новгородской губернии, отражен в работах А.Э. Дубоносовой [21].

Анализ законодательной базы дореволюционной системы общественного призрения и благотворительности становится объектом изучения таких исследователей, как Е.А. Абросимова, Н.И. Комаров, Д.А. Пашенцев, С.В. Пашенцева, А.В. Васильев [2; 12; 29; 31; 67; 69]. Особенности же социально-правового положения

конкретной категории населения – детей-сирот – в своих работах отражает А.М. Нечаева [39; 40]. Она, изучив историографию вопроса, касающегося роли и места политики государства в сфере социальной защиты детства, концентрирует внимание на обстоятельствах принятия и содержании того или иного законодательного акта.

Рост значения православной веры в современной общественной жизни России приводит к тому, что интерес к изучению форм и способов социального призрения со стороны духовенства с учётом новых исторических реалий усиливается. В работах А.П. Афиногеновой, С.Г. Зубановой, Д.А. Пашенцева, А. Вертеловского представлен анализ общественной деятельности РПЦ, в том числе и в сфере призрения детей и подростков [8; 13; 27; 46; 58].

В современной историографической науке особое внимание стоит уделить трудам Г.Н. Ульяновой [63; 64], в которых не только дана характеристика исследуемых нами понятий, но и, что особенно важно, представлен источниковедческий анализ периодической печати по истории благотворительности в России («Детская помощь», «Вестник благотворительности», «Трудовая помощь», «Призрение и благотворительность в России»). В справочнике «Россия. 1913 год» [60], опираясь на данные статистики по общественному призрению как в Российской империи в целом, так и в отдельных регионах, автор впервые систематизирует материалы, касающиеся количества благотворительных учреждений и ведомств, их финансовых оборотов, численности лиц, воспользовавшихся помощью и т. д. Справочник значительно расширяет представления о состоянии экономики, общественных структур и духовной жизни России накануне Первой мировой войны и революций. Ряд работ Г.Н. Ульяновой [59; 61; 62] также затрагивают вопросы эволюции законодательства в области призрения и реализации благотворительных пожертвований, институционального развития филантропии и экономических механизмов благотворительности с учетом региональных особенностей.

Большую помощь исследователям оказывают аналитические обзоры дореволюционной литературы и исторических источников по проблемам благотворительности и общественного призрения. Одной из подобных работ является труд В.Г. Афанасьева и А.Р. Соколова «Благотворительность в России. Историографический аспект проблемы» [7]. Авторы ставят перед собой цель рассмотреть в историографическом разрезе процесс становления и развития благотворительности и призрения детей в России, уделив особое внимание его состоянию в XVIII – начале XX в. В этом же русле написаны работы А.В. Петровой «Проблема сиротства в современной российской исторической науке (историографический обзор)» и Т.А. Данько «Благотворительная и попечительная деятельность го-

родских и посадских управлений Новгородской губернии: аннотированный перечень документов (1870–1917 гг.)» [18; 47].

В последние годы активно издаются указатели и библиографические обзоры, посвященные отдельным проблемам изучаемой темы [11; 20].

В начале 2000-х гг. появляются диссертационные работы, рассматривающие данную проблему с учетом региональной и временной специфики. Так, Р.А. Новиков исследует исторический опыт общественного призрения детей и подростков в России с X по XX в., проследив этапы становления и развития социально-исторических форм помощи и поддержки несовершеннолетним [42]. М.Н. Раттур рассматривает особенности развития системы общественного призрения детей и подростков в годы правления Александра III (1881–1894) [51]. По мнению исследовательницы, именно в этот период обозначилось самостоятельное становление и развитие общественного призрения детей и подростков в России, характерными признаками которого стало формирование системы правовой защиты института детства, развитие территориальной сети учреждений призрения детства, активизация частной филантропической деятельности и общественной инициативы, оформление теоретических подходов к исследованию и обобщению социально-исторического опыта помощи детям, разработка и внедрение новых форм призрения детства.

А.С. Кузыченко в своей диссертации, анализируя состояние благотворительности на Северо-Западе, затрагивает проблемы, касающиеся социальной защиты детей на данной территории, в таких её формах, как приюты, богадельни, а также в форме «раздачи» несовершеннолетних на воспитание в крестьянские семьи [33]. Л.В. Хотимова раскрывает причины и условия трансформации системы детского призрения, анализирует деятельность учреждений центральных правительственных ведомств и местных общественных объединений в сфере детского призрения на Европейском Севере России с последней четверти XVIII до начала XX в. [66].

В последнее десятилетие появляются научные материалы краеведческого характера. Результаты этих пока небольших по объему исследований, связанных с функционированием новгородских благотворительных обществ и заведений в изучаемый период, представлены статьями в научных сборниках и центральных и местных журналах [17; 30; 48; 49; 50; 52].

На региональном уровне объектом отдельного изучения является вопрос о роли органов местного самоуправления в сфере благотворительной. Так, Т.А. Данько анализирует благотворительную деятельность Новгородской городской управы, показывает плюсы и минусы функционирования земских благотворительных учреждений,

отмечая высокий уровень работы и долговременность в функционировании земств, управ и благотворительных учреждений.

Новгородские историки и педагоги уделяют большое внимание и вопросу социальной заботы общества и государства о детях [4; 5; 53; 54; 55; 56]. В статье Т.Н. Рубахиной «Казенные дети» (Об округах Санкт-Петербургского воспитательного дома в Новгородской губернии)» рассматривается функционирование отделений Санкт-Петербургского воспитательного дома в Новгородской губернии, отражаются многие стороны существования воспитательных домов (например, решение внутренних вопросов, отношения с вышестоящими учреждениями, проблемы воспитания и обучения детей). В другой статье этой же исследовательницы «Призрение детей в Новгородской губернии XIX – начало XX вв.» в общих чертах описывается деятельность основных благотворительных учреждений для детей на территории Новгородской губернии (например, деятельность Боровичского сиропитательного дома, Николаевского детского приюта, Валдайского воспитательного дома и т. д.). В конце автор делает вывод о том, что в большинстве случаев призрение детей в данных учреждениях носило формальный характер, но «идея человеколюбия, чувство сострадания, необходимость благотворительной деятельности выкристаллизовались и прочно вошли в сознание общества» [53, с. 79].

Различные аспекты истории призрения и благотворительности в Новгородской губернии становятся темой целого ряда местных региональных научно-практических конференций, материалы которых являются составной частью современной историографии проблемы [3; 6; 9; 57].

Анализ отечественной историографии показывает, что круг изучаемых проблем по истории социальной работы расширяется, в научный оборот вводится разнообразный фактический материал, касающийся деятельности благотворительных заведений, государственно-общественного направления в сфере детского призрения. Тем не менее при всей методической и информационной ценности опубликованных работ проблемы формирования предпосылок и условий, путей эволюции системы общественного призрения института детства, частной благотворительной инициативы, а также исторического опыта функционирования системы призрения детей и подростков в Новгородской губернии с 1861 по 1914 г. рассматриваются фрагментарно. В связи с этим научное изучение и осмысление региональных особенностей становления и развития системы детского призрения с учетом динамики развития общероссийского опыта, обобщенный анализ деятельности всех субъектов социального призрения требует детального изучения, что является полезным как с познавательной, так и с практической стороны.

Список литературы

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. – М., 1996.
2. Абросимова Е.А. Законодательство о благотворительных организациях: российская история и зарубежный опыт // Закон. – 2003. – № 10. – С. 77–85.
3. Антонова Т.А. Из истории призрения детей в Новгородской губернии (середина XIX в. – начало XX в.) // Дифференциация и индивидуализация обучения и воспитания в системе непрерывного образования: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Стратегия и индивидуализация обучения студентов в русле Болонского процесса» и науч.-практ. конф. с междунар. участием «Педагогическое образование: история, современность, перспективы». – В. Новгород, 2010. – С. 202–205.
4. Антонова Т.А. Зарождение и становление системы призрения детей в России в X–XVII вв. // Пед. науки. – М., 2009. – № 2 (35). – С. 18–20.
5. Антонова Т.А. Зарождение и формирование государственной поддержки ребёнка в России XVII – первой половине XIX в. // Уч. зап. Ин-та непрерывного пед. образ. Вып. 10. – В. Новгород, 2008. – С. 8–13.
6. Антонова Т.А. Из опыта Болшевской коммуны по перевоспитанию малолетних преступников // Многоуровневое непрерывное образование: опыт, проблемы, перспективы: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы непрерывного образования в условиях глобализации: новые возможности и риски» и науч.-практ. конф. с междунар. участием «Педагогическое образование: история, современность, перспективы». – В. Новгород, 2010. – С. 256–264.
7. Афанасьев В.Г., Соколов, А.Р. Благотворительность в России. Историографические аспекты проблемы. – СПб., 1998.
8. Афиногентова А.П. Социальная активность русской православной церкви: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 1993.
9. Барканова Е.В. Частная благотворительность в сфере просвещения в Новгородской губернии // Науч.-практ. конф. «Из истории благотворительности в Новгородской губернии» (к 160-летию со дня рождения Г. М. Сметанина), Новгород, 25–26 мая 2005 г.
10. Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России: исторический очерк. – М., 1993.
11. Благотворительная помощь детям в дореволюционной России. – М., 1998.
12. Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России. – СПб., 2004.
13. Вертеловский А. Очерк истории благотворительности в русской церкви // Сфинкс. – СПб., 1994. – № 1. – С. 107–139.
14. Власов П.В. История благотворительности в России // Помогите ближнему! Благотворительность вчера и сегодня. – М., 1994. – С. 19–65.
15. Власов П.В. Обитель милосердия: О дореволюционных московских благотворительных учреждениях. – М., 1991.
16. Голубев В. В пользу бедных (о благотворительности в России) // Родина. – 1991. – № 3. – С. 79–90.
17. Данько Т.А. Охранение народного здоровья и общего блага // Чело. – 2001. – № 3. – С. 51–57.
18. Данько Т.А. Благотворительная и попечительная деятельность городских и посадских управлений Новгородской губернии: аннотированный

- перечень документов (1870–1917 гг.) // Новгород. арх. вестн. – 2005. – № 5. – С. 311–327.
19. Данько Т.А. Попечительская и благотворительная деятельность Новгородского управления. 1870–1917 гг. // Чело. – 2004. – № 3. – С. 42–48.
20. Дореволюционная Россия: социальные болезни и борьба с ними, помощь бедным. – М., 1998.
21. Дубоносова А.Э. Новгородские монастыри в системе исправительного воспитания несовершеннолетних (конец XIX – начало XX в.) // Новгород. арх. вестн. – 2009. – № 8. – С. 192–196.
22. Думова Н.Г. Московские меценаты. – М., 1992.
23. Егошина В.Н., Елфимова Н.В. Из истории призрения и социального обеспечения детей в России. – М., 1993.
24. Емельянов Н.А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития. – М., 1997.
25. Еремян В.В., Федоров, М.В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX в.). – М., 1999.
26. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество. 1864–1917 гг. – М., 1998.
27. Зубанова С.Г. Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995.
28. Касиев А.У. Особенности и пути деятельности общественных и других организаций по предупреждению и борьбе с детской преступностью, беспризорностью и безнадзорностью в пореформенный период // История государства и права. – 2003. – №3. – С. 44–47.
29. Комаров Н.И., Пашенцев Д. А., Пашенцева С.В. Очерки истории права Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) – М., 2006.
30. Косенко Н.Е. Благотворительные учреждения Новгорода // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Новгород, 1993. – С. 88–92.
31. Косенко Н.Е. Правовое регулирование деятельности благотворительных обществ и заведений в пореформенной России // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: тез. докл. и сообщ. науч. конф. – Новгород, 1994. – С. 134–138.
32. Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92–98.
33. Кузыченко А.С. Благотворительность на Северо-Западе России в 1861–1914 гг.: формирование системы и практика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Псков, 2005.
34. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. – М., 1993.
35. Лаптева Л.Е., Шутов А.Ю. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. – М., 1999.
36. Лебедев А.Г. История борьбы с нищенством и бродяжничеством в России XIX – начала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. – 2006. – № 4. – С. 111–126.
37. Миндлин Я.С., Косаговская И.И. Традиции медико-социальной благотворительности в России // Помогите ближнему! Благотворительность вчера и сегодня. – М., 1994.
38. Мишутинская О.В. Исторический опыт призрения детей-сирот в России // История государства и права. – 2006. – № 4. – С. 13–15.
39. Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность. – М., 1994.

40. Нечаева А.М. Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). – М., 2000.
41. Нещеретний П.И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. – М., 1993.
42. Новиков Р.А. Историческое развитие общественного призрения детей и подростков в России (X – начало XX в.): автореф. дис ... канд. ист. наук. – М., 2001.
43. Нувахов Б.Ш. Странноприимный Дом Н.П. Шереметева: Традиции российского милосердия, XVIII–XX вв. – М., 1994.
44. Нувахов Б.Ш., Лаврова И.Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII–XX в. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. – М., 1995.
45. Павлова Т.В. Благотворители // Памятники Отечества. – 1991. – № 1. – С. 82–86.
46. Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995.
47. Петрова А.В. Проблема сиротства в современной российской исторической науке (историографический обзор) // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 1. – С. 97–100.
48. Петрова Л.А. Из истории Демянской центральной районной библиотеки // Чело. – 2002. – № 1. – С. 86–89.
49. Петрова Л.А. Из истории народных библиотек Боровичского уезда конца XIX – начала XX в. // Чело. – 2003. – № 2. – С. 60–64.
50. Петрова Л.А. Из истории Старорусской центральной городской библиотеки имени Ф.М. Достоевского // Чело. – 2001. – № 2. – С. 56–61.
51. Раттур М.Н. Развитие системы общественного призрения детей и подростков в России (1881–1894 гг.): автореф. дис ... канд. ист. наук. – М., 2004.
52. Ромашова В.И. Просветительская деятельность Новгородского земства. 1865–1916 гг. // Интеллигенция Новгородской земли: проблемы и судьбы: материалы науч. конф. – В. Новгород, 1998. – С. 61–73.
53. Рубахина Т.Н. «Казенные дети» (Об округах Санкт-Петербургского воспитательного дома в Новгородской губернии) // Документальное наследие Новгорода и новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: материалы Второй научной конференции историков-архивистов. – В. Новгород, 2002. – С. 62–66.
54. Рубахина Т.Н. Призрение детей в Новгородской губернии XIX – начало XX в. // Чело. – 2002. – № 2. – С. 75–79.
55. Савинова И. Приюты и богадельни. Из истории благотворительности // Новгородская правда. – 1990. – 8 дек.
56. Савинова И.Д. Тихвинский купец-благотворитель Сергей Григорьевич Бередников // Науч.-практ. конф. «Из истории благотворительности в Новгородской губернии» (к 160-летию со дня рождения Г. М. Сметанина). Новгород, 25–26 мая 2005 г.
57. Смирнова Н.В. К вопросу об истории организации исправительных учреждений для беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних // История государства и права. – 2004. – № 1. – С. 23–25.
58. Солянова Г.А. Зарождение и развитие благотворительной деятельности православной церкви в дореволюционной России // Социальная работа в России: прошлое и настоящее: сб. ст. и материалов. – М., 1998. – С. 174–179.

59. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX – начала XX в. – М., 2005.
60. Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призрение // Россия. 1913 год. Статистико-документальный справ. – СПб., 1995. – С. 381–392.
61. Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 17–32.
62. Ульянова Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989–2002 гг.) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. – СПб., 2003. – С. 16–29.
63. Ульянова Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996.
64. Ульянова Г.Н. Специальная периодика по благотворительности в России. 1870–1907 / Вопр. историографии и источниковедения дооктябрьского периода. – М., 1992. – С. 117–141.
65. Феонычев В.В. Система социального призрения детей в России в XIX – начале XX в. // Вестн. Екатеринбургского ин-та. – 2011. – № 2 (14). – С. 100–102.
66. Хотимова Л.В. Система социального призрения детей на Европейском Севере России: последняя четверть XVIII – начало XX в.: автореф. дис ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2003.
67. Черкашина Н.В. Госпитали для «зазорных» младенцев: условия, порядок образования и особенности правового регулирования // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. – 2010. – № 2 (15). – С. 164–172.
68. Черкашина Н.В. Роль приказов общественного призрения по содержанию и обучению незаконнорожденных детей // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. – 2010. – № 3 (16). – С. 193–201.
69. Черкашина Н.В. Система государственного призрения внебрачных детей в XIX – начале XX столетия // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 247–252.
70. Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию // Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994. – С. 84–88.
71. Юсупов М.Р. Социальная поддержка населения в работе земств Урала на рубеже XIX–XX веков // Вестн. Челябинского гос. ун-та. – 2009. – № 14 (152). Спец. вып. – С. 95–101.

Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии

В румынской историографии события июня 1940 г. интерпретируются исключительно отрицательно. В националистической исторической литературе по бессарабскому вопросу тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности очень относительна, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. СССР представлен как агрессивная, экспансионистская держава.

Events of June 1940 are interpreted exclusively negatively in the Romanian historiography. The trend toward a realistic coverage and analysis of the Bessarabian question in effect is very relative in nationalist historical literature but the desire to repel the events of patriotic positions dominates. USSR is represented as an aggressive, expansionist power.

Ключевые слова: бессарабский вопрос, оккупация, советско-румынские отношения, территориальный спор, изоляция, претензии, безопасность, соглашение.

Key words: Bessarabian question, occupation, the Soviet-Romanian relations, territorial dispute, isolation, claims, security, agreement.

Хотя Советский Союз никогда не признавал аннексию Бессарабии Румынией, однако приближение новой мировой войны постепенно ставило бессарабский вопрос в плоскость практического решения. «Пакт Молотова-Риббентропа» стал первым реальным сигналом подготовки решения бессарабского вопроса и вызвал растерянность в Бухаресте. Советское руководство понимало «свою заинтересованность в Бессарабии» исключительно как ее возврат и включение в состав СССР. Как писал тогдашний министр иностранных дел Г. Гафенку, Россия «хочет вернуть свои границы периода до 1914 г., а Германия не имеет ни права, ни желания помешать ей в этом» [2, с. 321–322].

Начало войны привело к тому, что Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, заявил 8 сентября 1939 г. о своем нейтралитете в происходящих событиях [32, р. 91] и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав. На практике Румыния все более и более сползала под германское влияние. С целью заручиться поддержкой Третьего рейха член Коронного совета И. Джигурту был направлен в Берлин под видом

«частного визитера». 9 сентября он был принят Г. Герингом, которого заверил, что Германия может доверять Румынии, так как последняя нужна рейху, чтобы «сдерживать Россию» [7, с. 25].

Даже в условиях начавшейся мировой войны румынское руководство было более всего озабочено «возможностью» румыно-советского конфликта. Так, 28 сентября оно запросило французское правительство: «Вступят ли Франция и Великобритания в войну против России? Сумеют ли они обеспечить нам эффективную помощь путем присылки эскадрилий в страну и англо-французского флота в Черное море?» Указание французского дипломата в Бухаресте на необходимость разгрома Германии, а не соглашения с ней, вызвало ответную реплику со стороны Гафенку: «Поражение Германии не решит проблему Европы. За спиной Германии поднялась Россия... Поэтому после победы над Германией потребуются новая победа над Россией» [9, с. 208].

Таким образом, румынское руководство выступало за англо-франко-германское соглашение за счет СССР. В этом смысле 30 сентября румыны предложили итальянцам посодействовать нахождению компромисса между воюющими странами, поскольку продолжение войны идет на пользу лишь коммунизму и славянству. Бухарест вновь и вновь напоминал великим державам о том, что на Днестре именно он является «защитником европейской цивилизации» от большевизма. Естественно, что ни одна из воюющих сторон не видела в Румынии особой ценности в деле «защиты европейской цивилизации», поэтому все эти «предложения» были проигнорированы [6, с. 153–154].

К середине 1940 г. усиливается дальнейшая прогерманская ориентация внешней политики румынских правящих кругов. В результате этой политики 28 мая с Германией был заключен «нефтяной пакт», вследствие которого вермахт получил надежную и стабильную сырьевую базу. Тогда же Коронный совет принял решение предложить Германии «дружбу» и добиваться политического союза с ней. Однако одновременно румыны опасались и оккупации своей страны немцами. В начале того же месяца Карл II через своего эмиссара обратился в Берлин с просьбой «помочь возвести оборонительную стену на востоке» – на советско-румынской «демаркационной линии». Тогда же король принял Фабрициуса и заявил ему, что будущее Румынии зависит только от Германии. 22 мая с той же просьбой к германскому послу в Бухаресте обратился министр иностранных дел Г. Гафенку, однако Фабрициус посоветовал ему урегулировать румыно-советские отношения мирными средствами [18, р. 448; 19, р. 84]. Вскоре Гафенку подал в отставку, и на его место был назначен И. Джигурту, откровенный сторонник теснейшего сближения Румынии с Германией. «Гитлеровская Герма-

ния, однако, не спешила ответить положительно на румынские предложения» [7, с. 105].

Но румыны продолжали демонстрировать немцам свой антисоветский и прогерманский курс. 20 июня премьер Г. Тэтэреску передал Фабрициусу ноту, в которой предлагал свою страну в качестве «верного союзника рейха», говоря о «всегда существовавшей общности интересов» между двумя государствами. Он отмечал, что мощь Румынии является гарантией того, что она будет в состоянии выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная. О том же в беседе с американским посланником Ф. Гюнтером 24 июня говорил и И. Джигурту, заявив, в частности, что «Румыния надеется получить в ближайшее время большое количество немецкого оружия, при помощи которого она сможет в течение не менее 4-х месяцев вести войну с СССР. Румынский министр иностранных дел заявил также, что надеется на помощь итальянской авиации» [7, с. 106, 107].

Естественно, в сложившейся международной ситуации, когда в результате гитлеровского наступления на Запад Франция и Англия надолго «выходили из игры» и в то же время основные силы вермахта были пока скованы на западе Европы, Советский Союз считал весьма разумным использовать данное положение с целью мирного разрешения бессарабского вопроса.

Параллельно с военными Советское правительство предприняло и дипломатические усилия по окончательному разрешению территориального спора с Румынией. 23 июня оно предупредило германское правительство о своих намерениях в отношении Бессарабии и Буковины [2, с. 323–324, 343–346]. Как видно из информации посла Шуленбурга в Берлин, Молотов заявил ему, что «решение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств... Советское правительство еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение» [2, с. 323, 343]. Немцы согласились с вхождением в состав СССР, кроме Бессарабии, еще и северной части Буковины [2, с. 344–348, 357, 359, 360; 35, р. 8–11; 36, р. 79–85].

Российский историк Л. Гибианский вполне обоснованно предположил, что 23 июня, обратившись к германской стороне и выдвинув претензии на всю Буковину, Кремль сделал это из тактических соображений. Советское руководство потребовало всю Буковину, чтобы добиться у немцев согласия на «компромисс» в виде «ограничения» лишь Северной Буковиной [4, с. 31].

26 июня в 10 ч. вечера министр иностранных дел СССР В.М. Молотов предъявил румынскому правительству ноту, в которой потребовал уступить Бессарабию и Северную Буковину в течение

24 часов [2, с. 324, 348–349; 36, р. 85–111; 13, р. 32; 30, р. 529, 530; 37, р. 29; 34, р. 106]. В ответе Молотову посланник Дэвидеску пытался оспорить советские аргументы, однако это не произвело на наркома никакого впечатления [2, с. 354–356; 27, р. 215–216]. Уже 28–29 июня эти территории де-факто вошли в состав Советского Союза. Карл II обратился за помощью к Германии, но не получил ее [2, с. 358–359; 39, р. 236–237; 19, р. 85–86], так как в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа немцы уже заверили советское правительство в «отсутствии интереса» в отношении Бессарабии [27, р. 154, 181; 26, р. 135–140, 151–152]. Румынские власти обратились и к своим турецким, греческим и югославским союзникам, однако и с их стороны не получили никаких гарантий помощи в случае военного столкновения с СССР [24, р. 235–236; 20, р. 77].

В этой связи известный германский историк А. Хилльгрубер констатирует, что «политически в бессарабском вопросе Румыния оказалась в полной изоляции» [32, р. 97]. А румын И. Константин делает вывод, что «и Берлин, и Рим дали „зеленый свет“ Московскому правительству для аннексии Бессарабии и разрушения таким образом территориальной целостности Румынии» [20, р. 69].

Румыны обратились и в Лондон [5], однако англичане были озабочены обеспечением собственной безопасности и «румынские проблемы» волновали их меньше всего. С этой целью важнейшей задачей являлось налаживание нормальных связей с Советским Союзом как потенциальным союзником в борьбе с гитлеровской Германией. После поражения Франции в Москву прибыл новый английский посол Стафорд Криппс, сторонник теснейшего взаимодействия Великобритании и СССР [14, с. 180].

Во время своей первой беседы с новым послом, 14 июня 1940 г., В.М. Молотов отметил, что СССР имеет особые интересы в Румынии. В Лондоне правильно поняли, чего хочет Москва, поэтому «Криппс был проинструктирован уклоняться от дискуссий о Бессарабии... Если будут упомянуты балтийские государства, сэр Криппс должен будет высказать убеждение, что недавние действия Советского правительства были вызваны "величиной и размахом" немецкой военной опасности, сегодня угрожающей России, что и действия Советского правительства можно считать мероприятиями по самозащите» [цит. по: 8, с. 223]. 22 октября 1940 г. английское правительство направило советскому руководству меморандум, в котором отмечалось, что «британское правительство признает де-факто суверенитет СССР в Прибалтике, Бессарабии, Западной Украине и Западной Белоруссии» [8, с. 223, 224–225].

Вот как комментируют англосаксонскую позицию румынские историки В. Фл. Добринеску и И. Константин: «Английская реакция на аннексию Бессарабии, Северной Буковины и района Герца вырази-

ла безразличие и пассивность... В то драматическое для румынского народа время Англия нашла "оправданными" советские... претензии на важнейшие части румынской территории и желала румыно-венгерского столкновения, которое де-факто вывело бы СССР к Карпатам и спровоцировало бы советско-германский конфликт... Реакция американских властей в отношении трагических событий, свалившихся на Румынию в конце июня 1940 года, выразилась в "молчаливом согласии", что не могло не повлиять и на общественное мнение этой страны» [28, p. 177, 178, 179].

И. Константин осведомляет читателя, что «вся английская пресса... "приветствует успех русской дипломатии в отношении вступления в Румынию". Эти издания пришли к выводу, что данная акция "не имеет антианглийской направленности, а, напротив, будет иметь катастрофические последствия для Германии и Италии, если возрастет русское влияние на Балканах". Такие газеты, как "New Chronicle" и "Daily Herald", считали претензии Советского Союза к Румынии "справедливыми"» [20, p. 98].

Известный израильский историк Г. Городецкий, оценивая эти события, отмечает, что «мотивы поведения Сталина обуславливались в первую очередь чистой Realpolitik... Оккупация Бессарабии и Северной Буковины в конце июня 1940 г. была скорее результатом желания обезопасить себя на Балканах и побережье Черного моря... Распространение советской системы безопасности на устье Дуная создавало необходимую глубину обороны для Севастополя и Одессы... Оккупация Северной Буковины также мотивировалась стратегическими соображениями. Она принесла Сталину контроль над главными железными дорогами между Украиной и Бессарабией через Черновцы и Львов» [5].

В румынистской историографии события июня 1940 г. интерпретируются исключительно отрицательно [20, p. 89; 21, p. 52; 22, p. 17; 28, p. 56; 33, p. 123; 36, p. 96, 102, 104–105, 108–109, 111, 112; 37, p. 3; 39, p. 258]. Тенденция к реалистическому освещению действительности присутствует лишь относительно, господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций и доминирует линия на прямое игнорирование фактов, не вписывающихся в идею «румынского патриотизма».

«В контексте написания румынской истории "объективность" понимается как "соответствие румынским национальным интересам", а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей» [34, p. 409], – сетует голландец ван Мёрс. Он не сильно ошибался, когда писал, что «его выводы разочаруют» слишком многих румынских историков и молдавских историков румыно-унионистской ориентации.

Политическое руководство Румынии капитулировало и отдало без борьбы провинции, которые считало «исторически румынскими» [17, р. 51–52, 53–55; 26, р. 150]. Но если румынское государство считало их своими, их следовало защищать любой ценой. То, что не защищаешь, более тебе не принадлежит.

Естественно, сегодня сложно точно сказать, о чем думали все бессарабцы в 1940 г., но если предположить невозможное и в 1940 г. был бы проведен референдум, на котором население Бессарабии без давления, под международным контролем свободно бы выразило свое мнение, по итогам волеизъявления оно бы в составе Румынии не осталось. Данный вывод подтверждается хотя бы следующим фактом: на 8 июля 1940 г. в румынской армии в бегах числились 61970 солдат и офицеров [12, с. 181; 38, р. 47]. Подавляющее их большинство были бессарабцами.

Однако, поскольку до сих пор появляются спекуляции по поводу позиции румынского руководства в июньские дни 1940 г., сошлемся на суждение весьма осведомленного деятеля официального Бухареста той поры. 28 августа 1940 г. премьер-министр Румынии И. Джигурту писал германскому министру иностранных дел И. Риббентропу: «Бессарабия объединилась с Румынией в конце первой мировой войны... Мы не боролись за это объединение, и, между прочим, это объединение не было одной из целей, которые мы преследовали в великой войне. Поэтому... понятно, почему наш народ согласился с уступкой (Бессарабии – С.Н.) без всякой борьбы» [13, с. 112].

В этом контексте возникает еще один логический вывод: в 1940 г., но также и в 1944-м, уступив Бессарабию Советскому Союзу, румынские власти ни в какой форме – предъявления протеста советской стороне, адресованного международной общественности заявления, официального обращения к государствам мира и международным организациям или любой другой акции – не выразили возмущение в связи с тем, что уступка осуществляется под давлением грубой силы, что она незаконна, так как Бессарабия есть «румынская земля». Другими словами, румынская сторона не предприняла никакой акции юридического характера, которая объявляла бы передачу Бессарабии незаконным актом как с точки зрения международного права, так и с позиций румынского национального законодательства. Наоборот, приняв без подобного рода декларации советское предложение, румынское правительство де-факто и де-юре признавало, что передает СССР не принадлежащую Румынии советскую территорию.

Соответственно, плач об «аннексии», «ультиматуме», «насильственном навязывании» и т. д. и т. п. возник позднее, а в наши дни имеет идеологически-пропагандистский характер с целью «патрио-

тического воспитания» собственного населения и передела ментальности населения Молдовы для ее ликвидации руками будущих поколений самих молдаван.

Современные румынские историки не согласны с И. Джигурту. Например, Ш. Константинеску утверждает, что «включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР является откровенным и грубым выражением применения силы в международных отношениях. Действие Советского Союза в июне 1940 г. в отношении Румынии ясно доказывает, что Москва являлась агрессором, а наша страна оказалась подвергнутой агрессии». И для того чтобы аргументировать свой тезис, автор ссылается на Конвенцию от 3 июля 1933 г., определявшую в качестве агрессора государство, которое «вторглось своими вооруженными силами... на территорию другого государства» [21, р. 52].

Во-первых, подписывая указанную конвенцию, советская сторона подчеркнула, что ни в коем случае не признает включение Бессарабии в состав Румынии. Таким образом, с точки зрения международного права тезис об «агрессии против Румынии» является беспочвенным. Данный вывод почти повсеместно признается международной исторической наукой. Как мы уже видели, де-факто и де-юре он был признан и румынскими властями летом 1940 г., и даже правительством И. Антонеску после 22 июня 1941 г. Нечего и говорить, что это было признано в 1944 г. при подписании перемирия [3, с. 205–212; 15, с. 501–506; 16, с. 152–157], а также на Парижской мирной конференции в 1946–1947 гг. [11, с. 5]. Правда, не все в Румынии признают законность ее решений [28, р. 343; 29, р. 106].

В этом смысле следует отметить, что нередко интерпретации и оценки бессарабского вопроса в межвоенное время были намного объективнее и ближе к истине, чем это имеет место в работах современных румынских историков. Так, например, выдающийся дипломат Николае Титулеску ясно осознавал уязвимость «присоединения» Бессарабии к Румынии с точки зрения международного права, отмечая, что «наши права на Бессарабию очень не серьёзны» [41, р. 85, 88]. Он указывал, что и «Протокол послов» от 28 октября 1920 г. не освятил право Румынии на Бессарабию и имел всего лишь «моральное значение» [40, р. 50].

Того же мнения придерживался и другой известный румынский дипломат А. Кретзяну: «Если рассматривать вопрос с точки зрения международного права, договор о Бессарабии имеет больше моральное значение» [42, р. 123]. В одной из своих работ он признавал юридическую несостоятельность Парижского протокола. «Вопрос о Бессарабии продолжал оставаться нерешённым» [25, р. 25]. Эту истину признают и некоторые честные румынские историки [23, р. 311].

Даже руководство фашистской Румынии после нападения на Советский Союз понимало, что территория Бессарабии является с точки зрения международного права оккупированной территорией. То есть речь шла не о «возврате» неких «румынских территорий, оккупированных СССР в 1940 г.». На заседании Совета министров от 8 июля 1941 г. заместитель премьера и «профессор международного права» Михай Антонеску заявил: «Столько времени, сколько продолжаются военные действия, румынское государство не издало декрета об аннексии этих территорий, мы лишь занимаемся их обустройством. Мы находимся в состоянии военной оккупации, а не оккупации как способа захвата территории. Таким образом, здесь осуществляется суверенитет оккупанта, а не суверенного государства. До того момента, когда мы сделаем формальную декларацию об аннексии, а это нельзя сделать до завершения военных действий или хотя бы до того, когда станет ясно их близкое окончание, до того, с точки зрения чистого права, мы находимся в состоянии военной оккупации, и установленный здесь режим может руководствоваться лишь законами военного времени» [31, р. 264]. Опровергая тезис о Бессарабии как о «румынской территории», к этому сложно что-либо добавить.

Интересна в этом контексте и позиция французской дипломатии. 2 июля 1940 г., отмечает французский историк Винсен Буле, посол А. Тьерри отправил новому министру иностранных дел П. Бодуэну доклад, в котором отмечал, что присоединение Бессарабии к СССР было ударом, направленным напрямую против Германии: «Действия русских наносят ущерб Германии, которая рассматривает Бессарабию и Буковину как территории, зарезервированные исключительно для немецкой экономической экспансии» [1, с. 104, 105].

Другими словами, в 1940 г. Советы не только ни на кого не нападали, но нарушитель международного права в лице королевской Румынии добровольно, мирным путем, не оказывая ни малейшего сопротивления, возвратил аннексированную им еще в 1918 г. территорию Бессарабии. Хотя практически вся современная румынская историография бессарабского вопроса не признает этот вывод и исходит из тезиса «Бессарабия – румынская земля!».

Список литературы

1. Буле В. Французские дипломаты и бессарабский вопрос во время диктатуры короля Кароля II (1938–1940) // Conferința științifică internațională „Identitatea civică și integrarea europeană – factori ai consolidării statalității moldovenești” (Chișinău, 5–6 octombrie 2011). – Chișinău, 2011. – С. 103–105.
2. Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е. и др. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М., 1996.

3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 2. – М., 1946.
4. Гибианский Л.Я. Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // Славяноведение. – 2013. – № 1. – С. 24–42.
5. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. – М., 2001. URL: militera.lib.ru/research/gorodetsky_g/index.html.
6. Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 2. – М., 1992.
7. Колкер Б.М., Левит И.Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сент. 1939 – июнь 1941). – М., 1971.
8. Макачук В. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. – М., 2010.
9. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. – М., 2010.
10. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). – М., 2000. URL: militera.lib.ru/research/meltyukhov/index.html.
11. Мирный договор с Румынией. – М., 1947.
12. Платон В.П. Против фашизма, за воссоединение с Советской Родиной. 1934-1940. – Кишинев, 1983.
13. Русско-румынские и советско-румынские отношения. – Кишинев, 1969.
14. Севостьянов П.П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сент. 1939 – июнь 1941. – М., 1981.
15. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. – М., 1984.
16. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. Т. 2. – М., 1983.
17. Basarabia. 1940. – Chişinău, 1991.
18. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ş., Todor P. Istoria României. – Buc., 1998.
19. Buzatu Gh. România cu şi fără Antonescu. Iaşi, Editura Moldova, 1991.
20. Constantin I. România, Marile puteri şi problema Basarabiei. – Buc., 1995.
21. Constantinescu Ş. Eliberarea Basarabiei şi Bucovinei de Nord. 33 de zile de vară // Historia. Revistă de istorie. – 2006. – Nr. 12.
22. Constantiniu Fl. Dictatul de la Moscova (26–28 iunie 1940) şi relaţiile sovieto-germane // Revista istorică. Academia Română. – 1992. – Nr. 1–2.
23. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. – Buc., 1997.
24. Cretzianu A. Ocazia pierdută. Iaşi, Institutul European, 1998.
25. Cretzeanu A. The Lost opportunity. – London, 1957.
26. Diplomaţia cotropitorilor. Culegere de documente. – Chişinău, 1992.
27. Dobrinescu V. Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. Iaşi, Editura Junimea, 1991.
28. Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939–1947). Iaşi, Institutul European, 1995.
29. Dobrinescu V.-Fl., Tompea D. România la cele două Conferinţe de Pace de la Paris (1919–1920, 1946–1947). Un studiu comparativ. – Focşani, 1996.
30. Documente privind istoria României între anii 1918–1944. – Buc., 1995.
31. Evreii din România între anii 1940–1944. Vol. 2. Problema evreiască în stenogramele Consiliului de Miniştri. – Buc., 1996.

32. Hillgruber A. Hitler, regele Carol și mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938-1944). – Buc., 1994.
33. Kirițescu C.I. România în al doilea război mondial. Vol. 1. – Buc., 1996.
34. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
35. Pactul Molotov-Ribbentrop și consecințele lui pentru Basarabia. Culegere de documente. Chișinău, Editura Universitas, 1991. – 122 p.
36. Șișcanu I. Basarabia în contextul relațiilor sovieto-române. 1940. – Chișinău, 2007.
37. Șișcanu I. Raptul Basarabiei. 1940. – Chișinău, 1993.
38. Șornikov P. Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial. – Chișinău, 2013.
39. Tătărescu Gh. Mărturii pentru istorie. – Buc., 1996.
40. Titulescu N. Basarabia pământ românesc. – Buc., 1992.
41. Titulescu N. Documente confidențiale. – Buc., 1992.
42. Țurcanu I. Istoria relațiilor internaționale. – Chișinău, 2005.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.3

А. И. Бакшеев

Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа

Современная наука России характеризуется отсутствием единого подхода к определению функций государства, их классификации. Отсутствует единый подход к определению государственных функций периода НЭПа. Для изучения данного вопроса целесообразно рассмотреть более детально основные направления деятельности государства, а также его задачи.

The Modern Science of Russia is characterized by the lack of a unified approach to the definition of the State, their classification. However, there is no single approach to the definition of public functions of NEP period. To study the question worth considering in more detail the main activities of the state, as well as its objectives.

Ключевые слова: анализ, проблематика, функции, задачи, государство, новая экономическая политика.

Key words: analysis, issues, functions, tasks, the state, the new economic policy.

Изучение государства, его особенностей функционирования, типов основывается на определении его ключевых функций. Наука занимается изучением деятельности государства достаточно давно и предполагает деление ее на идеологическую, политическую, экономическую, военную, правоохранительную, социальную и финансовую. Тем не менее вопрос функций государства является до сих пор дискуссионным.

Дореволюционная русская юридическая литература содержала представления о задачах и целях государства и использовала термины «функции верховной власти», «задачи государства», «функции государства». Данные термины имели значения, отличные от современных, а их широкого распространения так и не произошло.

Согласно мнению некоторых авторов [8, с. 347], целесообразно выделить следующие задачи государства: материальное благосостояние народа, правопорядок, нравственное благополучие, защита свобод и прав личности, исключение произвола, обеспечение внешней безопасности, таможенный контроль, охрана границ, влияние на

язык, социальную сплоченность населения государства. Прогрессивность того или иного государства обнаруживается именно в том, что оно сумело раньше и лучше уловить требования времени и приспособиться к ним, вызывая в других по необходимости подражание.

Также считалось, что функции государства могут быть разделены на судебную, законодательную и правительственную деятельность.

В начале XX в. функции государства подверглись более детальному изучению, что привело к формированию понятий «классовая функция», «общепользная функция». Перечисленные функции отражали мероприятия государства в конкретном направлении. Таким образом, государству приписывалась классовая функция. Для господствующего класса выступали необходимыми общепользные функции: благоустройство, грамотность населения, дороги. Государственная классовая функция тщательно маскировалась. В период НЭПа приоритетом развития выступала классовая составляющая.

Во второй половине XX в. государственные функции изучались с различных сторон, и внимание ученых было направлено на разнообразие функций в соответствии с типом государства. В этот период происходили значительные споры относительно функций государства, что привело к формированию понятий и классификаций государственных функций, методов и форм их реализации.

В соответствии с марксистско-ленинским подходом государству присущи общесоциальная и классовая функции. Классовая сущность функций государства часто использовалась при характеристике функционирования социалистического государства. Следовательно, данная функция определяла роль государства в качестве инструмента формирования социализма, организации народного хозяйства, подавления эксплуататорских классов, поддержки национально-освободительных мер. Социалистические функции государства переплетались с его социалистической сущностью, что выражалось в господстве рабочего класса, социалистической собственности, правящей партии коммунистов и т. д. [2, с. 148].

В советский период понимание функции государства не было однозначным. По мнению одних ученых, функция представляла собой сторону деятельности государства, а других – ключевое направление деятельности государства. Функцию государства также сводили к основным направлениям или ключевым сторонам его деятельности. Причем функции государства отражали его деятельность посредством политики.

Думается, можно выделить мнение, согласно которому функция государства отражает основное организованное направление его деятельности, которая проводится систематически с целью реали-

зации диктатуры господствующего класса. Также следует отметить подход, согласно которому функция государства является основным направлением его деятельности, которое обусловлено его классовостью, задачами и социальным назначением на данном конкретном этапе развития общества.

Согласно мнениям некоторых авторов, функции государства нельзя сводить к задачам и сущностям, т. е. они характеризуют содержание деятельности государственного механизма, а также сущность его функционирования. Функции государства являются определенными проявлениями его сущности, а также направлениями его деятельности относительно реализации ключевых задач по выполнению общественного назначения государства. Тем не менее существовали подходы, в соответствии с которыми цели и функции государства сближались [4, с. 51].

Таким образом, направления деятельности государства не являются достаточными для определения его функций и их разграничения от функций других структур. Государственные функции не тождественны государственным целям, так как основные цели государства и его задачи не являются достаточным основанием для понимания функционирования государства. Возникает необходимость определения ключевых направлений для принятия мер относительно достижения поставленных целей [6, с. 88].

Важно отметить, что функции государства представляют собой направления его деятельности, выступающие как конкретные проявления классовой сущности государства.

Советская теория государства и права содержала несколько подходов к определению государственных функций. Несмотря на это, классовое содержание всегда оставалось ключевым. Перечисленные подходы отражали существование специальных функций социалистического государства, которые были не присущи капиталистическому государству. Аналогичные функции присущи капиталистическим и социалистическим государствам. Можно отметить различия социальной направленности и содержания государственных функций.

Изучение деятельности государства предполагает функциональный подход, а его социальное назначение выступает более точным и глубоким для понимания.

Функционирование государства основывается на социальной сущности. Функции государства представляют собой основные направления его деятельности, в которых выражаются сущность и социальное назначение государственного управления обществом [8, с. 116]. Также функции государства характеризуют как особый механизм государственного воздействия на общественные процессы и отношения, определяющие главные направления и содержание его

деятельности по управлению обществом. Деятельность государства предполагает влияние на все общественные сферы, в том числе на общественные процессы, их направленность и динамику [5, с. 91].

Таким образом, функции государства представляют собой ключевые направления его деятельности, в которых конкретизируются и выражаются его социальное назначение, общечеловеческая и классовая сущности. Также ряд авторов полагают, что возникновение государственных функций и их развитие напрямую связано с целями и задачами государства. Реализация социального назначения государства осуществляется через функции, которые являются сложившимися устойчивыми направлениями его деятельности. Следует отметить основные особенности и закономерности, которые присущи функциям государств разных типов. Также целесообразно выделить динамику духовных, политических и социально-экономических трансформаций развития общества [1, с. 261].

Детальное изучение существующих подходов к определению государственных функций позволяет выделить их основные черты. Они являются объективными, закономерными, охватывают всю деятельность государства, их развитие соответствует и способствует исторически сложившимся задачам и целям государства. Необходимо выделить и то, что государственные функции характеризуются собирательностью, комплексностью и постоянством. Одинаковый набор функций позволяет реализовывать разные задачи политического или социального характера. Следовательно, государственные функции отражают социальное назначение государства, а влияние на его функции оказывают различные экономические, духовные, культурные, политические стороны развития общества.

Таким образом, в результате проведенного анализа существующих определений государственных функций целесообразно сформулировать следующее их определение: ключевые направления государственной деятельности, которые направлены на реализацию его задач и целей в соответствии с определенным историческим этапом развития, которые отражают социальное назначение государства.

Исследование развития, а также изменений функций позволяет выявить изменения государственной организации общества на протяжении исторического периода и проявление социального назначения государства.

Представляется, что изучение государственных функций периода НЭПа целесообразно осуществлять в соответствии с современным понятием государственных функций, которое позволяет определить характер его деятельности. Необходимо выделить и то, что деятельность государства находится в зависимости от исторических условий, а следовательно, в период НЭПа государствен-

ность формировалась в соответствии с марксистско-ленинской идеологией.

Государственные функции получают характеристики и содержание, свойственные каждому историческому периоду. Социальное назначение представляло собой классовое назначение, потому что реализация функций социалистического государства осуществлялась в соответствии с интересами большинства. Учитывая отличия социального и классового назначения государственных функций, можно выделить то, что функции государства в исследуемом историческом периоде характеризовались классовой направленностью, которая выступала социальным назначением, а также социальное назначение, реализация которого осуществлялась в интересах общества в целом. Логично сделать вывод, что государственные функции периода НЭПа обладают особыми характеристиками, которые отражаются в их содержании и реализации.

Функции государства классифицируются по отдельным критериям: по территориальному масштабу, по способу влияния на отношения в обществе, по объекту в деятельности государства, по содержанию функций, по взаимоотношению государств.

Одной из актуальных современных классификаций государственных функций считается классификация по принципу разделения властей. Следовательно, функции следует подразделять на правотворческие, судебные, управленческие и информационные. Данный подход отражает функционирование реализации власти государства. Государственные функции реализуются посредством специальных органов государственной власти, соответственно, законодательной, судебной или исполнительной.

Необходимо выделить информационную функцию, которая характеризует деятельность средств массовой информации, выступающих четвертой ветвью власти. Целесообразно подчеркнуть особое содержание, обеспечение и структуру этой функции. Особенность информационной функции заключается в способах влияния на общество путем целенаправленной информированности и манипулирования общественным сознанием и мнением.

Долгое время основной классификацией функций являлось деление их на классовые и общесоциальные. Это деление было основано на направленности классовых функций на интересы отдельной социальной группы, а общесоциальных – на интересы общества.

Классовые и общечеловеческие основы современного государства выступают взаимосвязанными функциями, не противоречат друг другу. Классовость в реализации государственных функций характеризуется меньшей жесткостью. Общесоциальные и классовые функции не всегда можно различить. Силы, которые стоят у власти,

заинтересованы в удержании и использовании власти согласно собственным интересам. Такая власть не всегда классово направлена.

Целесообразно привести перечень ключевых внутренних функций советского государства [3, с. 47]:

- руководство культурным строительством и воспитанием граждан;
- подавление сопротивления эксплуататорских классов;
- управление экономикой и контроль меры труда и меры потребления;
- охрана общественной и личной собственности, прав и свобод трудящихся, наций и народностей, граждан.

Также следует выделить основные внешние функции Советского государства [7, с. 68]:

- защита завоеваний социалистической революции от империалистической агрессии;
- обеспечение мирного сосуществования с капиталистическими государствами на международной арене.

Традиционно выделяются основные и неосновные государственные функции. Для этого следует выделить фактор, который образует систему из каждой основной функции – государственный интерес. Основные функции государства можно группировать по направлениям его влияния. Также необходимо учитывать направления развития общества. Приведенное деление является условным и предполагает деление общих и узконаправленных функций исходя из их содержания. Поэтому значение неосновных функций государства также важно для общества.

Таким образом, понимание государственности и государства как такового предполагает необходимость понимания его функциональной составляющей. Относительно периода НЭПа следует отметить существование не только противоречий, но и неясностей относительно функций государства в исследуемый период. До сих пор отсутствует единое определение функций государства, их особенностей, классификаций. Также отсутствует единое деление основных направлений деятельности государства, понимание которых является основой выделения функциональных составляющих.

В анализируемом историческом периоде перед Советским государством стояла главная задача – выход из глубокого социально-экономического и политического кризиса. Решение этого вопроса было связано с мерами, принимаемыми как внутри государства, так и на международной арене.

Отстаивая интересы революции, Советское государство приступило к решению задач мирного строительства нового общества, что обусловило его многоплановое функционирование, распространяющееся на практически все области жизни человека.

Особое значение в период НЭПа приобретает рассмотрение тех функций Советского государства, которые смогли обеспечить его существование, укрепление и развитие, а также поддержание и распространение выдвинутой большевиками идеологии, на основании которой могло быть обеспечено построение социалистического общества.

К 1923 г. государство добилось восстановления торговых отношений с капиталистической Европой. Последствия этого для правового положения СССР были весьма значительны; они сказались хотя бы в судебных приговорах британских судов (приговор по делу Лютер-Сагор и др.), признавших законную силу за советскими актами о национализации, а затем признавшие суверенные права Советской Республики и ее законодательную систему.

В последующие годы Советское государство активно развивало экономические связи со всеми странами, объем внешней торговли стал быстро расти. Поступающие по ее каналам машины, оборудование, материалы имели важное значение для осуществления плана ГОЭЛРО, восстановления транспорта, обеспечения промышленности некоторыми видами сырья и материалов, в частности прокатом черных металлов и хлопком.

Окончательно государственная монополия внешней торговли была закреплена решением октябрьского (1925 г.) Пленума ЦК РКП (б) в следующих положениях: государство само осуществляет ведение внешней торговли через специально созданный орган, устанавливает, какие организации, в каких отраслях и в каком объеме могут вести непосредственные операции по внешней торговле.

Эти принципы монополии внешней торговли оставались неизменными на протяжении всей истории Советского государства, однако организационные и правовые формы осуществления монополий внешней торговли изменялись в зависимости от задач хозяйственного строительства. Также были определены организационные формы монополии внешней торговли – акционерные общества, паевые товарищества и синдикаты. В целях привлечения к импортным операциям государственных и хозяйственных организаций признавалось необходимым организовать импортные общества и товарищества. Создание специализированных обществ обеспечивало единство действий Советского государства во внешней торговле.

В последующие годы внешняя торговля Советского государства продолжала развиваться. Импорт оборудования и новейших машин был связан со строительством предприятий первой пятилетки. В структуре советского экспорта наряду с сырьем появились и товары промышленного производства.

На протяжении рассматриваемого периода Советское государство сохраняло монополию внешней торговли. В отличие от сель-

ского хозяйства, промышленности и внутренней торговли, куда был временно допущен частник и где его права были четко определены и защищались государством, признававшим их как временное допущение, внешняя торговля в период НЭПа прошла путь от строгой регламентации к централизации экспорта и импорта в масштабах всего СССР. Монополия внешней торговли в СССР была признана другими странами мирового сообщества.

Серьезным достижением НЭПа стало быстрое восстановление численности рабочего класса, особенно в промышленности, строительстве и на транспорте. Отрадно отметить, что наряду с количественными показателями росли и качественные, например, производительность труда рабочих. К концу 1923 г. она выросла более чем в два раза и составила почти 63 % довоенной выработки. Однако процесс размывания качественного состава пролетариата, начатый в годы войны менее интенсивно, продолжался и в годы новой экономической политики. Гибель в боях и тяготы Гражданской войны нанесли серьезный удар демографической и профессиональной структуре рабочего класса. Если в начале восстановительного периода рынок рабочей силы еще способен был обеспечить восстановленные заводы и фабрики квалифицированной рабочей силой, то по мере роста производственных масштабов нужда в кадровых и высокопрофессиональных рабочих ощущалась все острее.

В этом состоял один из парадоксов нэпа: нехватка квалифицированной рабочей силы при избытке трудовой силы вообще. Основная масса рабочих вышла из деревни. Одна четверть из них продолжала владеть в деревне землей или домом. Каждая пятая работница и каждый восьмой рабочий были неграмотными. А уж опыта управления производством не имели даже кадровые рабочие, которых и до войны по всей России было не более 3 млн чел.

На протяжении всего периода нэпа оставалась и даже постоянно возрастала безработица. Она тяжело ударяла по психологическому и экономическому состоянию рабочего. Пособие по безработице было невысоким и составляло 27 р. 50 к. Даже на это скромное пособие рабочий и служащий при нэпе могли купить два демисезонных пальто, а при полной занятости в 1920–1935 гг. и на вдвое большую зарплату купить даже еду было негде: все давалось по карточкам или через распределители. Однако к концу рассматриваемого периода в условиях складывающегося тоталитарного государства социальные функции государства в значительной степени оказываются направленными на усиление государственного контроля над обществом.

Наряду с вышеперечисленными преобразованиями были приняты меры в советском искусстве: активизация художественных сил, укрепление позиций реализма, обращение к революционной тема-

тике – результат воздействия политики партии в этой области. В.И. Ленин подчеркивал необходимость сознательного воздействия на искусство. Советское государство направляло процессы развития искусства, поддерживая революционные начинания, развитие нового искусства на базе социалистической идеологии, формирование социалистической художественной интеллигенции путем перевоспитания старых кадров и создания новых из рабочих и крестьян.

Функционирование Советского государства в области образования, науки и культуры в период НЭПа было направлено на закрепление достижений революции в этой сфере. Государство в сфере науки, культуры, искусства и образования в период НЭПа осуществляло свою деятельность исходя, в первую очередь, из идеологических и политических установок, используя рычаги культуры и образования как важнейшие в деле коммунистического воспитания масс и их социалистического и культурного развития, большое внимание уделялось переводу науки на социалистические рельсы и привязки ее к сотрудничеству с Советским государством.

Список литературы

1. Байтин М.И. О формах осуществления функций социалистического государства // Уч. зап. Сарат. юрид. ин-та. – Вып. 18. Вопр. теории гос-ва и права. – Саратов, 1969. – С. 261–270.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 2006.
3. Денисов А.И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции. – М., 1967.
4. Каск Л.И. Функции и структура государства. – Л., 1969.
5. Морозова Л.А. Теория государства и права. – М., 2003.
6. Попе Е., Шюсселер Р., Шюсселер Г. О теории функций социалистического государства // Сов. гос-во и право. – 1968. – № 4. – С. 88–97.
7. Рогачев А.А. Внешние функции государства социалистического типа. – М., 1986.
8. Хропанюк В.Н. Теория государства и права / под ред. В.Г. Стрекозова. – М., 1997.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.8:355.458

О. И. Вербовой, В. О. Левашко

Совершенствование противолодочной обороны на внутренних морских коммуникациях Северного флота в годы Великой Отечественной войны

В статье даётся анализ развития противолодочной обороны на внутренних морских арктических коммуникациях Северного флота ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны.

In this article it's presented the analysis of development of anti-submarine defense on internal sea Arctic communications of Northern fleet of the Navy of the USSR during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: морские коммуникации, противолодочная оборона, конвойная служба, эсминец, дозорная служба, авиация, охотник за подводными лодками, потери.

Key words: sea communications, anti-submarine defense, convoy service, destroyer, patrol service, aircraft, the hunter behind submarines, losses.

К началу Великой Отечественной войны вопросы организации противолодочной обороны (ПЛО) на Северном морском театре боевых действий, способы использования привлекаемых для обороны от подводных лодок сил в ВМФ СССР теоретически были разработаны вполне удовлетворительно и отвечали требованиям ведения боевых действий на море в тот период. По предвоенным взглядам, отраженным во Временном боевом уставе Морских сил 1937 г. (БУМС-37) и ряде наставлений, противолодочная оборона на театре рассматривалась как часть общего вопроса защиты своих морских коммуникаций от воздействия разнородных сил противника.

Принятые в 1941 г. командованием Северного флота энергичные меры по организации противолодочной обороны на театре позволили избежать крупных потерь в начале войны. Немецкие подводники отрапортовали о потоплении двух и вероятном потоплении одного советского транспорта [4, с. 217].

Следует отметить, что Северному флоту в этом вопросе немного повезло. Противник рассматривал операцию по захвату Советского Заполярья как чисто сухопутную и не имел в Северной

Норвегии в 1941 г. значительной группировки подводных лодок. К началу войны немцы имели в этом районе всего три подводные лодки – U–81, U–451, U–682. После начала войны их количество было удвоено. На Север прибыли U-556, U–134, U–454. В дальнейшем состав лодок менялся, но противник мог теперь одновременно держать в море две-три подлодки [4, с. 217].

Однако срыв планов молниеносной войны фашистской Германии, установление связей с союзниками по антигитлеровской коалиции – Великобританией и США, которые начали поставлять СССР боевую технику и другое имущество (ленд-лиз) кратчайшим путем вокруг Северной Норвегии, вынудили немецко-фашистское командование активизировать деятельность своих подводных лодок на наших северных морских сообщениях.

Уже в марте 1942 г. в базах Северной Норвегии немцы имели 21 подводную лодку, в 1942–1943 гг. их количество колебалось от 14 до 30, а в последний год войны оно достигло 37 [4, с. 218]. Расширялись и районы действий немецких подводников. Если в 1941 г. они действовали лишь у Кольского полуострова и части Белого моря, то в 1942 г. – на всей южной и юго-восточной части Баренцева моря до Новой Земли. Три подлодки проникли в Карское море, где вначале действовали совместно с тяжелым крейсером «Admiral Scheer», а после его ухода – самостоятельно [4, с. 201].

В кампаниях 1943–1944 гг. шесть-десять немецких подлодок постоянно действовали на наших арктических коммуникациях в юго-западной части Баренцева и в Карском морях, проникая вплоть до пролива Вилькицкого [3, с. 465].

Действия подводных лодок противника создавали постоянную угрозу на театре, которая постепенно увеличивалась и стала особенно острой к концу войны, когда немецко-фашистское командование сосредоточило в ограниченном районе на подходах к Кольскому заливу одновременно до 13 подводных лодок [4, с. 221].

Северному флоту было необходимо совершенствовать свою ПЛО. Основное внимание было обращено на усиление корабельных и авиационных противолодочных сил.

Количество кораблей, привлекавшихся к противолодочной обороне, постепенно возрастало и к концу войны достигло 218. При этом с 1943 г. противолодочные силы Северного флота стали пополняться кораблями специальной постройки, в том числе и получаемыми по ленд-лизу (большие охотники за подводными лодками, тральщики, эскортные миноносцы). Эти корабли обладали большими возможностями для поиска и уничтожения вражеских ПЛ. Так, современные отечественные специалисты называют эскортные миноносцы т. «Жгучий» (получено 9 единиц) самыми эффективными противолодочными кораблями ВМФ СССР [9, с. 235]. При этом сле-

дует отметить, что советские моряки, получив в распоряжение американские и английские корабли, часто впадали в некоторую «эйфорию» от их возможностей, что иногда приводило к трагическим последствиям. Именно это стало причиной гибели больших охотников БО–230, БО–229 и БО–224 (американской постройки т SC–110). Командиры этих кораблей опрометчиво пытались вступить в прямое противоборство с вражескими лодками, между тем эти катера-охотники были предназначены лишь для того, чтобы отгонять вражеские лодки от конвоев [9, с. 287].

Продолжалось совершенствование и противолодочного оружия. С 1942 г. противолодочные корабли и катера стали вооружаться новыми гидролокационными, а затем и радиолокационными станциями, полученными по ленд-лизу. В течение 1942 г. отечественные гидролокационные станции «Тамир» и импортные «Дракон» были установлены на эсминце «Грозный», сторожевом корабле «Гроза» и 15 катерах типа «МО-1У» [11. Д. 74. Л. 135].

В 1943 г. такими станциями оснастили лидер «Баку» и семь эсминцев. К концу войны гидролокаторы имелись на 78, а радиолокаторы – на 61 корабле, привлекавшемся для противолодочной обороны [11. Д. 74. Л. 339].

Основным средством уничтожения подводных лодок в ходе Великой Отечественной войны на Северном флоте являлись глубинные бомбы ББ-1 и БМ-1. В 1941–1943 гг. советские корабли атаковали лодки противника, используя исключительно кормовые бомбосбрасыватели. Невозможность установить и длительно поддерживать контакт с обнаруженной неприятельской подводной лодкой и небольшой запас глубинных бомб на корабле в первые годы войны приводили к тому, что при атаках они сбрасывали на подлодку незначительное количество бомб, не превышавшее, как правило, 6–10, чего, конечно, было совершенно недостаточно для ее потопления.

По мере пополнения флота новыми противолодочными кораблями, вооружёнными отечественными и импортными бомбомётами БМБ-1, Мк-10 «Хеджхог» и реактивными бомбомётами Мк-20 «Маустрэп» ситуация изменилась. Особенно эффективным оружием ПЛО оказался многоствольный Мк-10, одним залпом которого (24 глубинные бомбы) накрывался участок эллипса с осями 42,7–37 м по курсу корабля [1, с. 363]. Использование нового оружия привело к возрастанию расхода глубинных бомб. За четыре месяца 1945 г. на подводные лодки противника было сброшено в два с лишним раза больше глубинных бомб, чем за три первые годы войны. Средний их расход на одну атакованную подлодку противника в 1941–1942 гг. не превышал 25. В 1944 г. на атакованную лодку приходится уже

47 бомб, а в следующем году оно возросло до 83 бомб (с учетом выстреливаемых из многоствольных бомбомётов) [10. Д. 3. Л. 148].

Было обращено серьезное внимание на боевую и специальную подготовку личного состава, особенно гидроакустиков и офицеров ПЛО. С этой целью в Полярном в конце 1941 г. была создана спецшкола связи, где имелись специальные «столы атак», а в 1944 г. – гидроакустический кабинет [7. Л. 34]. Противолодочные корабли чаще стали проводить учения со своими подводными лодками и авиацией.

Возрастало и количество самолетов, использовавшихся для борьбы с ними. Если в начале войны для этой цели Северный флот мог привлечь лишь 56 самолетов, из которых большинство (49 машин) составляли устаревшие МБР-2, то в 1942 г. для борьбы с подводными лодками уже использовалось 124. В последующие годы вследствие большой убыли авиапарка, в основном в результате исключения из боевого состава из-за изношенности материальной части, общее количество противолодочной авиации флота стало уменьшаться (в 1943 г. – 86 самолетов, в 1944 г. – 77, в 1945 г. – 64) [10. Д. 1. Л. 340].

В какой-то мере это сокращение компенсировалось улучшением качества поступивших на флот в 1944 г. новых самолетов противолодочной обороны типа «Catalina» (30 ед.). Тем не менее в течение всей войны Северный флот испытывал острый недостаток в противолодочной авиации, что вынуждало в наиболее напряженные периоды (например, весной 1945 г.) привлекать для борьбы с немецкими подлодками ударную и разведывательную авиацию [5. Л. 60–61].

Большое внимание уделялось расширению системы базирования, дальнейшему оборудованию театра постами зрительного и технического наблюдения, улучшению разведки и наблюдения, дозорной службы. К концу войны количество указанных береговых постов возросло в пять раз, однако оно все же было далеко недостаточным, чтобы охватить наблюдением обширные районы восточной части театра [10. Д. 1. Л. 335, 338–339].

В связи с этим командование придавало особое значение радиоразведке, сеть радиопунктов которой за время войны возросла вдвое, а количество вахт приема и передачи – в 3,5 раза. На долю радиоразведки приходилось свыше 80 % всех обнаружений подводных лодок противника на Северном морском театре за время боевых действий [10. Д. 1. Л. 311, 338–339].

Совершенствовалась дозорная служба. Количество дозорных линий в зоне Беломорской флотилии возросло с семи в 1941 г. до 23 в 1944 г. [11. Д. 74. Л. 3–5].

Улучшалась и организация управления противолодочной обороной на театре. В 1943 г. в составе отдела подводного плавания было создано специальное отделение ПЛО, а в штабах баз введены должности офицеров ПЛО баз. В октябре следующего года в период резкого усиления подводной опасности на подходах к Кольскому заливу при ФКП флота был организован штабной пост ПЛ и ПЛО [10. Д. 1. Л. 142]. Это позволяло командованию более оперативно руководить силами и средствами ПЛО на театре.

Недостаток сил не давал возможность создать устойчивый оперативный режим на огромном малоосвоенном театре, что облегчало развертывание и действия немецких подводных сил на советских коммуникациях, особенно в восточных районах, где оперативный режим был особенно слабым. В этих условиях исключительное значение приобрело конвоирование транспортов. Начиная с 1942 г. и до конца войны их сопровождение кораблями стало основным способом защиты морских сообщений на Северном морском театре. Для конвоирования привлекались основные, притом лучшие, силы флота.

В ходе войны расширялись районы конвоирования и усиливалось охранение транспортов. В 1941 г. система фактического конвоирования осуществлялась лишь до о. Колгуев. Затем оно стало производиться до Новой Земли, а в 1943–1944 гг. – до пролива Вилькицкого. В 1944 г. оперативная зона Северного флота была расширена до 144-го меридиана, который и стал разграничительной линией между оперативными зонами Северного и Тихоокеанского флотов [10. Д. 3. Л. 244].

В 1941–1942 гг. на один транспорт в составе конвоя выделялся всего один корабль охранения, в 1944 г. – два, а в 1945 г. – три и более. При этом если до 1943 г. основными силами, использовавшимися для охранения транспортов, являлись сторожевые корабли и тральщики (как правило, переоборудованные из рыболовных траулеров), то в 1944 г. и особенно в 1945 г. в конвоировании резко возросла роль больших охотников, тральщиков и эскортных миноносцев, полученных по ленд-лизу (в 1945 г. на их долю пришлось почти 60 % всех выходов кораблей для конвоирования).

По мере роста и качественного улучшения корабельных противолодочных сил совершенствовались методы и тактические приемы их применения. От охранения транспортов только на наиболее опасных участках в начале войны Северный флот постепенно перешел к сквозному конвоированию с постоянным составом кораблей сопровождения, когда суда охранялись от пункта выхода до пункта прихода. Если в начале войны охранение создавалось лишь с наиболее угрожаемого направления, то с 1943 г., с увеличением количества охраняющих кораблей, оно строилось с носовых и

траверзных курсовых углов. С 1944 г. в связи с применением подводными лодками противника акустических самонаводящихся торпед возникла необходимость создавать охранение и с кормовых курсовых углов; таким образом, оно стало круговым.

Особо ценные конвои имели две линии охранения, а для преследования обнаруженных подлодок противника в отдельных случаях стала выделяться ударно-поисковая группа, не связанная жестко с сопровождением транспортов.

Всего за время войны надводные корабли 353 раза атаковали подводные лодки противника, из них более чем в половине случаев (58,3 %) – при конвоировании. Атак при специальных поисках было значительно меньше (20,2 %), а при несении дозорной службы совсем мало (6,8 %).

В первые два года войны количество обнаружений и атак подлодок надводными кораблями было весьма незначительным. Лишь с 1943 г., после их перевооружения новыми гидроакустическими станциями и поступления на флот новых, более совершенных кораблей, оно резко возросло. Если за 1941–1942 гг. надводные корабли атаковали 49 подводных лодок, из которых только пять при обнаружении их гидроакустическими станциями, то в 1943–1945 гг. число атакованных подлодок увеличилось до 239, из них 165 были обнаружены гидроакустическими станциями.

Так, 8 декабря 1944 г. лидер «Баку» и пять эскадренных миноносцев под флагом командующего эскадрой Северного флота контр-адмирала В.А. Фокина произвели поиск неприятельских подводных лодок на коммуникации Иоканка – Кольский залив. Корабли шли попарно тремя группами, расстояние между группами составляло 10 миль, между кораблями в группе – 10 кб. Поиск велся радиолокаторами в каждой паре поочередно, гидролокаторами – каждым кораблем непрерывно. За время поиска корабли четыре раза обнаруживали и выходили в атаку на немецкие подлодки. Одна из них, как оказалось впоследствии – U-387, 9 декабря была обнаружена радиолокатором эсминца «Живучий» (командир капитан 3 ранга Н.Д. Рябченко), который обстрелял и таранил ее, а затем, после погружения подлодки, трижды атаковал неприятеля глубинными бомбами. В результате немецкая подводная лодка была потоплена [2, с. 360].

С 1943 г. с увеличением общего количества противолодочных сил, улучшением их вооружения и накоплением опыта борьбы с подводными лодками воздействие на обнаруженные лодки усилилось. Так, если в 1943 г. корабли охранения атаковали два и более раза только треть обнаруженных подлодок, то в 1945 г. это количество возросло до двух третей. Однако атаки в основном проводились одиночными кораблями. Групповых атак было мало, редко

высылались и силы из базы для преследования обнаруженных подводных лодок. Это, как отмечалось, связывалось с общим недостатком корабельных сил в составе флота.

Авиация для поиска подводных лодок и охранения транспортов в море на Севере большую часть войны использовалась ограниченно. Ее основной задачей продолжала оставаться воздушная разведка.

Помимо надводных кораблей и авиации для противолодочной обороны эпизодически привлекались и подводные лодки Северного флота. Это были, прежде всего, большие подводные лодки типа «К», силуэты которых резко отличались от других и, безусловно, привлекали внимание противника. Всего за время войны специально для решения задач противолодочной обороны высылались 18 подлодок, которые имели семь встреч с лодками противника, однако потопить смогли лишь одну. Причинами низкой эффективности являлись отсутствие современных средств обнаружения ПЛ противника, а также отсутствие связи между лодками, авиацией и надводными кораблями.

Подводная лодка С-101, находясь на позиции восточнее м. Желания, в 10 ч 18 мин 28 августа 1943 г. обнаружила с помощью гидроакустической станции шум винтов подлодки. В 10 ч 20 мин ее командир (капитан-лейтенант Е.Н. Трофимов) увидев в перископ неприятельскую лодку, шедшую в надводном положении под дизелями, принял решение немедленно атаковать противника и начал выходить в атаку. В 10 ч 50 мин с дистанции 6 кб по неприятельской лодке были выпущены из носовых аппаратов три торпеды с интервалом в 6 с. Через 45 с послышался сильный взрыв. Е.Н. Трофимов в перископ наблюдал попадание торпеды в цель и гибель лодки неприятеля. В 10 ч 52 мин С-101 всплыла в надводное положение и подошла к месту ее потопления. На воде были обнаружены большое соляровое пятно, спасательный круг, плавающие трупы, одежда. Как было установлено после войны, советские подводники потопили подводную лодку U-639 [7. Л. 183].

Несмотря на активную деятельность немецких подводных сил, применявших самое совершенное по тому времени торпедное и минное оружие, противнику не удалось сорвать советские морские перевозки на театре. За время войны по внутренним морским коммуникациям Северный флот провел 1471 конвой (2568 транспортов); сотни судов совершили переход самостоятельно. Общий объем воинских перевозок на Северном морском театре за годы войны составил более 1000 чел. и более 1,6 млн т грузов. Потери от воздействия немецких подводных лодок составили всего 12 транспортов, несколько боевых кораблей и вспомогательных судов [10. Д. 1. Л. 245].

В заключение отметим, что принятая в годы войны на Северном флоте организация противолодочной обороны себя оправдала. Введение конвоев как основного метода защиты своих коммуникаций в условиях обширного, сложного и слабо оборудованного театра и недостатка сил позволило успешно решить задачу защиты морских перевозок.

Опыт использования надводных кораблей для целей противолодочной обороны на Северном морском театре в ходе войны показал, что наиболее полноценными противолодочными кораблями являлись корабли типа эскадренного миноносца.

Большие и малые охотники за подводными лодками, а тем более значительное число имевшихся на флоте различных переоборудованных из гражданских судов сторожевых кораблей и катеров (в 1945 г. они составляли почти 90 % всех кораблей, привлекавшихся для противолодочной обороны) не потопили за войну ни одной подлодки противника и, следовательно, в условиях Северного морского театра оказались малоэффективными.

Совершенно недостаточно использовались на флоте, особенно в восточных районах театра, стационарные противолодочные средства поражения и заграждения: мины, противолодочные сети, боны.

Существенным недостатком являлось также то, что борьба с подводным противником носила сугубо оборонительный характер. Воздействие на лодки в местах их базирования и на переходе морем практически отсутствовало.

Одной из важнейших особенностей противолодочной обороны на Северном морском театре в ходе Великой Отечественной войны являлось совершенно недостаточное использование для борьбы с подводной угрозой авиации. Основными причинами были недостаток самолетов противолодочной обороны, а вследствие этого и слабое развитие аэродромной сети на огромном по размерам театре военных действий в Заполярье.

Действуя в исключительно сложных физико-географических условиях Заполярья, при остром недостатке сил, Северный флот в годы Великой Отечественной войны успешно решил задачу по защите своих морских сообщений от воздействия подводных лодок противника, за что уже в мирное время в память 20-летия Великой Победы в 1965 г. был награжден орденом Красного Знамени.

Список литературы

1. Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 1. Вооружение и теория. – М., 2005.
2. Золотарёв В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота. 1941–1945. – М., 2005.
3. История Великой Отечественной Войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. – Т. 6. – М., 1965.

4. Майстер Ю. Восточный фронт – война на море 1941–1945 гг. – М., 2005.
5. Отделение Центрального Военно-Морского Архива. (ОЦВМА) Д. 60.
6. ОЦВМА. Д. 9190.
7. ОЦВМА. Д. 37907.
8. ОЦВМА. Д. 39517.
9. Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941–1945. – СПб., 2002.
10. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 767. Оп. 0019483.
11. ЦВМА Ф. 982. Оп. 020660. Д. 74.

УДК 94(470.1/2) «17/19»:316.343-058:271.22-543.7

Н. В. Алексеева

Исполнение таинства исповеди в крестьянской среде Европейского Севера России в XVIII–XIX вв.: побудительные причины, нормы поведения, обряды и ритуалы

Изучение покаянной практики крестьян обязывает, прежде всего, обратиться к максимально возможному выявлению норм поведения, обрядов и ритуалов, сопровождавших таинство церковного покаяния и выработанных многовековым народным опытом. Обряд же самого таинства, его чинопоследования, разумеется, регламентировался каноническими правилами.

Studying of penitential practice of peasants obliges to address to the most possible identification of standards of behavior, ceremonies and the rituals accompanying sacrament of a church repentance and developed by centuries-old national experience. The ceremony of the sacrament, its rankfollowing, certainly, was regulated by initial rules.

Ключевые слова: таинство исповеди, покаяние, священник, пост, молитва, епитимия, грех.

Key words: a sacrament of a confession, a repentance, a priest, a post, a prayer, a penance, a sin.

При возросшем в современный период интересе к истории церкви, к ее духовным составляющим, вопрос об истории церковного покаяния, его проявлении в повседневной жизни исследован очень слабо. Особняком стоят труды доктора церковной истории, профессора Духовной академии С.И. Смирнова, который в конце XIX – начале XX в. занимался исследованием проблемы исполнения исповеди и покаяния со времен неразделенной церкви [15].

В советский период об исповеди и причастии историографы вспоминали лишь в связи с отказом от них старообрядцев. Многообразие форм покаяния не исследовалось. В данной группе особое значение имели работы историков русского зарубежья, занимавшихся изучением русской святости – Г.П. Федотова [16] и И.М. Концевича [6]. Коснулся данного вопроса и А.И. Клибанов [5].

В настоящее время опубликован цикл работ по смежным проблемам, имевшим важное значение для исследования покаянной

практики русских. Результатом этого стали два сборника: «Русские» [12] и «Русский Север» [13].

Темы вскользь касались и в региональных исследованиях.

Непосредственно таинство, т. е. исповедь, изначально было связано с храмом, который играл величайшую роль в духовной жизни православного крестьянина. Сложившаяся к XVIII в. приходская сеть была достаточно плотной. Исследования внутриприходской топографии показали, что в абсолютном большинстве сельских приходов Севера расстояние до храма не превышало 7–8 верст [4]. Сами крестьяне рассматривали такое расстояние как наиболее выгодное, гарантирующее удовлетворение духовных запросов и приобщение к таинствам. Известно, что в больших приходах, помимо одного-двух основных храмов, возводились приписные храмы. Вот почему количество храмов всегда превышало количество приходов.

Так, в конце XIX в. в Архангельском уезде в 29 сельских приходах насчитывалось 57 храмов, в 40 приходах Холмогорского уезда – 52 храма, в 27 приходах Пинежского уезда – 35 храмов, в 41 приходе Мезенского уезда – 61 храм и т. д.

Храм являлся центром покаянной практики – сюда приходили за отпущением грехов и отсюда уходили для того, чтобы продолжить это покаяние в миру.

По данным духовных росписей, обязательным временем для ежегодной исповеди был Великий пост. К духовенству и членам их семей требования были более строгими – они обязывались быть у исповеди во все четыре поста – Филиппов, Великий, Петров и Успенский.

Контроль за исповедью священноцерковнослужителей был налажен в конце 40-х гг. XVIII столетия. Его осуществлял специальный духовник для духовенства заказа. Он контролировал посещаемость исповеди причтом, оформлял соответствующие ведомости, которые регулярно отправлялись в духовное правление на Филиппов и Успенский посты [10, с. 199, 204]. О подобном контроле свидетельствуют указы, периодически направляемые в отдельные церкви по поводу того, что «...из ныне присылаемых от духовников ведомостей не можно видеть во все ли четыре поста церковнослужители исповедаются и приобщаются, для чего велеть благочинным, чтоб они приказали духовникам таковые ведомости за всякой пост по прошествии оного за раз подавать...» [З. Ф. 1069. Оп. 3. Д. 9. Л. 2]. Таким образом, сельские священники XVIII–XIX вв. должны были показывать своей пастве пример регулярного исповедания.

Покаянная дисциплина духовенства сопровождалась и соответствующей подготовкой. В идеале священник должен был быть хорошим психологом, чтобы найти правильный подход, дать нужный совет кающемуся. На психологических особенностях прихожан на-

чал делаться особый акцент во время учебы в семинарии в XIX в. Для этих же целей в 60-е гг. XIX в. даже выпускались специальные пособия для священнослужителей. В одном из них верующие делились на группы:

1) по «различию внутреннего состояния, то есть различие качеств их ума, воли и особых сердечных расположений». (В их состав входили: а) ученые и образованные люди; б) неверующие и «послабляющиеся» в вере; в) необразованные; г) тупые; д) благочестивые по наружности; е) охладевшие к делам благочестия; ж) находящиеся в опасности падения; з) исповедующиеся в тяжких грехах; и) падшие в первый раз; к) падшие по немощи; л) приобретшие навык к греху; м) новообратившиеся от порочной жизни;

2) по «различию внешнего состояния, то есть различием возраста, здоровья, состояния жизни, имущества, пола и особенных отношений их», т. е. по возрасту, полу, социальному и общественному положению.

Отдельным пунктом стояло – «по различению особых качеств сердца» – меланхолики, холерики, флегматики и сангвиники [9, с. 48]. Все эти наставления должны были ориентировать священника на глубокое изучение своей паствы. Он должен был не на словах, а на деле быть их истинным духовным отцом, знающим все их тяготы и имеющим к каждому свой подход.

Этому же принципу были подчинены разъяснения в указах «Об увещевании и исповедании колодников...» [11. Т. XVII. № 12312; Т. XX. № 14996] и «О наложении преступникам... епитимии» [11. Т. XXIV. № 18212], где предписывалось применять особую осмотрительность священникам при наложении епитимий, «чтобы ни кающегося не обременить и не привести в отчаяние, ни в ожесточенном не произвести неуважения к Святым Тайнам, равно и к содеянному преступлению... паче же, чтобы расколу не ослабить... Искренно раскаявшемуся от Церкви снисхождение оказывать нужно; однако и в сем иметь осторожность, дабы они не возымели повода притворством сего достигать, другим же, наипаче в важнейших преступлениях, не подавать виду послабления» [11. Т. XX. № 44996].

Основная масса прихожан шла на исповедь в Великий пост в основном в первую крестопоклонную или страстную седмицы. Материалы Тенишевского бюро сообщают, что некоторые крестьяне в течение поста ходили «на дух» по два раза [14. Д. 327. Л. 17]. В остальные посты без особой причины могли исповедываться и причащаться либо престарелые, либо особо благочестивые прихожане. Об этом мы можем судить по данным исповедных и алтарных книг. Информатор из Вологодского уезда отмечал, что в их местности некоторые считают своим долгом исповедаться дважды в году – в Великий и Успенский посты, последний считая частью первого [14.

Д. 153. Л. 8]. В таких случаях при записи имени исповедующегося обязательно отмечалось «в который раз». По этим записям можно, хотя и косвенно, судить о количестве особо благочестивых поселян в данном приходе.

Последним сроком для исповеди было Рождество Христово, для тех, кто по каким-либо причинам не смог это сделать в другое время.

Попытаемся далее представить тот ряд последовательных действий, которые до и после исповеди совершал православный крестьянин. Всеобщим правилом, как свидетельствуют практически все источники, было соблюдение перед исповедью строгого поста – молочные, мясные и рыбные продукты в пищу не употреблялись вовсе.

Все это время использовалось для осознания несправедности тех поступков, в которых предстояло покаяться. Приступать к исповеди можно было не иначе как примирившись со всеми окружающими, не держа «зла на сердце». Обычно на просьбу о прощении следовал ответ: «Бог простит!» [14. Д. 1826. Л. 17].

Составными обязательными частями подготовки к исповеди были также чтение духовной литературы, милостыня и в семейной жизни отказ от супружеских отношений.

Отметим попутно, что в отдельных районах Русского Севера вплоть до начала XX столетия сохранился описанный С.В. Кузнецовым обряд прощания с землей перед исповедью, хорошо отражавший факт религиозного восприятия окружающего мира и религиозного осмысления земледельческого труда.

Начинался он следующим образом: отправляясь на исповедь, «должно наперво сделать перед иконами большой трехпоклонный начал. Затем следует прощание с домашними и испрашивается прощение у каждого члена семьи, а перекрестившись на часовенку, – у «крещенного люда».

Сотворив крестное знаменье и Иисусову молитву на улице, то же самое сотворяется на задворках, после чего кланяются в пояс «матушке-земле» вокруг на четыре стороны. А кончив причет и сотворив Иисусову молитву, надо было стать на колени и умыть «землей или, если земля еще не растаяла, то снегом себе руки. Земля или вода от снега с рук не стирается до тех пор, пока кающийся не придет в храм и здесь не положит большого трехпоклонного начала».

Совершив на задворках обряд омовения рук, еще раз произносилась Иисусова молитва и делался земной поклон. Потом, стоя на коленях и не оборачиваясь назад, кланялись во все стороны и причитали:

Еще раз, моя питомая,
Прикоснусь к тебе головушкой,
Испрошу у тебя благословеньца,

Благословеньица со прощеньицем, –
Что рвала я твою грудушку
Сохой острою расплывчатой,
Что не катом тебя я укатывала,
Не уразливым гребнем чесывала.
Рвала грудушку боронушкой тяжелою,
Со железным зубьем да ржавым.
Прости, матушка питомая,
Прости грешную, кормилушка [7, с. 36–37].

Желающий исповедаться – «говеющий» – должен был в течение всей недели перед исповедью посещать все службы в приходской церкви. Готовящиеся к исповеди в Великий пост обычно ходили, по свидетельству корреспондента этнографического бюро князя Тенишева, «в среду за утрени, за преждеосвященную обедню и за повечерие; в пяток – за утреню, за преждеосвященную обедню». На исповедь обычно шли всей семьей, чисто и аккуратно одевшись.

Материалы Тенишевского архива дают возможность увидеть некоторые черты поведения исповедующихся и причастников в самом храме. После обедни в церквях читалось «начало» (предначинательные молитвы к исповеди) и следовала исповедь, которая продолжалась иногда до глубокой ночи. Во время исповеди «говеющие» слушали повечерие и читали правило (канон Иисусу Христу, Божьей Матери, Ангелу Хранителю и вечерние молитвы) [14. Д. 1826. Л. 17]. Грехи, исповеданные и разрешенные ранее, повторять на исповеди не следовало, ибо они, как учит Церковь, уже прощены, но если исповедник снова повторял их, то в них нужно было опять каяться. Однако каялись не только в тех грехах, которые были совершены за время, прошедшее после последней исповеди, необходимо было вспомнить, не забыл ли кающийся в чем-либо исповедаться на прошлой исповеди [1, с. 13].

После «правила» считалось грехом пить и есть до самого принятия Святых Тайн [14. Д. 1826. Л. 17]. В некоторых местах домашние старались даже не разговаривать между собой до причастия. Исповедь повсеместно проводилась вечером в пятницу, а в страстную неделю и в среду [14. Д. 327. Л. 14].

Исповедовавшись накануне, утром в субботу шли к утренней службе, после нее слушали «утреннее правило» (молитвы перед причастием), а затем служилась обедня, во время которой и общались Св. Тайн [14. Д. 1826. Л. 18]. По сообщению информатора из Сольвычегодского уезда, в их местах исповедь начиналась в те же дни часа в два по полудни и совершалась в самой церкви, а после нее для причастников служился молебен [14. Д. 327. Л. 14].

По обычаям некоторых местностей Вологодской губернии, де-вушкам следовало причащаться только в новых платьях и с распущенными не заплетенными в косу волосами [14. Д. 1826. Л. 18].

Исповедь, по церковным канонам, считалась завершенной, а грехи отпущенными после исполнения таинства евхаристии, т. е. причастия Святых Тайн. Причащение означает духовное возрождение и обновление, поэтому в Борисоглебском уезде Ярославской губернии, например, «каждый исповедник считает своею обязанностью поставить в день принятия Св. Тайн свечи перед иконою Спасителя, Божьей Матери и иконою своего святого или праздника. Каждый исповедник старается подать одну или две просфоры (одну – за здоровье себя и ближних, другую – за упокой)». После причастия считалось грехом плевать, а также ссориться, браниться и т. д. [14. Д. 1826. Л. 18].

Однако после исповеди к причастию допускались не все. В исповедных книгах в таких случаях стоят пометки: «за нерачением себя» или «по совету духовника». Судя по данным исповедных книг, можно предположить, что подобное решение вопроса зависело от многих обстоятельств, например, от пастырской строгости приходского священника. Именно тогда в исповедных книгах и появляется запись – «по совету духовника». В отдельных случаях количество таких недопущенных достигало чуть ли не половины прихожан [3. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3596; Ф. 515. Оп. 1. Д. 22; Ф. 1063. Оп. 3. Д. 8. Оп. 8. Д. 4, 16. Оп. 9. Д. 1, 13, 14. Оп. 12. Д. 2].

Были и такие, которые сами себя отлучали от евхаристии. Ф. Бузолин отмечал, что есть крестьяне, которые, исповедавшись, не идут к причастию, удаляя себя «от соединения с Богом по глупому суеверию, что будто бы принявший святое причастие не должен в течение сорока дней плевать на пол, ходить в баню и иметь брачное ложе» [8, с. 38]. Для других отговоркой от посещения исповеди служило то обстоятельство, что нет приличной одежды [14. Д. 130. Л. 9].

К тем, кто не ходил к исповеди по 2–3 года, односельчане относились настороженно и подозрительно. Даже в волостном суде мерилом надежности служило посещение исповеди и причастия. Свидетелям, которые редко «бывали на духу», не доверяли [14. Д. 153. Л. 8].

Обычно в случаях отлучения от причастия священником за бытовые или духовные согрешения, не носящие уголовного характера, назначалась епитимия. Разнообразием она не отличалась – молитва, поклоны, милостыня, чтение (если это было возможно) Св. Писания, псалтири, житийной литературы.

Плата за исполнение таинства исповеди официально установлена не была. Но прихожане в разных приходах обычно жертвовали на исповедь от 1 до 10 к. [14. Д. 151. Л. 1]. Существовали приходы, где этих пожертвований не было вовсе [14. Д. 327. Л. 15]. Причащение везде было бесплатно. Жертвовали и на молебен, который проводился для причастников.

Рассмотрим теперь те мотивы, которые приводили крестьян к покаянию вне Святой Четыредесятницы. Одним из них являлась подготовка к таинству брака. Священники при венчании требовали свидетельство о бытии у исповеди и Святого причастия в прошлый пост или накануне.

Резолюция из консистории от 28 октября 1843 г. в очередной раз напоминала священнослужителям, чтобы они постоянно заботились о том, чтобы невесты, т. е. «девицы 16-ти летние и более имеющие лет ежегодно исповедывались и причащались Святых Тайн, <...> чтобы обыски деланы были заблаговременно и в них требовали показание и документов о том, всегда ли жених и невеста исповедывались и причащались, а не исполнивших такого христианского долга заставляли исполнять за неделю до брака и без сего, яко подозревались в расколе, не венчали...» [2. Д. 549. Л. 1]. Вследствие этого к концу XIX в., когда контроль за исполнением обязательной ежегодной исповеди со стороны государства был ослаблен, молодые люди, которые ежегодно не исповедывались, все же «говели» в один из постов, если собирались вступить в брак в будущий мясоед [14. Д. 1826. Л. 17].

Вторым наиболее распространенным мотивом исполнения таинства исповеди вне Великого поста служила болезнь. Причем исповедавшихся перед смертью было гораздо меньше общего числа исполнивших это таинство «в болезни», о чем свидетельствуют пометки «умре» в алтарных книгах. Нездоровье считалось карой Господней за содеянные грехи. Для верующего человека необходимость раскаяния и очищения души путем церковной исповеди была первым и основным шагом на пути к выздоровлению.

Одним из ключевых моментов, когда православный человек должен был обязательно исповедаться, было приближение смерти. Данные метрических книг позволяют говорить о том, что подавляющее большинство населения умирало от нескоропостижных болезней: оспы, лихорадки, водянки, горячки и т. д. Умиравшие успевали исповедаться, причаститься и собороваться. В таких случаях покойного хоронили по всем церковным правилам, о чем делалась запись в метрической книге. Но были примеры и скоропостижных смертей: несчастные случаи, самоубийства, убийства и т. д. Для захоронения этих тел по церковному чиноположению на кладбище в таких случаях требовалось официальное разрешение из консистории. При этом выяснялись все подробности смерти, какую жизнь вел человек до

нее и был ли в последний Великий пост на исповеди и «... ежели... не убит, не зарезан, и сам себя не умертвил, не опился пьянственного какого пития, или сам себя чем удавил и если был правоверным, исправно посещал церковь, каждый раз ходил к исповеди и от Святых Тайн не отстранялся, то мертвое его тело при оной церкви погребать по церковному чиноположению» [З. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3191. Л. 1, 3–4, 9, 11, 12, 13–14]. В противных же случаях тело погребали за пределами церковного кладбища – «за городом в приличном месте без надгробного отпевания» [З. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2422. Л. 9].

В народе бытовало мнение, что смерть без покаяния – наказание за несправедную жизнь. И такого человека на том свете ждут страшные мучения. Подобные случаи не могли не оказать сильного эмоционального воздействия на мировоззрение верующего человека. Небольшое количество таких смертей, а по некоторым приходам Вологодской губернии за несколько лет и отсутствие таковых вообще, убеждают в этом.

Таким образом, в религиозной жизни северного крестьянства в XVIII–XIX вв., как и прежде, сосредоточением покаянной практики оставалась церковная исповедь, завершающаяся таинством причастия. Наступление синодального периода вызвало к жизни ряд новых обстоятельств, сопровождавших совершение этих таинств.

С 1718 по 1801 г. регулярность «явки на исповедь» каждого православного человека была поставлена под государственный контроль, влекущий за собой ряд штрафных и иных принудительных санкций. Это привело в религиозную жизнь деревни неуместную струю формализма, но, как нам думается, не изменило сложившийся порядок подготовки к церковному покаянию (исповеди). Важно отметить, что государственной регистрации подлежала «явка на исповедь» в Великий пост, что само по себе не охватывало всех случаев церковной исповеди. Можно утверждать, что крестьянство и сельское духовенство по существу не приняли это вмешательство в церковное таиносовершенство, выработав практику укрытия «небытейщиков», с трудом подвергающуюся перепроверке. Уже с конца XVIII и в течение всего XIX в. церковные иерархи и приходское духовенство делали акцент на мерах духовного воздействия и воспитания в крестьянстве покаянных чувств (проповеди, внебогослужбные собеседования, распространение духовной литературы, а также епитимийная практика). Государство и Синод вынуждены были отказаться от мер принудительного воздействия.

Источники позволяют утверждать, что подготовка православного русского крестьянина к церковной исповеди в XVIII–XIX вв. представляла собою многоэтапную процедуру, состоящую из нескольких устойчивых параллельных обычаев. Прежде всего, выявляется ряд обычаев, основанных на церковно-канонической традиции: говение, усиленное моление, чтение духовной литературы, отказ от супруже-

ского общения, милостыня нищим и нуждающимся, примирение с ближними и соседями и т. п. Во-вторых, очевидно и устойчивое бытование обычаев, рожденных народным благочестием и призванных усилить свидетельства покаянных чувств: облачение в новые или чистые одежды, полное голодание, молчание, особая строгость поведения. В-третьих, подготовка к исповеди включала и обряды, сохранившиеся в религиозности крестьянства с дохристианских времен, но к XVIII–XIX вв. органично соединившиеся с православным миропониманием: прощание с землей, расплетение волос у девушек и пр.

Выявляются устойчивые нормы поведения и после исповеди и причастия (если исповедь не завершилась наложением епитимии): подача просфор за здравие и за упокой, возжигание свечей перед образами Спасителя, Божьей Матери и «своего» святого, сохранение норм особо строгого поведения в течение 40 дней. Таинство исповеди оставалось отправной и заключительной точкой в покаянной практике крестьян.

Список литературы

1. Брянчанинов Игнатий, святитель. В помощь кающимся. Введенская Оптина пустынь. 1995.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 361. Оп. 6.
3. Государственный архив Вологодской области.
4. Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1993.
5. Клибанов А.И. Древняя культура Средневековой Руси. – М., 1994.
6. Концевич О.М. Стяжание Духа Святого в Путях Древней Руси. – М., 1993.
7. Кузнецов С. В. Религиозно-нравственные основания русского земледельческого хозяйства // Православие и русская народная культура. – М., 1994. Вып. 1.
8. Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX в. – М., 1995.
9. Напоминание священнику об обязанностях его при совершении таинства покаяния. Ч. 1. – М., 1861.
10. Нечаева М. Ю. Монастыри в системе регуляции общественной и хозяйственной жизни Урало-Сибирского региона. (1721–1764): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1994.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. – 1. – СПб., 1880.
12. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М., 1999.
13. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / отв. ред. И.В. Власова. – М., 2001.
14. Русский этнографический музей. Ф. 7. Оп. 1.
15. Смирнов С.И. Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока // Богословский вестн. 1905; Он же. Древнее духовенство и его происхождение // Богословский вестн. 1906; Он же. Древнерусский Духовник. – М., 1913.
16. Федотов Г.П. Сокровище русской древности. – Нью-Йорк, 1948; Он же. Святые древней Руси. – М., 1990.

А. Б. Агафонова

**Роль болотных ресурсов в сельском хозяйстве
Новгородской губернии и проблемы их освоения
в последней трети XIX – начале XX вв.***

В статье рассматриваются проблемы экономического развития Новгородской губернии, вызванные обилием заболоченных земель. Автором проведен анализ основных направлений хозяйственного освоения болотных ресурсов и факторов, ограничивавших их эффективное использование.

The article is devoted to the problems of economic development of the Novgorod region that was caused an abundance of wetlands. The author analyzes the main directions of economic exploitation of wetland resources and factors that was constraint to their effective use.

Ключевые слова: болота, земство, история мелиорации, история эксплуатации ресурсов болот, сельское хозяйство.

Key words: bogs, the district council, the history of land reclamation, the history of resource exploitation wetlands, agriculture.

Традиционно болота, как и природные ресурсы в целом, входили в сферу интересов представителей естественных наук, которые исследовали их генезис, динамику развития и связь с другими экосистемами [26; 27; 29]. Вопросы эксплуатации природных ресурсов изучались в контексте истории какой-либо отрасли науки [2; 19; 35; 36], в то время как в исторической традиции влияние природных условий на социальную среду либо не учитывалось [21, с. 53], либо рассматривалось с позиций, близких к географическому детерминизму [13, с. 57; 16, с. 16]. Лишь в последние несколько десятилетий в зарубежной и отечественной историографии стали появляться работы, так или иначе затрагивающие проблемы взаимовлияния социума и окружающей природной среды [10; 15; 20; 21; 38]. В данной статье предпринимается попытка охарактеризовать роль болотных ресурсов в хозяйстве Новгородской губернии и выявить основные проблемы, связанные с их использованием.

Пореформенное развитие Новгородской губернии в экономическом и социальном аспектах было тесно связано как с природно-ресурсным потенциалом региона, так и со способностью населения эффективно использовать этот потенциал. Несмотря на суровый

© Агафонова А. Б., 2013

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01242.

климат, высокую влажность воздуха и скудость почв, основным занятием населения являлось земледелие, а земельные ресурсы представляли особую ценность. Однако преобладание экстенсивных форм хозяйствования в совокупности с обилием заболоченных земель, наступавших год от года не только на леса, где болота уже к началу XX века занимали пятую часть [14, с. 2], но и на луга, а также пахотные земли, являлись причинами низкой доходности сельского хозяйства. В некоторых местностях было практически невозможно изменить ситуацию за счет лишь интенсификации земледелия без предварительного проведения мелиоративных работ. Посредством же осушения могла быть решена проблема нехватки луговых пространств за счет включения в хозяйственный оборот так называемых «неудобных земель», находившихся, главным образом, под болотами [28, с. 105–106].

В исследуемый период в связи с недостаточной топографической изученностью региона, размерам заболоченных пространств давались различные оценки. По данным профессора ботаники Санкт-Петербургского университета Х.Я. Гоби, площадь крупных болот шести уездов – Новгородского, Старорусского, Крестецкого, Валдайского, Демянского, Боровичского – составляла 751180 дес., или 16,5 % их совокупной площади. С учетом множества мелких болот, а также болотистых лугов и выгонов заболоченные земли занимали не менее 1/4 всего пространства. Предполагалось, что площадь болотистых местностей пяти северных уездов еще больше [8. Л. 2]. По данным Северной экспедиции, проводившей в 1875–1879 гг. изыскания в Новгородской губернии под началом И.К. Августиновича, болотами было занято около 2 млн дес., или 1/5 часть поверхности губернии [8. Л. 2]. В статистических материалах Новгородской губернии за 1891 г. указывалось, что «почти 1/7 часть губернии, около 14000 кв. вер., покрыта болотами, по большей части непроходимыми» [30, с. 3]. Инструктор по культуре болот Новгородской губернии, кандидат естественных наук барон Г.В. Розен приводил следующие данные: «под моховыми и луговыми болотами занято примерно 1223305 дес., или 11,27 % общей площади (10849388,9 дес.), под сильно заболоченными местами 1319000 дес., или 12,15 % общей площади, а всего занято под болотами 2542300 дес., или 23,43 % общей площади губернии» [4. Л. 5 об.]. По оценкам старшего инструктора Департамента земледелия по сельскохозяйственной части К.С. Захарова болотами было занято не менее 11,2 % всей площади Новгородской губернии [14, с. 1].

К числу наиболее обширных относились болота Спасо-Оскупское, простиравшееся на 548 кв. вер. в юго-западной части Тихвинского и в северо-восточной части Крестецкого уездов, и Не-

вий мох, занимавшее 231 кв. вер. на территории Крестецкого, Демянского и Старорусского уездов [28, с. 105–106; 17, с. 4–5]. Кроме того, в юго-западной части Старорусского уезда находились обширные Порусские мхи [22, с. 11], на территории Новгородского и частично Крестецкого уездов располагались мхи Тушинские, Каменский, Даниловский, Кадельский, Соколий и Черновский. Просторные болота покрывали Тихвинский уезд, откуда через Колпинские мхи и Белозерский уезд, где болота занимали не менее 2/3 всей площади [37, с. 37–38], они переходили в земли Кирилловского, Череповецкого, Устюженского и частично Боровичского уездов. Восточная часть Демянского и Крестецкого, почти весь Валдайский и большая часть Боровичского уезда представляла сухое пространство [28, с. 105–106].

Основная масса болот губернии имела древнее происхождение, однако и в исследуемый период продолжались процессы заболачивания суходолов и водоемов, являвшиеся, в том числе, результатом антропогенного воздействия. В частности, в Старорусском уезде в конце XIX в. имелись обширные заболоченные пространства, появившиеся на месте выгоревшего леса [8. Л. 2 об.]. Засорение истоков рек и ручьев также являлось причиной образования болот. Так, в результате частых заколов, устраиваемых рыбаками на реке Полымети в районе д. Ермошкино Демянского уезда, она «засорилась, образовался перерыв реки, и вода из верховья Полымети и ее притоков затопила площадь около 100 кв. верст, причем погибло 7000 дес. лугов у крестьян и частных владельцев» [8. Л. 3].

Помимо образования новых болот, в пореформенный период происходило постепенное разрастание болотных пространств. Причем в условиях равнинного рельефа рост торфяников, сопровождавшийся поднятием уровня грунтовых вод, мог достигать порядка десяти метров в течение года [26, с. 7], чем причинял вред как лесным массивам, так и сельскохозяйственным угодьям. Г.В. Розен следующим примером иллюстрировал такие процессы: «в селении Речки Демянского уезда благодаря быстрому разрастанию торфяников казенного лесничества, окружающих эту деревню, в какие-нибудь 35–40 лет площадь удобной земли сократится, по меньшей мере, на 10–15 дес. и это при наличности 189 дес. удобной наделенной земли» [4. Л. 5 об.].

В иных местностях болота оказывали более губительное воздействие на сельское хозяйство. В частности, крестьяне Устюженского уезда в связи с практически полным отсутствием сенокосов и сильной заболоченностью земель были не в состоянии содержать достаточное количество скота для удобрения имевшихся пахотных площадей. Несмотря на обильные посевы, всходы хлебов были таковы, что их количества едва хватало на полгода. Выходом из сло-

жившейся ситуации, по мнению местного землевладельца А.П. Полянского, могло служить лишь проведение мелиоративных работ и развитие травосеяния на осушенной земле [32, с. 500]. Не были редкостью и коллективные ходатайства об осушении болот, направляемые в Министерство земледелия и государственных имуществ, в которых крестьяне жаловались на ущерб, наносимый близлежащими болотами, земледелию и населению от ухудшения санитарно-гигиенических условий. В то же время просителями отмечалось, что осушение почв может принести ощутимую пользу, поскольку остановит заболачивание культурных земель, а сами болота обратятся в луга [9. Л. 3–4 об.]. Стоит отметить, что неблагоприятное влияние болот на развитие животноводства, а также санитарно-гигиенические условия неоднократно отмечалось как на уездном, так и на губернском уровнях [8. Л. 3–3 об.; 18, с. 38; 32, с. 202, 550].

Обширные болота Новгородской губернии препятствовали организации транспортного сообщения: в летний период расстояние между населенными пунктами, разделенными болотом, порой увеличивалось в четыре и более раза [28, с. 106]. Жители Тихвинского уезда летом для перевозки снятого хлеба в скирды и овины по заболоченным землям вместо телег использовали сани [5. Л. 40 об.]. Северо-восточные волости Кирилловского уезда были отрезаны от остальных селений таким образом, что сообщение с ними оказывалось возможным лишь в течение двух зимних месяцев [8. Л. 3]. А о деревне Столупино, которую вследствие изолированности от суши никогда не посещал ни медицинский, ни ветеринарный персонал, кирилловские жители знали куда меньше, чем о Трансваале и Абиссинии [18, с. 38]. Схожие картины можно было наблюдать в Старорусском и Белозерском уездах [8. Л. 3].

Ущерб, наносимый хозяйству, был отмечен на государственном уровне. В 1872 г. комиссия Министерства государственных имуществ под руководством П.А. Валуева признала, что «осушка болот составляет меру, необходимую в губ. С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Тверской, Ярославской, Минской и Волынской, где стоячие воды, занимая огромные пространства, вредно действуют на климат, портят леса, затрудняют земледелие и препятствуют развитию скотоводства» [цит. по 33, с. 553–554]. В сознании населения болота наряду с оврагами и песками повсеместно относились к категории «врагов сельского хозяйства» [32, с. 115], судьба которых зависела от местных условий. Если в Вологодской губернии, величина болот которой была немногим меньше размеров заболоченных новгородских территорий [25. Л. 10], в начале XX в. не считали целесообразным проводить мелиоративные работы в связи с наличием громадных площадей малоиспользуемых земель [31, с. 8], то в

Новгородской губернии в условиях недостатка лугов и выгонов признавали «необходимым принятие энергичных мер к осушению болот» [32, с. 114]. При этом в силу дороговизны мелиоративных работ, практически все население губернии как на уровне крестьянских обществ, так и на уровне земств полагалось на содействие Правительства [8. Л. 1, 3 об.; 32, с. 202, 206, 273, 276–277, 331, 552].

Начало развитию мелиоративных практик, способствовавших улучшению условий землепользования, было положено уже в середине XIX в. В 1854–1856 гг. академиком Н.И. Железновым была построена первая в губернии система закрытого дренажа в имении Нароново [19, с. 66]. В 1870–1872 гг. при содействии Новгородского Губернского земского собрания были проведены первые в губернии опыты по осушению болот бурением, которые оказались неудачными [7. Л. 1 об.–2]. В 1873 г. в результате ходатайств земств Правительством была организована Северная экспедиция [23. Л. 37], персонал которой с 1875 по 1879 г. проводил в Новгородской губернии работы по расчистке рек, строительству каналов, дорог, производил культуртехнические работы, осуществлял подготовку неудобных земель к освоению.

В связи с высокой стоимостью дренажных работ осушение земель производилось путем проведения открытых каналов для спуска избыточных вод [19, с. 67]. За четыре года работы экспедицией было исследовано в разных уездах 49 отдельных болот, общей площадью 33,915 тыс. дес. [1, с. XVI]. Наиболее значительные объемы работ с достаточно хорошим хозяйственным эффектом, по мнению В.К. Константинова, Северная экспедиция выполнила в Котовицко-Пидебской даче, проложив 280 км каналов на площади 15,3 тыс. га [36, с. 14]. Всего же до 1892 г. в губернии было осушено 27 болот общей площадью 28426 дес. [3, с. 222], что составило порядка 1,4 % всех заболоченных земель. Стоит отметить, что мелиоративные работы проводились не без участия губернского и уездных земств, которые путем выдачи ссуд оказывали посильное финансовое содействие населению в данном вопросе [8. Л. 1].

Качественные изменения в результате проведения мелиоративных работ заключались в повышении стоимости десятины заболоченных земель в 7–10 раз, а также в увеличении доходности таких наделов. Так, ранее бесплодные болота Нарышкина в Новгородской губернии после осушки стали давать до 10000 пудов сена [5. Л. 41–41 об.].

В связи с тем, что ни земства, ни Северная экспедиция не имели детального проработанного плана проводимых изысканий [36, с. 13], вовлекая в мелиорацию значительные площади олиготрофных болот без достаточного на то обоснования, в исследуемый период возник ряд трудностей с освоением заболоченных земель. В

частности, вопрос о недостаточной изученности болотных площадей поднимался в начале XX в. в Тихвинском уезде [32, с. 421–422], а в 1912 г. младший специалист по культуре болот и луговодству Новгородской губернии Д.А. Джовани указывал на необходимость составления карт топографического распределения отдельных типов угодий [12, с. 100]. Кроме того, вовлечение в хозяйственный оборот осушенных земель требовало дополнительных затрат на их дальнейшую обработку и удобрение, поскольку процессы сукцессии в естественных условиях происходили достаточно медленно, а избыточное осушение болот давало повод для упреков, что «до осушки хоть кой-какая трава росла, а после осушки и та вывелась» [23. Л. 44].

Направление хозяйственного использования болотных ресурсов зависело от типа заболоченных земель. На территории Новгородской губернии преобладали сфагновые (обычно олиготрофные) и травяные (эвтрофные) болота, различавшиеся как растительным покровом, так и содержанием в почве необходимых растениям питательных веществ. Почвы первых содержали в труднодоступной для растений форме 93,29 % органических веществ (в т. ч. 1,3 % азота) и 6,71 % – минеральных (в т.ч. калия – 0,05 %, извести – 0,23 %, оксидов железа – 0,60 %, серной кислоты – 0,20 % и фосфорной кислоты – 0,08 %), что затрудняло вовлечение этих земель в сельскохозяйственный оборот без предварительного известкования. Травяные (луговые) болота были более богаты питательными веществами и содержали 84,18 % органических соединений (в т. ч. 3,35 % азота) и 15,82 % – минеральных (в т.ч. калия – 0,06 %, извести – 4,06 %, оксидов железа – 4,68 %, серной кислоты – 0,87 % и фосфорной кислоты – 0,29 %), что делало эти почвы вполне пригодными для обращения в луга посредством травосеяния [6. Л. 41].

Зачастую улучшение почвенного и растительного покровов предоставлялось времени и естественным силам природы, либо носило экстенсивный характер [5. Л. 39 об.]. Нередко в целях дальнейшего использования осушенное болото выжигали. При этом питательные вещества переходили в более доступную для растений форму, но хорошая урожайность в таких землях наблюдалась непродолжительное время, а уровень грунтовых вод понижался, что создавало риск повторного затопления территории. Улучшение качества почв луговых болот достигалось в том числе посредством боронования и компостирования, но более значительных результатов позволяла добиться распашка земель с последующим внесением искусственных минеральных удобрений. Лучшими травами для посева на луговых болотах считались: тимофеевка, овсяница луговая, лисохвост луговой, ежа, мятлик обыкновенный, различные виды клеверов, а их количество зависело от местных условий [6. Л. 41 об. – 42].

Использование сфагновых болот под культуру растений было сопряжено с трудностями их осушения, обильного известкования и внесения значительных объемов органического удобрения, а потому получило малое распространение. Однако тщательно осушенный торф данных болот мог найти применение в качестве удобрения, вносимого в почву с периодичностью 8–10 лет в количестве от 3000 до 12000 пудов на десятину [6, Л. 42 об.–43].

В условиях нехватки древесного топлива торф сфагновых болот вполне мог его заменить. По данным торфмейстера Череповецкого уезда В.Г. Рачинского, одна десятина хорошего болота давала до 2200 куб. саж. топлива, а одна куб. саж. хорошего торфа заменяла более сажени хороших сосновых дров [25. Л. 11 об.]. Но, несмотря на это, широкого распространения торфяное топливо не получило: в конце XIX в. оно имело лишь местное значение, а добыча велась нерегулярно [34, с. 521]. Так, в начале XX в. крестьяне Череповецкого уезда, который был на 2/3 совершенно обезлесен, предпочитали ездить за 15–20 верст за дровами вместо разработки на топливо близлежащих болот [25. Л. 18 об., 20–20 об.]. Население Старорусского уезда, имея богатые залежи торфа при дефиците древесного топлива, также приобретало последнее за 30–40 верст на стороне по причине отсутствия технических знаний по разработке торфяников [37, с. 39].

Проблема недостатка у населения как теоретических, так и практических знаний, соответствовавших требованиям времени, в области рационального использования природных ресурсов являлась одной из важнейших, от своевременности и полноты решения которой зависело экономическое благополучие региона. В приложении к топливному вопросу решение проблемы обществом виделось в приглашении в уезды специалистов по торфодобычанию, которые наглядным примером и практическими советами обучили бы крестьян правильной организации этого дела, предотвратив хищническую эксплуатацию торфяников [23. Л. 45; 25. Л. 22 об.–23; 37, с. 39].

Агроном Устюженского уезда М.И. Шмелев полагал, что проблема эффективного использования ресурсов болот коренится в «низкой культурности населения» [32, с. 494] и изменить ситуацию к лучшему можно путем распространения знаний по культуре болот и лугов. Комплексное повышение культурного уровня сельского населения осуществлялось путем организации чтений, лекций для крестьян, учреждения агрономической службы в уездах, но наиболее эффективным являлась наглядная демонстрация повышения урожайности при использовании современных технологий обработки почв. С этой целью земствами распространялись семена трав для травосеяния на осушенных болотах, организовывались показательные участки, опытные поля и станции, на которых результаты ис-

следований отечественных и зарубежных ученых адаптировали к природным условиям конкретной местности. Широкомасштабное устройство показательных участков по улучшению лугов на болотных и минеральных почвах началось с 1909 г. [12, с. 98]. В том же году в Новгородскую губернию был приглашен инструктор по культуре болот и луговодству, а к 1913 г. число специалистов в данной сфере достигло 22 человек [11, с. 2]. В Новгороде устраивались курсы болотоведения, в некоторых уездах – сельскохозяйственные курсы для крестьян, где читались лекции о луговодстве, осушке и дальнейшей обработке болот, разработке «бросовых» земель. В 1913 г. мастерами по культуре болот и лугов в 125 населенных пунктах губернии было проведено 134 беседы о культуре болот, а в Новгороде открыт болотно-луговой музей [11, с. 4, 46–47]. Кроме того, год от года наблюдался рост интереса со стороны сельских хозяев к культуре болот и лугов [11, с. 1].

Таким образом, население богатой болотными ресурсами Новгородской губернии в исследуемый период оказалось перед лицом проблемы вытеснения культурных земель болотами, препятствовавшими организации транспортного сообщения, наносившими ущерб животноводству и сельскому хозяйству, служившими источниками многочисленных эпидемий и эпизоотий. В общественном сознании болота воспринимались в значительной степени как «враги сельского хозяйства», у которых необходимо «отвоевывать» землю под собственные нужды [32, с. 552]. Подобным отношением объяснялось такое широкое распространение мелиоративных практик, при котором земствам нередко приходилось отказывать в выдаче ссуд на проведение данных работ в связи с недостатком финансовых средств [23. Л. 38]. В то же время вовлечение в хозяйственный оборот неиспользуемых ранее ресурсов, характерное в целом для российской модернизации второй половины XIX – начала XX в., в деле освоения болот сдерживалось рядом факторов. Наиболее значимыми среди них являлись: высокая стоимость проводимых работ, преобладание ручного труда, нехватка специалистов, низкий уровень теоретических знаний и практических навыков в деле осушения земель у населения, недостаточная изученность губернии в топографическом отношении, отсутствие детального плана проведения мелиоративных работ. В целом пореформенное время явилось периодом экспериментов и поисков наиболее оптимальных способов обращения заболоченных земель в сельскохозяйственные, о чем можно судить по тому, какое важное место отводилось опытам с кормовыми травами, расширению сети опорных пунктов и опытных станций. Успешное решение проблемы заболачивания и переход к эффективному использованию болотных ресурсов требо-

вали постоянного расширения масштабов просветительской и экспериментальной деятельности, оказания финансовой помощи населению и, соответственно, значительных временных затрат. Однако начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война заставила во многом снизить темпы освоения болотных ресурсов: выдача ссуд и отпуск семян для проведения опытов на опорных пунктах были приостановлены, а значительная часть технического персонала мобилизована на фронт [24. Л. 9, 40, 45]. Преодолеть сложившийся кризис и возобновить в полном объеме начатую работу удалось только с установлением Советской власти. В исследуемый же период общество лишь осознало значимость проблемы заболачивания для экономического развития региона и наметило основные направления решения, но устранить ее в полной мере не удалось в силу влияния сдерживающих факторов и начавшихся в Европе военных действий.

Список литературы

1. Августинович И.К. Отчет по исследованию и осушению болот в Новгородской губернии за 4 года (с 1875 по 1879) начальника экспедиции, вице-инспектора корпуса лесничих, действ. статс. советника И. Августиновича. – СПб., 1879.
2. Арнольд Ф.К. Русский лес: в 3 т. Т. 1. – СПб., 1893.
3. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 2. – СПб., 1909.
4. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Ф. 98. Оп. 3. Д. 1651 (докл. Новгор. Губернскому земскому собранию очередной сес. 1909 г. инструктора по культуре болот, канд. естеств. наук Барона Г.В. Розена). Новгород, 1912.
5. ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2359 (об использовании болот) // Вестн. Новгор. земства. – 1906. – № 21.
6. ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2361 (об использовании болот) // Вестн. Новгор. земства. – 1906. – № 22.
7. ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2387 (докл. Новгор. Губернской земской управы губернскому собранию 1875 г. об осушении болот).
8. ГАО. Ф. 98. Оп. 3. Д. 2412 (докл. Новгор. Губернскому земскому собранию очередной сессии 1900 г. об участии губернского земства в осушении болот).
9. ГАО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1 (Дело по Новгородской губернии 1894 и 1895 гг. Переписка с Отделом земельных улучшений, Министерством земледелия и государственных имуществ о проведении осушительных работ в Новгор. губернии).
10. Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем. – Ханты-Мансийск, 2009.

11. Джовани Д.А. Отчет специалиста по культуре болот и луговодству Д.А. Джовани // Сб. постановлений Земских собраний Новгородской губернии за 1913 г.: в 2-х т. Т. 2. – Новгород, 1914.
12. Джовани Д.А. План мероприятий по культуре кормовых растений и культуре болот в Новгородской губернии // Отчет Новгор. Губернскому земскому собранию очередной сессии 1912 г. мл. спец-та по культуре болот и луговодству Д.А. Джовани. – Новгород, 1912.
13. Дурновцев В.И. На путях к экологической истории России (историограф. наблюдения) // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. – М., 2011.
14. Захаров К.С. О рациональном луговодстве: отчет старшего инструктора Департамента земледелия по сельскохозяйственной части К.С. Захарова за 1911 год // Сб. постановлений Земских собраний Новгор. губернии за 1911 г.: в 2-х т. Т. 2. – Новгород, 1912.
15. Калимуллин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. – М., 2006.
16. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 т. Т. 1. – М., 2002.
17. Краткое географическое обозрение губернии // Памятная книжка Новгор. губернии на 1893 год. – Новгород, 1893.
18. Левитт А. Местная хроника // Вестн. Новгор. земства. – 1900. – № 4.
19. Маслов Б.С. Вопросы истории мелиорации торфяных болот и развитие науки // Вестн. ТГПУ. – 2008. – Вып. 4.
20. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2001.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: в 2 т. Т. 1. – СПб., 2000.
22. О Валдайской возвышенности // Памятная книжка Новгородской губернии на 1880 год. – Новгород, 1880.
23. Отдел фондов Череповецкого музейного объединения (ЧерМО). Ф. 17. (Аболин Я.А. Материалы к истории агрономической деятельности в Череповецком уезде за первые 25 лет. 1898–1903 годы).
24. Отдел фондов ЧерМО. (Памятный реестр на записку прихода и расхода бланков ассигновок на 1911 год).
25. Отдел фондов ЧерМО. (Текущие дела 913–914 год).
26. Пьявченко Н.И., Нестеренко И.М., Чесноков В.А. Мелиорация и природа Севера. – Петрозаводск, 1980.
27. Пьявченко Н.И. Торфяные болота, их природное и хозяйственное значение. – М., 1985.
28. Статистические сведения о Новгородской губернии // Памятная книжка Новгор. губернии на 1871 год. – Новгород, 1871.
29. Танфильев Г.И. Географические работы. – М., 1953.
30. Территория губернии, ее топографические условия, население // Приложение к памятной книжке Новгор. губернии на 1891 год. – Новгород, 1891.
31. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. VII. Вологодская губерния. – СПб., 1903.

32. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXV. Новгородская губерния. – СПб., 1903.
33. Усов В., Оппоков Е. Осушение // Полн. энцикл. рус. сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: в 12 т. Т. 6. – СПб., 1902.
34. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1896.
35. Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957.
36. Чиндяев А.С. Гидротехнические мелиорации лесных земель: история и перспективы развития лесоосушительной мелиорации. – Екатеринбург, 2010.
37. Шапошников Г. Нужды сельского хозяйства Новгородской губернии и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний // Вестн. Новгор. земства. – 1900. – № 2.
38. Smout T.C. Exploring Environmental History: Selected Essays. – Edinburgh, 2009.

Н. А. Портнягина

I Государственная дума в борьбе за власть: оценка революционного террора*

Страшный вопрос о терроре был одним из подводных камней, о которых разбились Первая, отчасти и Вторая Дума.

А. В. Тыркова

В статье анализируется проблема обсуждения террора в Первой Государственной думе. Автор показывает, что оценка Думой революционного террора, ее борьба за политическую амнистию и отмену смертной казни стали средством давления Думы на правительство. Новая элита, возникшая в России в ходе модернизации и представленная в нижней палате парламента, хотела не столько освободить заключенных, сколько выиграть у правительства борьбу за власть. Поэтому террор воспринимался Думой не как преступление, а как героический способ борьбы за свободу.

The article analyses the problem of the terrorism in the discussion of the First State Duma. The author shows that the Duma's evaluation of the revolutionary terror, its struggle for political amnesty and abolition of death penalty became a means of pressure on the government. The new elite that emerged in Russia in the course of modernization and represented in the Lower chamber would not only free the prisoners as win the struggle for power. That is why the terror was perceived by Duma not as a crime but as a heroic way to fight for freedom.

Ключевые слова: амнистия, революционный террор, политические убийства, смертная казнь, I Государственная дума, кадетская фракция, военно-полевые суды, правительство.

Key words: amnesty, revolutionary terror, assassination, death penalty, the First State Duma, Cadet Fraction, court martial, government.

Одной из форм политического насилия является терроризм, призванный устрашить противника, нарушить или разрушить государственный и общественный порядок, вызвать панику, политические и другие изменения. Едва ли не главная задача терроризма – воздействие на мышление и сознание людей, их завоевание, что ведет к подрыву государства, к захвату власти той партией, которая использует террор. Терроризм в России конца XIX – начала XX в.

© Портнягина Н. А., 2013

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России. Соглашение № 14.В37.21.0952 от 07.09.12 по теме: «Российская общественность и власть в начале XX в.: реакция на революционный террор».

оказал существенное влияние как на политику власти, так и на общественное мировоззрение. Например, проект М.Т. Лорис-Меликова или Манифест 17 октября 1905 г. были вызваны систематическим террором народников и неонародников [2, с. 345–347]. Политическая культура страны формировалась в условиях нарастания террористической деятельности и снижения значения человеческой личности. Размах терроризма обусловлен отношением к нему общества. Настоящая статья является попыткой проанализировать эту малоизученную в отечественной историографии проблему на примере восприятия террора I Государственной думой.

В Государственной думе в полной мере была представлена российская общественность – сознательная образованная часть граждан: дворянство, духовенство, верхи торгово-промышленного населения, или цензовые граждане, представители всех сословий, получивших право с 1906 г. участвовать в выборах Государственной думы [12, с. 210–211].

I Дума была левой по своему составу, кадеты (176) и трудовики (102) составили самые большие фракции, определявшие работу нижней палаты [4, с. 37–38]. Дума 1906 г. воспринималась современниками как поле битвы народа с правительством, депутатов с властью [6, с. 23; 9, с. 138, 299]. Талантливая журналистка А.В. Тыркова, освещавшая работу нижней палаты парламента, вспоминала: «Перед открытием Государственной думы между правительством и народными представителями не произошло никакого общения, никаких не только сговоров, но даже переговоров. Думцы и министры впервые встретились в Таврическом дворце, куда обе стороны притащили с собой тяжкий груз и путы враждебности, недоверия, нежелания подойти друг к другу ближе, найти почву для сотрудничества» [23, с. 244].

Ненависть депутатов к правительству была так велика, что некоторым министрам не давали говорить. Например, когда главный военный прокурор В.П. Павлов, инициатор введения военно-полевых судов, вошел на думскую трибуну, раздались крики: «Вон, долой, палач, мерзавец!». В.А. Оболенский вспоминал: «Какое-то заразительное безумие охватило Думу. Я видел рядом с собой обычно тихих, уравновешенных людей, которые с искаженными от бешенства лицами орали бранные слова или свистели, засунув пальцы в рот», пока «бледный как полотно Павлов сошел с трибуны, так и не произнеся ни одного слова» [15, с. 354]. Позже депутат В.Д. Набоков с иронией напишет: «Значительная часть Думы не допустила генерала Павлова до объяснений, и мнение военного министра осталось необнаруженным» [14, стб. 1089]. Так Дума продемонстрировала свое отношение к правительственному террору, результат не замедлил сказаться, 27 декабря 1906 г.

В.П. Павлов был убит террористом. Таким образом, осуждение террора и отказ от него как со стороны власти, так и со стороны общества могло бы стать почвой для сотрудничества между Думой и властью.

Правительству следовало бы подготовиться к обсуждению этой проблемы в парламенте, поскольку можно было предвидеть, что террор и тесно связанные с ним вопросы амнистии и смертной казни вызовут пристальное внимание Думы. Во-первых, эти проблема были самыми обсуждаемыми на страницах российской печати. Во-вторых, об амнистии говорилось в наказах депутатам и «неустанно повторялось на избирательных собраниях» [23, с. 259], о чем правительство не могло не знать. В-третьих, правительство после опубликования 18 февраля 1905 г. Именного Высочайшего указа Правительствующему сенату, возлагающего на Сенат обязанность рассматривать предложения на имя царя, поступающие от частных лиц и учреждений «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» [5, с. 22], получило множество записок не только с предложениями противодействия набирающему размах террору [16], но и писем, прошений, характеризующих отношение общества к амнистии и институту смертной казни.

Более всего записок поступило от консерваторов, ратовавших за сохранение смертной казни при усилении борьбы с террором и передающих тяжелую атмосферу страха, господствующую в стране. Так губернский гласный Полтавского земства В.И. Мезенцов в письме С.Ю. Витте в конце 1905 г. писал: «Совершенно терроризировано все мирное, благоразумное общество. Вы напрасно взываете к поддержке благомыслящих людей, – они не могут, они не смеют пикнуть против обуявшего их террора, – хотя нисколько не сочувствуют революции» [19. Л. 73]. Ему вторил Э. Шильдер-Шульднер в письме от 3 ноября 1905 г.: «Они [либералы, революционеры – *Н.П.*] ратуют против уничтожения смертной казни, а сами терроризируют мирных рабочих и железнодорожных служащих именно страхом смерти от неизвестной, подосланной ими руки... Вся их сила в страхе других! Каждый железнодорожный рабочий говорит: «Мне моя жизнь дороже; – и по приказу стачечного комитета не выходит на работу. Надо устроить так, чтобы они их не боялись. Вот где нужна главная поддержка правительству. Но здесь мы требуем от отдельных людей уже подвиги. Так их надо и обставить!...». Автор письма настаивал на применении смертной казни для террористов [19. Л. 168–170].

Многие консерваторы критиковали правительство за нерешительные действия в отношении революционных партий, за то, что оно не смогло предвидеть революции, поведение многих чиновни-

ков воспринималось как трусость: «народ говорит... самые черные крестьяне, ... что когда все было благополучно не подавали в отставку [министры – *Н.П.*], а теперь в «смутное время» пошли в отставку многие губернаторы боясь их убьют». Последние слова С.Ю. Витте подчеркнул [20. Л. 154–158].

Либералы, напротив, ратовали за отмену смертной казни, за политическую амнистию, полагая, что это остановит революцию. Так, 10 октября 1905 г. в Совет министров поступило письмо из Риги от Л.Ю. Иониной, бывшей жены посланника России в Швейцарии, которая писала, что до созыва Государственной думы Совет министров мог бы обсудить вопрос об отмене закона о смертной казни как несоответствующий «степени развития человека в XX веке» [17. Л. 129]. 20 декабря 1905 г. С.Ю. Витте получил письмо от анонимного корреспондента, который предлагал дать евреям равноправие, провести переговоры и заключить перемирие с вождями эсеров на следующих условиях: «партия приостанавливает всякие активные враждебные правительству действия и пропаганду до открытия Государственной Думы и потом еще на 1 год. Правительство освобождает арестованных, за исключением совершивших убийство и участвовавших в открытых мятежах в России» [21. Л. 17]. В Совет министров поступило даже прошение крестьян-арендаторов Рижского уезда от 15 мая 1905 г. освободить от заключения всех арестованных по политическим делам [17. Л. 30].

Действительно, обсуждение проблемы террора, амнистии и смертной казни стали едва ли не главными в работе I Государственной думы. С вопроса об амнистии Дума начала свою работу, а одним из двух законопроектов, которые она одобрила, был законопроект об отмене смертной казни. Оба эти вопроса были увязаны с проблемой политического террора, так как значительная часть заключенных, которые сидели в тюрьмах в 1906 г., были осуждены за политические преступления: террористические акты или экспроприации. Почему эти проблемы, безусловно, важные, но все же не первостепенные, в отличие от аграрной, например, выдвинулись на первый план в Думе? Представляется, что это было обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, настроением улицы. Когда депутаты после тронной речи императора двигались из Зимнего дворца в Таврический, их сопровождали массы народа с одним требованием: «Амнистии!», а из «Крестов» неслись крики узников: «Ура! Свободы! Амнистии!». В ответ все депутаты, «как один человек, замахали шляпами». У многих на глазах стояли слезы [9, с. 158; 15, с. 339]. Во-вторых, депутаты сознавали, что созыв Думы является итогом долгой освободительной борьбы, и «с ее стороны – долг чести прежде всего протянуть руку помощи к тем, кто еще томится в заключении» [6, с. 23]. Кроме того, эти вопросы стали средством

давления Думы на правительство. Новая элита, возникшая в России в ходе модернизации, хотела большей власти, чем та, которую она получила по Основным государственным законам от 23 апреля 1906 г. Эту мысль кадетский депутат В.Д. Набоков выразил следующими словами: «исполнительная власть да покорится власти законодательной».

Сразу после избрания председателя Думы с требованием амнистии политическим заключенным выступил кадет И.И. Петрункевич. Это выступление не было спонтанным, как могло показаться со стороны. Сразу же по прибытии в Таврический дворец к М.М. Ковалевскому, с научным авторитетом которого считались и левые, и правые, подошел С.А. Муромцев и спросил его мнения о своевременности разговора об амнистии. М.М. Ковалевский «высказался в смысле утвердительно» [8, с. 362]. Высказать это требование кадеты поручили своему старейшему лидеру И.И. Петрункевичу [23, с. 259]. На первых же заседаниях нижней палаты стали зачитывать телеграммы от политических заключенных, с которыми Дума считала себя связанной, все это создало особую, взвинченную атмосферу. Требования амнистии и отмены смертной казни было решено внести в ответный адрес государю. В действительности об амнистии Дума могла лишь просить, так как этот вопрос был прерогативой царской власти.

При обсуждении проекта ответного адреса депутаты подчеркивали, что амнистия – это всенародное требование [22, стб. 27]. В начале обсуждения часть депутатов склонялась к мысли, что амнистия является актом прощения, милосердия, забвения, но позже большинство пришло к выводу, что это необходимое требование народа к верховной власти, а не просьба, так как амнистия касается не заблудших, а невинных, которые «томятся в тюрьмах не потому, что они преступники, а потому, что они борцы, потому что добивались того, чего мы здесь добиваемся» [22, стб. 28]. Подчеркивалось, что амнистия является условием мира в стране и должна быть всеобщей [22, стб. 24, 27]. Рабочий социал-демократ В.Н. Чурюков предложил, не дожидаясь составления ответного адреса, послать императору телеграмму о необходимости освобождения всех политических заключенных, а до тех пор не приступать ни к каким делам [22, стб. 34]. И хотя большинство депутатов высказались против этой меры, полагая, что она спровоцирует открытый конфликт с верховной властью, тем не менее требование Думой амнистии выглядело именно угрозой царю и правительству [22, стб. 35–38]. В.Д. Набоков озвучил кадетский проект обращения к государю в ответ на тронную речь, в котором отмечалось, что отсутствие амнистии не дает возможности Думе приступить к законодательной работе. Амнистия – требования народной совести, «в которых нель-

зя отказывать, с исполнением которых нельзя медлить». Дума ждет «полной политической амнистии как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между царем и народом» [22, стб. 76].

5 мая единогласно был принят кадетский вариант ответного адреса императору, в который были внесены незначительные изменения, уточняющие понятие: «полная политическая амнистия», т. е. «амнистии, распространенной на все предусмотренные уголовным законом деяния, вытекавшие из побуждений религиозного или политического, а также на все аграрные правонарушения» [22, стб. 241]. Однако амнистии Дума не добилась. Между тем, по мнению современников, у нее был способ сделать это. Для этого Дума должна была осудить террор [11, с. 109]. Без этого требовать амнистии от власти, которая опасалась, что выпущенные на свободу заключенные вновь возобновят террор, было бессмысленно. Так, А.В. Богданович 3 мая записала в дневнике: «Б.В. Никольский рассказывает, что когда царю было доложено про убийство адмирала Кузьмича, он топнул ногой и воскликнул: "После всех этих убийств смеют еще говорить об амнистии"» [1, с. 387].

Предложение осудить террор было высказано в Думе умеренными депутатами. Первым эту идею высказал 2 мая А.А. Остафьев, входящий во фракцию октябристов. Он указал на то, что нельзя требовать амнистии без того, чтобы сказать, что в «культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть...» [22, стб. 82]. Депутат М.А. Стахович 4 мая предложил принять поправку к адресу императору, осуждающую террор. Террор, с его точки зрения, являлся преступлением, вызванным жестокостью власти и бесправием народа. Но в Думе нужно «добиваться своего или общественного права не силой, а по закону» [22, стб. 228]. В поправке говорилось: «...Государственная Дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым Дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они не исходили» [22, стб. 228].

Выступая во второй раз с пояснением к своей речи, М.А. Стахович осудил Думу за однобокое восприятие действительности, за то, что она помнит только о казнях политических преступников, но не об их жертвах, большинство из которых, городовые, кучера, сторожа, верно служат царю и стране. Он полагал, что большинство народа

осуждает политические покушения: «Русский народ скажет, что это не борьба, что это не служение ему и его благу, это – душегубство, и он его не хочет» [22, стб. 233]. В.А. Оболенский в воспоминаниях дал весьма нелестную характеристику М.А. Стаховичу как фрондери-аристократу, человеку без «определенных политических убеждений» [15, с. 378]. Но в I Думе он проявил подлинное мужество, заняв крайне непопулярную позицию по вопросу о терроре, выступив практически против всех. Думается, отношение М.А. Стаховича к террору сформировалось 1 марта 1881 г., когда он случайно оказался во дворце и стоял у постели умирающего царя [7, с. 464–465].

Однако Дума проголосовала против поправки М.А. Стаховича, к которой присоединилось лишь 10 чел. Дума оказалась не в состоянии осудить террор, потому что она, в отличие от депутата М.А. Стаховича, не видела в нем преступления. Террористы представляли в речах народных избранников героями, совершавшими теракты «из любви к родине и из желания ей блага» [22, стб. 34, 1487], «пламенными людьми, пламеневшими любовью к родине» [22, стб. 228], а не преступниками. Депутат И.Л. Шраг, входивший в кадетскую фракцию, полагал, что террористы совершили наивысший подвиг: «жизнь свою положили за други своя!», они – «невольные жертвы», «...идя на то, что с формальной стороны называется преступлением, может быть мучились, страдали, ибо им, по их взглядам и убеждениям, противны все насилия, противно посягательство на жизнь человека. Они шли на это, как на подвиг, на борьбу и думали, может быть, заблуждались, что они спасают то, что им дорого, что они идут на борьбу с тем, что и нам одинаково ненавистно» [22, стб. 231–232]. Ему вторил профессор М.М. Ковалевский. В разговоре с друзьями он находил, что «гораздо действеннее писать статьи, чем бросать бомбы» [8, с. 116], но на думском заседании называл террористов святыми, поскольку им свойственно самопожертвование. Именно поэтому, с его точки зрения, Дума и не решается «поднимать секиру над головами политических преступников» [22, стб. 436]. Показательно, что в воспоминаниях М.М. Ковалевский ничего не пишет о революционном терроре и его жертвах, только о терроре правительства [8]. Левые и либералы замечали только террор со стороны правительства, революционный террор словно не существовал для них. Неслучайно кадет Н.Н. Миклашевский при обсуждении вопроса об амнистии 2 мая призвал к суду над теми, кто «совершал со стороны правительства расправы» [22, стб. 76].

Кадетский депутат священник Н.В. Огнев считал террористок В. Засулич и М. Спиридонову «не злодейками по природе», но людьми «особенной нравственной чуткости, чуткости большей, чем у обыкновенных, ординарных людей», которые не имея других

средств воздействия на таких извергов, как Луженовский, решаются на преступления [22, стб. 1496]. Ф.И. Родичев и В.Д. Набоков не сомневались, что, если будет амнистия, то «лица, которые в настоящее время наполняют тюрьмы, дадут ... целую толпу деятелей самоотверженных, потому что туда их привело самоотвержение, которого нет в рядах истязателей!», смогут быть «вождями народными» [22, стб. 230, 1487].

Жертвы же террористов представляли в речах депутатов извергами, истязателями, которых, в общем-то, и не жалко, хотя большинство депутатов подчеркивали, что они против политических убийств. О невольных жертвах террористов Дума не вспоминала вообще. Лишь М.А. Стахович отметил, что жертвы террора – это верные слуги царя и страны, которые имеют невероятное мужество перед лицом опасности «охранять уже по чувству долга» [22, стб. 233].

Причины терроризма виделась депутатам в неограниченном самодержавии и в политике правительства, которое не соблюдало права человека и гражданина, заграждало все пути для защиты этих прав, проявляло насилие по отношению к гражданам, не предавало суду тех, кто совершал преступления против народа [22, стб. 228–229]. Именно оно, с их точки зрения, и несет ответственность за террор. Кадетский депутат Я.Я. Теннисон заметил, что под властью военного министерства люди просто не могут «совладать с собой» [22, стб. 908], «единственным выходом» из этого положения многим виделся террор. Такое отношение Думы к террору сделало совершенно невозможным для нее найти действенные пути для решения проблемы амнистии. Нужно сказать, что депутаты в отношении революционного террора употребляли термин «политическое убийство». Термин «политический террор» или «русский террор» они применяли, когда характеризовали действия правительства в период революции [22, стб. 440, 1265–1267, 1494].

Вопрос об амнистии был тесно связан с проблемой отмены смертной казни. Необходимость отмены смертной казни вызывалась в России произволом местной администрации. В стране действовала статья 18 исключительных положений, которая давала право администрации изымать любое дело из ведения общих судов и передавать его военным судам для суда по законам военного времени. Дума подняла вопрос о создании законопроекта об отмене смертной казни, и 18 мая кадетская фракция внесла законопроект в I Думу. В.А. Набоков объяснил, что законопроект вносится потому, что власть вопреки ожиданиям депутатов, выраженных в адресе царю, не приостановила смертные казни [22, стб. 422]. Председатель Думы этот законопроект передал министрам юстиции, военному и морскому. 26 мая ответы министров были озвучены в Думе. Мини-

стерства не отказывались от разработки этого закона, но ввиду сложности вопроса, требующего «правильной выработки основных положений... и подробных соображений в отношении отдельных преступлений», потребовали месячного срока [4, стб. 641–642]. Такая позиция министерств вызвала бурю протестов в Государственной думе и была оценена как «бюрократическая отписка», «глухота... к общественным требованиям» [22, стб. 642]. Большинство депутатов высказались за необходимость самим в кратчайший срок подготовить законопроект. Голоса умеренного депутата П.А. Гейдена и кадета Л.И. Петражицкого, считавших, что если Дума выработает закон сама – это будет «никому не нужной демонстрацией» и обострит отношения с правительством [22, стб. 646, 652], потонули в общем хоре осуждения правительства. М.М. Ковалевский предложил внести законопроект, отменяющий право министров на месяц отсрочивать законодательную работу Думы и обратиться к монарху с требованием приостановить исполнение смертной казни [22, стб. 659]. В результате Дума решила сама подготовить законопроект об отмене смертной казни.

Депутаты полагали, что этот шаг приведет к прекращению террора. Смертная казнь представлялась Думе мстью и произволом со стороны правительства, которые не могут остановить революционное движение и террор [22, стб. 906], являющийся следствием «зверства и казней» правительства. Трудовик Т.В. Локоть даже призвал Думу немедленно рассмотреть законопроект об отмене смертной казни [22, стб. 662]. Но большинство все же проголосовало за предложение кадетов о создании комиссии для подготовки проекта закона в пятидневный срок. Дума приняла кадетскую формулу перехода к очередным делам, в которой признавалось, что решение вопроса о смертной казни «вполне подготовлено редакционной комиссией по составлению уголовного уложения» и требовалось приостановление смертных приговоров [22, стб. 661]. 19 июня в Думе слушали подготовленный комиссией законопроект об отмене смертной казни. Докладчик комиссии В.Д. Кузьмин-Караваев в очередной раз подчеркнул, что смертная казнь не может сдерживать политических убийств, напротив, они вызваны «безудержным применением смертной казни» [22, стб. 1471]. Министр юстиции И.Г. Щегловитов выступил в Думе против законопроекта. С его точки зрения, «отмена смертной казни для политических преступлений при таких условиях была бы равносильна отказу государства всемерно защищать своих верных слуг» и приведет к увеличению терактов. Этот законопроект, по его мнению, требовал детальной проработки «окрепшего государственного порядка и установившегося успокоения в стране» [22, стб. 1479]. Его выступление вызвало в Думе взрыв негодования, речь министра прерывали крики: «довольно», «отставка». Министры внутренних дел и военный также посчи-

тали этот законопроект несвоевременным. В.Д. Набоков искажил как атмосферу выступления министра юстиции, так и сущность его речи, когда написал для еженедельника «Право»: «Дума спокойно выслушала бессмысленную и крайне невежественную речь министра юстиции, не умеющего отличить социализм от анархизма». Поспешил он и с выводом: «...По решению Государственной Думы, смертной казни в России больше не будет – безусловно и навсегда» [13, стб. 2203].

После обсуждения законопроекта в тот же день, 19 июня, Дума единогласно с небольшими изменениями приняла законопроект об отмене смертной казни. Против никто не голосовал. Всем был памятен пример выступления правого депутата И.В. Способного. Он еще 5 мая выступил против отмены смертной казни, правда, свою крайне непопулярную в Думе позицию защищал невнятно [22, стб. 87]. В тот же день в «Биржевых ведомостях» появилось следующее стихотворение:

Депутат, – не столь способный,
Как фамилия его, –
Бросил Думе вызов злобный
И рискнул на озорство.
Всех вопросов безобразней
Им затронутый вопрос:
Он в защиту смертных казней
Спич хвалебный произнес! [10].

Законопроект, принятый Думой, поступил в Госсовет, но не был там поддержан. Смертную казнь отменить не удалось. Этот раунд в поединке общества с властью выиграла последняя. Между тем у Думы был «легкий и быстрый путь практически к отмене смертной казни: она могла изменить Положение об охране и упразднить статью 18» [11, с. 197]. Дума же, по сути, спровоцировала отказ правительства и в случае с амнистией, и в случае со смертной казнью, так как не столько хотела спасти или освободить заключенных, сколько показать свою силу и выиграть борьбу с правительством [3, с. 119; 11, с. 246].

Таким образом, большинство депутатов I Думы оценило революционный террор не как преступление, но как средство, которым вынужденно пользоваться общество в борьбе с самодержавием и произволом власти. Нижняя палата парламента попробовала вопросы амнистии и смертной казни использовать как рычаги для давления на правительство с целью получения большей власти. Правительство, со своей стороны плохо подготовившись к обсуждению этих проблем, не пошло на компромиссы с Думой. Оно учло только мнение консерваторов и усилило репрессии против революции. Нежелание Думы осудить террор способствовало ее роспуску.

Список литературы

1. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. – М., 1990.
2. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 2000.
3. Герье В. Первые шаги бывшей Государственной Думы. – М., 1907.
4. Демин В.А. Государственная Дума России: механизмы функционирования. – М., 1996.
5. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. – М., 2010.
6. Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва. – Пенза, 1907.
7. Кара-Мурза А.А. Михаил Александрович Стахович: «Мне приходится жить, думать и говорить так несвоевременно // Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд. / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. – М., 2007.
8. Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917.
9. Локоть Т.В. Первая Дума. Статьи, заметки и впечатления бывшего члена Государственной Думы. – М., 1906.
10. Льдов К. Отзвуки. Против смертной казни // Биржевые ведомости. 1906. 5 мая.
11. Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апр. – 8 июля 1906 г. – М., 2006.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII начало XX в.): в 2 т. – 3-е изд. – СПб., 2003. – Т. 2.
13. Набоков В.Д. Минувшая неделя // Право. – 1906. – № 25. – Стб. 2201–2204.
14. Набоков В.Д. Парламентская неделя // Вестн. Партии народной свободы. – 1906. – № 17. – Стб. 1089–1095.
15. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – Париж, 1988.
16. Портнягина Н.А. Общественные проекты противодействия террору в период революции 1905–1907 гг. // Полиэтнический вуз в системе современного высшего образования: материалы межвуз. науч.-практ. конф. – СПб., 2013. С. 104–109.
17. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 10.
18. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 12.
19. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 57.
20. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 58.
21. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 59.
22. Стенографические отчеты / Государственная дума. Первый созыв, 1906. Сес. 1. Т. 1. – СПб., 1906.
23. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М., 2007.

Сведения об авторах

Агафонова Анна Борисовна – аспирант, старший лаборант кафедры социально-экономических дисциплин, Череповецкий государственный университет; e-mail: unerkannt@bk.ru

Алексеева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Череповецкий государственный университет; e-mail: alekseevanv35@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, доцент кафедры культурологии, Гуманитарный институт; e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Вербовой Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Подпорожский филиал; e-mail: oflgu@mail.ru

Деркач (Егорова) Татьяна Владимировна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: tatiannaegorova@rambler.ru

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, зав. кафедрой истории, Череповецкий государственный университет; e-mail: anegorov65@mail.ru

Ещенко Юлия Геннадьевна – аспирант кафедры истории России, Астраханский государственный университет; e-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии гуманитарного факультета, Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП); докторант философского факультета кафедры истории русской философии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: korobkova@hf-guap.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент, зав. межфакультетской кафедрой истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических, доктор политических наук, доцент, Государственный институт международных отношений Молдовы; e-mail: sergnazar@mail.ru

Островский Олег Борисович – доктор исторических наук, доцент кафедры методики обучения истории и обществознанию, Российский государственный педагогический университет (РГПУ) имени А.И. Герцена; e-mail: oleg-ostrovskiy@yandex.ru

Орлова Анна Петровна – старший преподаватель кафедры истории Отечества, Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова; e-mail: anyaorlova@rambler.ru

Патрикеева Ольга Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: olpatrikeeva@yandex.ru

Портнягина Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах; докторант исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nap.spb@mail.ru

Солодянкина Ольга Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, декан факультета общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Череповецкий государственный университет; e-mail: olga_solodiantkin@mail.ru

Фролова Ирина Викторовна – аспирант, специалист по учебно-методической работе, Череповецкий государственный университет; e-mail: ivfrolova160381@yandex.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 476-90-34

Для заметок

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 3
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.09.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 500 экз. Заказ № 924

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а